

ПРЕДИСЛОВИЕ

Одна из основных целей проведения научных мероприятий на факультете славянских и германских языков учреждения образования «Барановичский государственный университет» — повышение качества подготовки будущих специалистов посредством развития исследовательских умений, создание условий для реализации творческих способностей и научного потенциала студентов, их активного включения в научно-исследовательскую деятельность учреждения высшего образования.

III Республиканская студенческая научно-практическая конференция с международным участием «Актуальные проблемы филологических и педагогических наук» проведена 22 ноября 2017 г. при активном участии Студенческого научного общества факультета славянских и германских языков “LinguArt”. Представленные материалы отражают результаты исследований более сорока молодых исследователей из учреждений образования разного профиля Республики Беларусь и Украины. Сборник содержит три раздела по заявленным направлениям работы конференции.

В раздел «Лингвистика. Литературоведение (английский, немецкий, французский языки)» помещены работы в области лингвистики, социолингвистики, лингвокультуроведения и литературоведения. Внимание авторов обращено к исследованию таких явлений и аспектов, как различные виды дискурса (художественный экологический дискурс; компаративные тропы в художественном дискурсе; особенности терминологии гастрономического дискурса); проблемы военного перевода; речевые тактики и стратегии (комплимент как единица речевого поведения в немецком языке); ценности как компонент культуры (восприятие времени в белорусской и американской культурах; отражение американских и белорусских ценностных ориентаций в свадебных поздравлениях); отдельные аспекты анализа (сравнительный анализ текстов военных клятв); особенности заимствования англицизмов и американизмов в языке рекламы, употребления названий брендов в английском языке, структуры текста кулинарного рецепта; кодирование как лингвистический аспект речи; эвфемизация лексики как проявление политической корректности и др.

Авторы материалов раздела «Языкознание. Литературоведение (белорусский, русский языки). Методика преподавания белорусского, русского языков и литературы» рассматривают вопросы особенностей использования эпитетов, метафор, сравнений в белорусских народных сказках; соотношения языка и национального мировосприятия; создания имиджа политического деятеля в материалах русскоязычных средств массовой информации; изучения разнообразных аспектов творчества Н. Гилевича, Ф. М. Достоевского, Л. Калюги, Я. Коласа, Я. Купалы, Н. Купреева, Б. Петровича, Э. М. Ремарка, Е. Янищиц и т. д. Кроме того, в исследованиях данного раздела представлены отдельные методические аспекты, в частности, организация самостоятельной работы на уроках русского языка как условие развития познавательной активности младших школьников.

Темы материалов раздела «Методика преподавания иностранных языков» носят преимущественно прикладной характер и отражают различные направления реализации современных подходов и технологий обучения, например, использование проектной методики на уроках немецкого языка как возможность развития творческих способностей учащихся (Е. О. Гайтюкевич), технологии BYOD в учреждении общего среднего образования (Д. И. Лашевская, Н. В. Ткачук); развитие у учащихся I ступени общего среднего образования умений диалогической речи с использованием видеотехнологии (А. С. Кочукова) и пр.

Представленные материалы характеризуются актуальностью тематики, конкретностью изложенного содержания, научной лаконичностью, а также языковым разнообразием, что выражается в наличии текстов докладов на белорусском, русском, английском, немецком языках.

Авторский коллектив выражает надежду, что издание материалов будет способствовать обогащению исследовательского опыта аспирантов, магистрантов, студентов и учащихся, а также содействовать формулировке ими предметов для последующего научного поиска в рамках филологического и методического направлений.

В. В. Климук, Н. Н. Круглякова, А. В. Прадун

ЛИНГВИСТИКА. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ (АНГЛИЙСКИЙ, НЕМЕЦКИЙ, ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫКИ)

УДК 81.2; 659.123

В. И. Ерш

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

ПУТИ ИНТЕНСИВНОГО ЗАИМСТВОВАНИЯ АНГЛИЦИЗМОВ И АМЕРИКАНИЗМОВ В ЯЗЫКЕ РЕКЛАМЫ

Введение. Пути заимствований иноязычных слов столь же разнообразны, насколько многолик и многогранен сам процесс межкультурной коммуникации. Активное внедрение англицизмов и американизмов в язык рекламы, сопровождающееся развитием информационных технологий и активизацией межкультурных коммуникаций, образует фактор социально-культурного порядка.

Целью данной работы является анализ основных путей заимствования англицизмов и американизмов в языке рекламы. В ходе исследования использованы теоретический анализ и синтез, метод сплошной выборки и обобщения.

Основная часть. Пути заимствования иноязычных слов изучались многими лингвистами еще в начале XX века. Например, основной причиной заимствования слов, по Э. Рихтеру, является необходимость в наименовании вещей и понятий. Существуют и другие пути: потребности в новых языковых формах, расчленении понятий, разнообразии средств и их полноте, краткости и ясности, удобстве и т. п. [1, с. 58].

Исследователь М. А. Брейтер выделяет следующие пути заимствований:

- 1) отсутствие соответствующего понятия в когнитивной базе языка-рецептора;
- 2) отсутствие соответствующего или более точного наименования либо его «проигрыш» в конкуренции с заимствованием в языке-рецепторе. Отмечается, что грань между представленной причиной и предыдущей группой размыта, так как в ряде случаев трудно утверждать, является ли данное понятие новым для языка-рецептора;
- 3) обеспечение стилистического или эмфатического эффекта. Эмфатическая функция может быть обусловлена как омофонией, так и интертекстовостью, соединяющей межъязыковые смыслы;
- 4) выражение позитивных или негативных коннотаций, которыми не обладает эквивалентная единица в языке-рецепторе.

По мнению М. А. Брейтера, эта особенность четко прослеживается в рекламе, где заимствования употребляются в целях актуализации позитивных коннотаций. Следует заметить, что в конце 90-х годов XX века чрезмерное употребление англицизмов в рекламе и СМИ вызвало негативную реакцию у большей части русскоязычного населения, поэтому создание позитивной коннотации при помощи англицизмов и американизмов — спорный вопрос и в настоящее время [2, с. 132—135].

В составе английских заимствований в современном русском языке выделяют, как правило, две основные группы, различающиеся основанием заимствований.

1. Терминология языка компьютерного дела или современной экономики, финансового дела или менеджмента. Примерами в таком случае будут служить: «Обновленный А-Класс. Прогрессивный, яркий, амбициозный. У него есть все, чтоб стать *трендсеттером* на улицах города и в соцсетях» [3].

Представленный выше термин перекочевал из состояния термина экономической науки (где применение транслитерированных терминов может быть и вполне обоснованным) в сферу дискурса неспециалистов, на газетные и журнальные строки.

Из представленного выше примера, а также проведенного анализа аналогичных примеров можно сделать вывод, что наибольшая частотность употребления англицизмов и американизмов наблюдается в экономической сфере.

2. «Дань моде» (например, «Глэму ты не скажешь “до свиданья”»; «“Kiss” выступили в “Олимпийском”» [4]).

Иноязычное слово «глэм» ассимилировалось в русском языке, несомненно, приобретая все большее распространение в различных речевых сферах, в первую очередь в языке рекламы.

«13 апреля в Минске пройдет открытое *ток-шоу* “Выжившие: как не загубить ресторанный бизнес”» [5].

Лингвистический анализ большинства рекламных текстов позволяет сделать вывод о том, что лексическая единица «ток-шоу» — одна из наиболее интересных и широко употребляемых в печатных СМИ и на телевидении.

Слова «фейк», «фейковый» являются новыми в принимающем языке, так как они несут в себе временную коннотацию новизны и оригинальности, имеют тенденцию привлекать внимание к заголовку, в котором функционируют. «Происшествия в Сирии, так или иначе связанные с применением химического оружия, происшествия как реальные, так и *фейковые*, опасно множатся» [5].

Следовательно, в качестве причин заимствований в языке рекламы выступают терминология, «дань моде», экспрессивность, новизна, эмоциональность высказывания.

Анализ основных путей проникновения иностранных заимствований в русский язык позволяет выделить такие черты англицизмов и американизмов в рекламном тексте, как наличие английских суффиксов *-er (-or)*, которые являются основными показателями того, что слово — англицизм (*инвестор, аутсайдер, трендсеттер, стейкхолдер, бургер, дискаунтер, мессенджер, трейлер, дилер, тендер, фрирайдер, спонсор*). Большинство из них «перекочевали» из экономической науки (где применение транслитерированных терминов может быть и вполне обоснованным) в сферу дискурса неспециалистов, что не помешало их успешному функционированию.

Более того, иностранные заимствования, являясь новыми словами в принимающем языке, несут в себе временную коннотацию новизны, эффект оригинальности, тем самым привлекают и приковывают внимание, скрывают пустоту речи: например, *экспресс, глэм, смартфон, ритейл, вэлнэсс, топ, бизнес, косплей, девайс, дисконтный, чарт* и т. д. Кроме того, указателем английского происхождения заимствований является суффикс *-ing*, который способен образовывать существительные от глаголов. Такие слова обычно являются терминами, характеризующими определенный процесс. Мы заметили, что в этом случае большинство заимствований тоже принадлежат к сфере политики и экономики. Примерами данных слов являются *холдинг, роуминг, лизинг, коучинг, мониторинг, франчайзинг*.

Еще одним указателем английского происхождения заимствований будет являться суффикс *-ment*, который образует существительные со значением действия или процесса, продукта или результата действия, а также состояния (в том числе состояния, вызванного действием). Некоторые слова с этим суффиксом приобретают значение совокупности предметов: например, *парламент, менеджмент* и т. д.

Существуют и такие заимствования, которые прочно ассимилировались не только в текстах рекламы, но и, как следствие, в повседневной жизни каждого человека. Например, всем известны такие слова, как *смартфон, интернет, тренд, бизнес, имидж, хит-парад, чарт* и т. п.

Использование некоторых слов поддерживает коннотацию новизны, но они могут быть рассмотрены как маскировка отсутствия самостоятельного мышления, принятие информации извне без критической оценки, пустоту речи, скрывающуюся за оригинальным, не всегда доступным декодированию «фасадом»: например, *контент, стартап, нон-стоп, ремейк, аутсайдер, маст-хэв, косплей, девайс* и др.

Большинство заимствованных слов, несомненно, обладают яркой оценочностью, которая зачастую имплицитна и выявляется в контексте, скорее представляя собой эмоциональный компонент коннотации, поскольку переходит в область иронии и сарказма (*фейковый, маст-хэв, топ, аутсайдер, ноу-хау*).

Заключение. Большинство новых слов появилось с развитием науки, техники, культуры, экономики, производственных отношений. Многие из англицизмов и американизмов прочно входят в жизнь, утрачивают свою новизну и переходят в активный словарный запас. Народная речь быстро освоила их, поскольку эти слова используются постоянно. Основными путями заимствований в языке рекламы являются терминология, «дань моде», экспрессивность новизны, эмоциональность высказывания. Их использование обусловлено как стремлением дать наименование новым понятиям, так и социально-психологическими причинами — престижностью иноязычных слов по сравнению с исконными и коммуникативной актуальностью, которая и сделала их ключевыми словами текущего момента.

Список цитируемых источников

1. Брейтер, М. А. Англицизмы в русском языке: история и перспективы / М. А. Брейтер. — Владивосток : Диалог, 2005. — 156 с.
2. Крысин, Л. П. Иноязычные слова в современном русском языке / Л. П. Крысин. — М. : Просвещение, 1968. — 208 с.
3. GLAMOUR / Новости [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.glamour.ru/culture/news>. — Дата доступа: 05.05.2017.
4. Коммерсантъ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.kommersant.ru>. — Дата доступа: 07.05.2017.
5. Эксперт. Главная [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://expert.ru>. — Дата доступа: 08.05.2017.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Введение. Неоднозначность понятия «дискурс» связано с тем, что дискурс — это и процесс речевой деятельности, сложное коммуникативное явление, единство языковой практики и экстралингвистических факторов, необходимых для понимания текста, и результат, продукт речемыслительной деятельности.

Экологический дискурс — множество текстов различных функциональных стилей и жанров, выражающих в языке экологические темы и проблемы [1, с. 23].

Так как экологический дискурс касается актуальных общественных вопросов и проблем, связанных с экологией, отражением в языке взаимоотношений природы и человека, он является объектом исследования эколингвистики — новой области языкознания.

Основная часть. К основным функциям экологического дискурса относятся:

- 1) *исследовательская* — изучение актуальных вопросов и проблем общества, связанных с экологией и загрязнением окружающей среды;
- 2) *агитационно-информационная* — влияние на общественное мировоззрение путем пропагандирования необходимости охраны природы как естественной среды обитания всех живых организмов;
- 3) *активизирующая* — убеждение реципиентов в обязательности изменения поведения и повышение их экологического воспитания в целях совершения конкретных поступков, направленных на защиту окружающей среды;
- 4) *регулятивная* — регулирование поведения человека в обществе путем закрепления норм взаимодействия с окружающей средой (законов, постановлений) [2, с. 83].

Под типологией понимается метод научного познания, основанный на градации изучаемой совокупности объектов на группы. Анализ научной литературы позволил определить тему как главный критерий типологизации дискурса. К тематике экологического дискурса относятся состояние природы и всего в ней обитающего, взаимодействие человека и природы, защита окружающей среды, экологическое воспитание. Типами экологического дискурса являются научный, юридический, массмедийный, художественный, бытовой.

В соответствии с функциями тематика текстов экологического дискурса весьма разнообразна:

- загрязнение окружающей среды человеком за счет выброса в атмосферу выхлопных газов, отходов производства, бытового мусора; техногенные катастрофы, произошедшие по вине человека (химические и ядерные катастрофы; расточительное использование природных ресурсов, вырубка лесов);
- природные катастрофы, возникающие в результате изменения климата; потепление климата, угроза парникового эффекта, кислотные атмосферные осадки, возникновение озоновых дыр; исчезновение различных видов растений и животных; возникновение неизлечимых болезней, эпидемий;
- необходимость бережного отношения к природе и активных действий со стороны предприятий и граждан в рамках защиты окружающей среды, предписание определенных экологических норм; взаимодействие человека и природы, соседство человека с миром животных, влияние природы на состояние человека;
- описание красоты окружающей природы, ландшафтов; воспевание многообразия животного и растительного мира; разнообразие природных особенностей в разное время дня, в различные поры года;
- выживание человека в экстремальных условиях; прогнозирование возможного прекращения человеческой деятельности на планете Земля; возможные причины апокалипсиса.

Художественный экологический дискурс включает эпический, лирический и драматический сегменты. Функцией художественного экологического дискурса можно назвать нахождение и переживание существенных смыслов, активное эмоциональное воздействие на реципиентов, а также повышение экологического сознания читателей и их активизация в защиту окружающей среды. Из используемых коммуникативных тактик актуальна тактика формирования положительного отношения к природе и отрицательного отношения к загрязнению окружающей среды, а также тактика создания гармонии человека и природы [1, с. 38].

Художественный дискурс понимается как коммуникативный акт, который не обязательно, и не в первую очередь преследует цели, характерные, например, для межличностной коммуникации, или любой другой набор целей, характерный для других типов дискурса [4, с. 143].

Также необходимо подчеркнуть и функциональность художественного дискурса. Исследователь Т. П. Плещенко выделяет две основные функции: коммуникативную и эстетическую (художественную).

Коммуникативная функция художественной литературы проявляется в том, что информация о художественном мире произведения сливается с информацией о мире действительности. Эстетическая (иначе — художественная) функция тесно взаимодействует с коммуникативной, и это взаимодействие

приводит к тому, что в языке художественного произведения слово не только передает содержание, смысл, но и эмоционально воздействует на читателя, вызывая у него определенные мысли, представления, оно делает читателя сопереживателем и в какой-то мере соучастником описываемых событий.

Благодаря эстетической функции, связанной с конкретно-чувственным восприятием действительности, в художественной речи употребляются такие типы слов, форм и конструкций, в которых проявляется категория конкретности [3].

Анализ научной литературы по исследуемой теме позволяет дополнить коммуникативную и эстетическую функции другими, раскрывающими суть художественного экологического дискурса: нахождение и переживание существенных смыслов; активное эмоциональное воздействие на читателя; формирование положительного отношения к природе и отрицательного к загрязнению окружающей среды; повышение экологического сознания; расширение кругозора.

Художественному экологическому дискурсу присущи те же особенности, которые характерны для художественного дискурса в целом: неустойчивость композиции, отсутствие четких критериев для анализа содержания, так как это зависит от замысла автора, а также наличие разнообразных языковых средств выразительности всех уровней языка.

К отличительным чертам художественного экологического дискурса можно отнести наличие определенной тематики и расширение коммуникативной и эстетической функций художественного дискурса специфическими функциями, служащими отражению тематики. Основными жанрами художественного экологического дискурса, как и художественного дискурса, являются эпос, лирика и драма.

Заключение. Экологический дискурс, как и другие, имеет ряд особенностей, которые затрагивают ключевую тему с маркированной социальной направленностью, композицию текста, глобальные цели данного вида дискурса, а также его разновидности. Несмотря на то, что ключевым жанром изучаемой темы является научный экологический дискурс, это не умаляет значение других типов экологического дискурса, в том числе и художественного, который является эффективнейшим средством воздействия на духовные ценности реципиентов.

Список цитируемых источников

1. *Иванова, Е. В.* Метафорическая концептуализация природных катастроф в экологическом дискурсе : на материале медийных текстов : дис. ... канд. филол. наук / Е. В. Иванова. — Челябинск, 2007. — 219 л.
2. *Зайцева, А. В.* Типология текстов экологического дискурса ФРГ : дис. ... канд. филол. наук / А. В. Зайцева. — Смоленск, 2014. — 252 л.
3. *Плещенко, Т. П.* Стилистика и культуры речи : учеб. пособие / Т. П. Плещенко, Н. В. Федотова, Р. Г. Четвет ; под ред. П. П. Шубы. — Минск : ТетраСистемс, 2001. — 544 с.
4. *Dijk, T. A. van.* Studies in The Pragmatics of Discourse / T. A. van Dijk // *Janua linguarum. Series Maior*; 101. — The Hague, Paris, New York : Mouton Publishers, 1981. — 331 p.

УДК 81

Н. В. Змитрукевич

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

КОМПАРАТИВНЫЕ ТРОПЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

Введение. Тексты художественного дискурса представляют особый пласт литературы, в котором наиболее широко используются различные стилистические средства и приемы. Изучение литературных приемов позволяет читателю раскрыть удивительный мир книги, научиться «читать между строк» [2].

Основная часть. Писатель, создавая художественное произведение, познает окружающий мир и отражает его, выражая свое отношение к действительности, свое понимание. Результатом деятельности писателя становится художественный текст. Он воспринимается читателем с совершенно разных сторон, и в этом кроется ещё одна особенность художественного дискурса: как нет двух одинаковых людей, то не может быть и одинакового восприятия художественного текста.

Доминирующими функциями художественного дискурса являются эстетическая, изобразительная и эмотивная функции [4, с. 16—17]. Для выполнения данных функций писатели используют различные языковые средства выразительности, чтобы повести воображение и мысли читающих в нужное русло.

В риторической теории и практике к числу языковых средств выразительности традиционно относят: тропы (метафора, метонимия, сравнение, эпитет, гипербола), фигуры речи (анафора, эпифора, анадиплосис, кольцо, параллелизм, антитеза, период, перечисление, инверсия, сегментация, парцелляция, парантеза, эллипсис, умолчание, упреждение, риторический вопрос, риторическое обращение, риторическое восклицание), приемы и формы (анаграмма, подражание, пародия, стилизация, цитаты, афоризмы, пословицы).

К особенностям языка художественной литературы относятся широкая метафоричность, образность языковых единиц всех уровней, использование синонимов всех типов, многозначности, разных стилевых пластов лексики. Тропы в художественном дискурсе создают иносказательную образность, когда образ проявляется при сближении одного предмета или явления с другим, что повышает воздействие на читателей или слушателей.

Тропы — слова и выражения, используемые в переносном смысле с целью достичь художественной выразительности речи. В основе любого тропа лежит сопоставление предметов и явлений [5, с. 1422].

Сравнение — вид тропа, уподобление соотносимых явлений (предметов, состояний), выраженное при помощи слов *точно, будто, словно, как, что, как будто* и др., при этом свойства или качества одного явления (предмета, состояния) переносятся на другое в целях его художественного описания [5, с. 1245].

Сравнение, как стилистическое средство, широко используется в художественном дискурсе для более точного описания предмета или явления, для усиления воображения или визуализации.

В данной статье рассматриваются особенности использования компаративных троп в художественном дискурсе на примере немецкого, русского и белорусского языков. Исследование проводилось на основе метода структурно-семантического анализа. Материалом исследования стали компаративные тропы из произведений: R. Lettau “*Flucht vor Gästen*” [6], И. Поляков «Пространства» [7], А. Федарэнка «Ціша» [8].

По типу семантического преобразования в один ряд как разноструктурные компаративные тропы всегда ставят сравнение, метафору и метаморфозу.

Метафорой называется семантическое преобразование, при котором образ, сформированный относительно одного класса объектов, прилагается к другому классу или конкретному представителю класса [1, с. 413]. Например:

Das Gebäude unseres Glücks [6];

Волна как бегущий конь [7];

Цяжкія галовы схіляюць Да самай зямлі каласы [8].

Метаморфоза — разновидность компаративного тропа, который предполагает превращение из одной формы в другую с изменением ее внешнего вида и функций [1, с. 379]. Например:

Der Kerl stolzer Adler erhob sich vor uns [6];

Золотою лягушкой луна

Распласталась на тихой воде [7];

Хлопец ганарлівым арлом устаў перад намі [8].

Сравнением считается образное словесное выражение, в котором одно изображаемое явление уподобляется другому по какому-либо общему для них признаку, при этом в объекте сравнения выявляются новые, неординарные свойства [1, с. 599]. Например:

Ein Auto als Trost [6];

Ладошками, как у музыканта [7];

У яго, як у латыша — хрэн ды душа [8].

Анализ компаративных тропов позволил систематизировать их по следующим категориям: прямое или переносное значение, распространенность, структура, образность — степень воздействия на реципиента [3, с. 41]. Рассмотрим каждую из характеристик:

– прямое значение слова (*auf direkter Wortbedeutung*): *Er ist so alt wie ich. Он такой же, как и мы. Яны ходзяць у лазню, як і мы;*

– переносное значение слова (*auf übertragener Wortbedeutung*): *Der Jung ist flink wie ein Wiesel. Грудь сдавливало, как жгутом. Вочы як неба.*

По распространенности различаются:

– общезыковые сравнения (*gemeinsprachliche*): *weiß wie Schnee, белый как снег, белы як снег;*

– индивидуальные (авторские) сравнения (*individuelle*): *Seine Glatze leuchtete wie ein aufgeregter Mond. Свободен, как ветер. Збіраць ўспаміны, як капейкі ў капілку.*

По структуре различаются следующие виды сравнения:

– краткие, нераспространенные (*knappe*): *schnell wie der Blitz, голодный как волк, язык как памяло;*

– распространенные (*erweiterte*): *als wenn er seit Wochen todkrank wäre. Он вел себя так, как будто ничего не случилось. Праходу паміж імі не было, а як бы суцэльная сцяна;*

– закрытые (контекстные) (*geschlossene*): далеко вставленные изображения сравниваются друг с другом (в большом тексте): *Er warf die ausgebreiteten Hände hoch in die Luft, als Beweis. Мой успех катился так же легко и уверенно, как прямо сейчас по московской кольцевой катился Михин подарок. Гітара была хоць не новая, але ад таго здавалася яшчэ лепшай, як чытаная-перачытаная кніга здаецца лепшай, цікавейшай за новую.*

По воздействию на читателя различаются:

– рационально-уточняющие (*rational-präzisierende*): *Seine Schwester ist nicht älter als ich, ego сестра не старше меня, яго сястра не старэйшая за мяне;*

– эмоционально-оценочные (*emotional/subjektiv-bewertende*): *Wie Blei brütete die klebrige Wärme in der Stube, как свинцом растекалось липкое тепло по помещению, нібы свінец расцякалася цяпло на памяшканні* [3, с. 31—56].

По итогам проведенного нами исследования с уверенностью можно утверждать, что переносное значение как таковое и частотность его использования в произведениях художественного дискурса зависит от индивидуального стиля автора.

Заключение. Так как компаративные тропы являются языковым средством выразительности, то в большинстве своем им характерно переносное значение слов и выражений, а именно переосмысление и метафоризация. Сравнение облегчает и расширяет поле воображения реципиента для представления замысла автора. Компаративные тропы характеризуют языковую личность писателя, формируя его неповторимый индивидуальный стиль.

Список цитируемых источников

1. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. — М. : Совет. энцикл., 1990. — 688 с.
2. Федорова, Н. В. Моделирование темпорально-таксисной структуры художественного дискурса : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Н. В. Федорова. — М. : РГБ, 2003. — 198 л.
3. Зарецкая, Е. В. Шаг за шагом = Schritt um Schritt zur Textanalyse : учеб.-метод. пособие / Е. В. Зарецкая. — Минск : МГЛУ, 2005. — 183 с.
4. Канышина, Н. А. Параметрические и функциональные характеристики художественного дискурса / Н. А. Канышина // Вестник МГЛУ. Серия «Филология» : сб. ст. / сост.: Л. М. Малинина, А. И. Гуророва ; Белорус. гос. лингв. ун-т. — Минск, 2007. — С. 16—17.
5. Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. и сост. А. Н. Николюкин ; Рос. акад. наук, Ин-т науч. информ. по обществ. наукам. — М. : Интелвак, 2003. — 1600 с.
6. Lettau, R. Flucht vor Gästen : Roman / R. Lettau. — Frankfurt : Fischer Taschenbuch Verlag, 1996. — 983 S.
7. Поляков, И. Пространства : повесть / И. Поляков. — Минск : Регистр, 2014. — 224 с.
8. Федарэнка, А. Ціша : апавесці, апавяданні / А. Федарэнка. — Мінск : Маст. літ., 2014. — 174 с.

УДК 81'42:811.133.1

М. А. Косинова

*Образовательная организация высшего профессионального образования «Горловский институт иностранных языков»,
Горловка, Украина*

ОСОБЕННОСТИ ТЕРМИНОЛОГИИ ГАСТРОНОМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Введение. Еда — неотъемлемая составляющая жизни человека с момента его рождения и до самой смерти. Веками люди передавали будущим поколениям технологии приготовления пищи, разнообразные рецепты, особенности продуктов и способов их обработки. Но только в XIX веке возрос интерес ученых к кулинарии как к науке, что дало толчок к размышлениям о гастрономическом дискурсе. В основном исследователей интересовали различия гастрономии на разных континентах, кулинарные традиции народов мира, а также отображение гастрономии в культуре и её влияние на язык. Ведь с пищей связана не только техника её приготовления, но и такие составляющие человеческой жизни, как этикет за столом, хранение и передача рецептов и общей гастрономической информации, ритуалы. На эту тему было написано множество научных статей, поэтому сегодня существует целый ряд синонимов: «гастрономический дискурс», «глуттонический дискурс» и «кулинарный дискурс». Однако полностью данное явление еще не изучено, потому что ученые рассматривают его больше фрагментарно, а не целостно.

Основная часть. Впервые понятие «гастрономический дискурс» рассматривалось в статье А. В. Оляничка «Презентационная теория дискурса», в которой автор дает следующее определение: гастрономический дискурс — «особый вид коммуникации, связанный с состоянием пищевых ресурсов и процессами их обработки и потребления» [3, с. 426]. Однако он отдает предпочтение термину «глуттонический дискурс», так как он объединяет в одно целое этнокультуру, лингвокультуру и все аспекты, связанные с приготовлением пищи. Автор Ф. Л. Косицкая также различает гастрономический и глуттонический дискурсы, так как последний термин является неологизмом (лат. *gluttire* глотать, поглощать). Во французском языке также есть слово “*glouton*”, которое переводится как «обжора» или «жадный». А вот термин «гастрономия» является более широким понятием, включающим в себя кулинарию как искусство приготовления пищи. Косицкая дает весьма глобальное определение гастрономическому дискурсу: «сложноорганизованное дискурсивное, многомерное, неоднородное образование», коммуникативное пространство которого — это «взаимозависимость, взаимодействие, интеракция законодательного, гастрономического, рекламно-гастрономического, ресторанного, научно-гастрономического, академического дискурса кулинарного искусства, гастрономического медиадискурса, коммерческого дискурса, собственно-гастрономического экспертного дискурса» [2, с. 26]. Исследователь Н. П. Головницкая

предлагает свое определение гастрономическому дискурсу: «смешанный тип коммуникации, личностно-ориентированный, проявляемый в бытовой сфере общения, и статусно-ориентированный, носящий институционный характер» [1, с. 15]. По мнению М. В. Ундриковой, гастрономический дискурс — «это особый тип общения, включающий в себя специализированную терминологию, устойчивые обороты речи» [4, с. 86]. Следовательно, сегодня гастрономический дискурс не имеет четкого определения, потому что вмещает в себя слишком много составляющих.

Траговка гастрономического дискурса сложна и неоднозначна. Существуют такие разделы, как название традиционных блюд, терминология техник добывания, приготовления, обработки пищи и её поглощения. Однако бывает недостаточно только названия, необходимо понять историю блюда или техники, чтобы вникнуть во все тонкости. Например, пирожное «безе» (фр. *baiser* поцелуй) — легкое и воздушное, целиком подтверждающее свое название. Или же пирожное «буше» (фр. *bouchée* кусок) — маленькая круглая булочка с кремом или джемом внутри. Для экономии, чтобы не разжигать большие печи, в XVIII веке буше готовились маленькими. Сегодня существует множество вариантов солёных буше, служащих закуской. Их цель — порадовать глаз своим красивым видом, но при этом они не утоляют голод, а только возбуждают аппетит.

Многие кулинарные термины заимствованы из французского языка, например, «бланшировать» (фр. *blanchir* отбеливать) — быстрая обработка продуктов кипятком или паром. Всем известен такой термин, как пассировка (фр. *passer* проходить) — обжаривание в масле, но не для того, чтобы овощи приобрели корочку, а чтобы стали чуть мягче.

В XXI веке стало распространяться заимствование и популяризация кулинарии различных стран. Например, в России стали очень популярны японские суши и роллы, итальянская пицца, американские гамбургеры, французские круассаны и т. п. Если раньше это было экзотикой, то сейчас это просто модно. И хотя в кулинарии существует множество универсальных названий, они не всегда идентичны, поэтому важно не упустить все нюансы и показать различия одного и того же блюда в контексте не только разных стран, но и регионов одной страны. Данный фактор следует учитывать при переводе с одного языка на другой, а также необходимо обладать знаниями в сфере гастрономии.

Немаловажно понимать разницу в продуктах, ведь благодаря климатическим особенностям в каждой стране и даже в каждом регионе традиционный набор продуктов будет отличаться. К примеру, в Нормандии веками принято было выращивать яблочные сады, поэтому этот регион так славится яблочными тортами, кальвадосом и сидром, а главной гастрономической достопримечательностью является известный сыр «камамбер». А вот Прованс изобилует различными сортами вин, специями, среди самых знаменитых блюд следует назвать рататуй и буйабес. Что же касается других франкоговорящих стран, их гастрономия будет резко отличаться от французской. Так, в Алжире традиционные национальные блюда — это суп «щорба» с нутом, мясом и овощами; кус-кус, подающийся как соленое блюдо либо как сладкий десерт; блюда из баранины, козлятины; компот из сухофруктов.

Как видно из вышесказанного, при переводе языковых реалий приходится пользоваться пояснениями, комментариями, адаптировать названия согласно картине мира языка, на который переводят. Именно поэтому гастрономический дискурс соединяет в себе культуру, языковые, этнические и религиозные компоненты; затрагивает этикет, моральные ценности, формирование потребительского вкуса. Кроме того, он отражает специфические характеристики отдельно взятого этноса, окружающий быт, кулинарные предпочтения. Понятие гастрономического дискурса настолько обширно, что может рассматривать не только человеческий фактор (участников коммуникации), но и пространственно-временной. В целом каждый человек когда-либо говорил или писал о еде, будь это известный повар, ведущий телепередачу, свой блог, кулинарный критик, пишущий статьи и заметки, или домохозяйка, записавшая на клочке бумаги рецепт своей подруги. За еду боролись и ценили её жители Галлии в V веке, изысканные блюда обсуждали с наслаждением при дворе Людовика XIV, в XXI веке еда превратилась в настоящую индустрию, включающую рекламу, различные маркетинговые ходы, корпоративный шпионаж, ГМО. Современный кулинарный дискурс неразрывно связан с медициной (правильное или здоровое питание, лечение последствий вредной пищи, борьба с лишними калориями, диетическое и лечебное питание).

Более того, в гастрономическом дискурсе заметно влияние религии и экономики. Последний фактор стал главным различием между кулинарией богатых европейских стран и бедных регионов африканского континента. Но даже в рамках одной страны можно заметить значительную разницу в кулинарных традициях. В эпоху Средневековья во Франции наблюдалось большое социальное расслоение: низшие слои питались крупами, рыбой, занимались скотоводством, а высшие наслаждались лучшими блюдами и специально нанимали придворных поваров для их приготовления.

Что касается религии, то она повлияла на гастрономический дискурс благодаря различным постам: появились специфические блюда, использующиеся в обрядах и ритуалах. В разных религиях существует табу на некоторые продукты: иудеи едят только «кошерное», мусульмане — «халяльное», но при этом не едят свинину, а в Индии запрещено есть говядину, так как коровы — священные животные, к тому же многие индусы — вегетарианцы и вообще не едят мясо.

Гастрономический дискурс стал настолько популярен, что заметного процветания сегодня достиг гастрономический туризм, цель которого — не только путешествия, но и знакомство с кулинарными

традициями разных народов и регионов. Впервые французский кулинарный критик и историк Александр Гримо де Ла Реньерв в книге «Альманах гурманов» (1804—1812), являющейся экскурсом в историю французской гастрономической жизни, рассуждает о еде, рецептах, интересных фактах и особенностях кулинарии Франции XIX века.

Заключение. Гастрономический дискурс — это многогранный феномен, включающий в себя совокупность таких факторов, как религия, экономика, география, туризм, этнология, культурология, языковые картины мира разных национальностей. Кроме того, кулинария — неотъемлемый элемент жизни каждого человека, и хотя эта область сейчас активно изучается, существует ещё много неисследованных явлений и фактов.

Список цитируемых источников

1. Головницкая, Н. П. Лингвокультурные концепты «пища» и «das Essen» в сопоставительном освещении (семантика русских и немецких глоттонических номинаций) / Н. П. Головницкая // Известия ВГПУ. — Волгоград : Перемена, 2007. — № 2 (20). — С. 14—18.
2. Косицкая, Ф. Л. Французский гастрономический дискурс и его жанровая палитра / Ф. Л. Косицкая // Вестн. Том. гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). — 2016. — Вып. 2 (167). — С. 25—29.
3. Олянич, А. В. Потребности — дискурс — коммуникация : монография / А. В. Олянич. — Волгоград : Парадигма, 2004. — 507 с.
4. Ундрицова, М. В. Глоттонический дискурс: лингвокультурологические и переводческие аспекты / М. В. Ундрицова // Вестн. Моск. ун-та. — 2012. — № 2. — С. 86—89.

УДК 81

В. В. Мойсеня

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕКСТА КУЛИНАРНОГО РЕЦЕПТА

Введение. Кулинария издавна представляет интерес для широкой читательской аудитории, поэтому часто в различных изданиях печатаются кулинарные рецепты, а также статьи кулинарной тематики.

В литературно-художественном стиле рецепты, являясь фрагментом картины жизни общества, отражают традиции, культуру народов. Актуальность данного исследования заключается в том, что текст кулинарного рецепта является достаточно распространенным и востребованным, с ним мы сталкиваемся в повседневной жизни, даже не осознавая этого. Изучение особенностей текста кулинарного рецепта целесообразно в случае использования текстов такого рода для изучения иностранного языка.

Основная часть. В настоящее время, когда контакты с другими странами становятся всё теснее, взаимосвязь с их культурой играет важную роль. Современный человек должен иметь представление о кухне стран, по крайней мере, хотя бы страны, которая вызывает у него наибольший интерес, поскольку взаимное сотрудничество между народами происходит довольно быстро, а считавшиеся ранее национальными продукты питания стали легко доступны по всему миру.

Изучение кулинарных рецептов является актуальной тенденцией в современной лингвистике.

Рецепт — письменный, монологический, подготовленный текст, хранящий информацию «накопительного» характера, рассчитанную на длительное использование, при этом автор имеет преимущество перед адресатом в определенной области знаний, который может приобрести необходимые знания и умения [1].

Кулинарные рецепты — это способ приготовления какого-либо блюда, совет, рекомендация, как следует поступить. Один из этапов исследования был связан с изучением структурных особенностей текстов кулинарных рецептов на материале немецкого, русского и белорусского языков на основе структурного и сравнительно-сопоставительного методов.

Материалом исследования послужили тексты кулинарных рецептов из немецко-, русско- и белорусскоязычных поваренных книг, печатных и электронных изданий.

Рецепт как тип текста характеризуется адресностью, наличием социальных отношений, строгостью и формальностью языка, а также четкой структурой и сложностью приготовления блюда.

Кулинарный дискурс немецкого, русского и белорусского языков содержит множество одинаковых, стандартных структурных организаторов. В структуру текста кулинарного рецепта входят, как правило, следующие компоненты.

1. Заголовок. Название (заголовок) придается блюду исходя из состава либо из полученного образа, некоторые блюда называются по цвету, широко используется метафора. Например: *Leber (печень)*, *Erdbeeren-Charlotte*, *Zwiebelsuppe*, *Nudelsalat*, *Käsesuppe*; клубничные вареники, уха, щи, икра овощная, грибной суп, творожная запеканка, бутерброды «Ласточки», «Бусинки», «Ёжики», Пеньки»; «Goldener Broiler», «Bunter Kartoffelsalat», «Rotes Gurkengemüse»; «Грыжанка», «Гарбузок».

2. Перечень ингредиентов для приготовления блюда может быть оформлен в виде списка или выделен жирным шрифтом. Например:

Zutaten/ингредиенты/інгредієнти:

1 kg Mehl, 200 g Zucker, 150 g geriebene Mandeln, 400 g Butter, 125 g Hefe, 2 Eigelb, 125 ml Milch, 1 TL Salz, 500 g Sultanien, 150 g Zitronat, 100 g Orangeat, geriebene Zitronenschale; 500 g смешанного фарша, 5 яєц, салёныя агуркі — 2 шт., яйкі — 12 шт., цукар — 1 шклянка, яблыкі — 3, мука — 1,5 шклянкі, ванільны экстракт.

3. Способ приготовления. В основе рецепта лежит алгоритм приготовления того или иного блюда. Сюда входит способ приготовления и описание последовательности действий:

Zubereitung/приготовление/прыгатаванне:

Das Mehl in eine große Schüssel geben. Die Hefe zerkleinern. Die Hefe mit der warmen Milch und dem Zucker in das Mehl rühren. Die restlichen Zutaten dazugeben und verrühren. Zuletzt kommen die Früchte. Den Teig an einen warmen Ort stellen...

Мясо курицы, сваренной в небольшом количестве воды или бульона, отделяют от костей и пропускают через мясорубку с частой решеткой 2—3 раза. Провернутую массу кладут в сотейник, добавляют сливочное масло...

Мясны фарш змяшаць з прамытым рысам, нашаткаванай цыбуляй, дадаць яйка, соль, перац, добра перамышаць. Сфармаваць невялікія шарыкі, укачаць іх у муку, злёжку абсмажыць, перакласці ў жароўню...

4. Также в тексте кулинарного рецепта наряду с основным блюдом могут присутствовать различные дополнительные указания по приготовлению соусов, приправ, украшений. Например:

Soße, Bouillon/соус, бульон/соус, булён.

Für die Béchamelsoße:

Die Butter in einer Kasserolle zerlassen. Das Mehl unter Rühren hinzufügen und so lange darin erhitzen bis das Mehl goldgelb ist.

Для прыгатавання соусу:

у смятану дадаць часнык, здробнены кроп, крыху солі і цукуру.

5. Заключительная часть носит рекомендательный характер. Она включает в себя в основном советы по улучшению вкусовых качеств, рекомендации по украшению блюда. Также в заключительной части может присутствовать комментарий о месте приготовления и способе сервировки: *Servieren/сервировка/сервіроўка*. Например:

die Brotscheiben servieren mit Kompott und Vanillesoße; Obstsalat serviert man mit Kleingebäck; Melniker Schwippsgesellen serviert man heiß; подать с картофельным пюре, перед подачей в суп положить кусочек сливочного масла; падаць «вожыкі» разам з соусам, у якім яны тушыліся, насыпаць дробна нарэзанай зеленой кропу або пятрушкі.

Следует отметить, что в кулинарном рецепте также часто присутствует нумерация действий, но это явление прослеживается не во всех рецептах. В каждом кулинарном издании дается свой алгоритм приготовления блюд. Например:

1. Thunfisch auf einem Sieb abtropfen lassen, anschließend mit Crème fraîche verrühren.

2. Kapern ebenfalls abtropfen lassen, klein hacken, Ei würfeln.

1. Раскатывать тесто в пласт круглой формы.

2. Выкладывать слой гречки.

1. Адварыць булён з ялавічыны, дастаць і аддзяліць мяса і дробна нарэзаць.

2. У булён дадаць бульбу кубікамі.

3. Абсмажыць нарэзаную цыбулю і натаркаваную моркву да залацістага колеру. Дадаць да бульбы.

Также немаловажным является то, что многие рецепты читателю предлагаются в виде креолизованного текста (включают картинки, фото), чтобы облегчить понимание текста и способ приготовления того или иного блюда.

Заключение. Текст кулинарного рецепта имеет четко выраженную структуру, которая помогает легче воспринимать запись и обеспечивает максимальное понимание читателями. Вступительная и основная части являются обязательными структурными элементами, а заключительная — вспомогательной, так как она передает дополнительную информацию и носит рекомендательный характер. Как показал анализ текстов кулинарных рецептов, участником является сам автор рецепта. Он может быть поваром, экспертом в кулинарии или обычным любителем определенной кухни. При этом можно утверждать, что коммуникативное воздействие рецепта, включающего текст и иллюстративные материалы (рисунки и фотографии), более эффективно, так как они более наглядно демонстрируют блюдо, задействуя разные органы восприятия.

Список цитируемых источников

1. Буркова, П. П. Общие структурные параметры кулинарного текста [Электронный ресурс] / П. П. Буркова. — Режим доступа: http://superinf.ru/view_helpstud.php?id=4471/. — Дата доступа: 23.09.2017.

ЭВФЕМИЗАЦИЯ ЛЕКСИКИ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОРРЕКТНОСТИ

Введение. В настоящее время отмечаются случаи пренебрежения языковыми нормами, а также общее снижение культуры речевого уровня СМИ, отражающих повседневную деятельность. Преодоление данной тенденции возможно при замене грубых слов или выражений на более нейтральные по смыслу. Поэтому негативные слова или выражения, которые связаны с неприятными, нежелательными темами для общения, часто заменяются на более общие названия, конструкции, смягченные слова и фразеологические обороты. В лексической системе языка таким средством является эвфемизация.

Основная часть. Эвфемизмы привлекают внимание многих исследователей и лингвистов, так как используются в различных сферах общества. Исследователи дают различные определения термину «эвфемизм».

Эвфемизм (греч. εὐφίμη *благоречие*) — нейтральное по смыслу и эмоциональной «нагрузке» слово или описательное выражение, обычно используемое в текстах и публичных высказываниях для замены других, считающихся неприличными или неуместными, слов и выражений [1].

Эвфемизмы достаточно часто употребляются в политической коммуникации, которая служит в качестве пропаганды определенных идей, эмоционального воздействия на граждан страны и побуждение их к политическим поступкам, для выработки общественного согласия.

Исследователи отмечают существование особой группы эвфемизмов, употребляемых в политических текстах. Данную группу эвфемизмов называют политическими эвфемизмами. Термин «политический эвфемизм» является не вполне устоявшимся. Некоторые исследователи (С. Г. Тер-Минасова, С. Ж. Асеева, Н. Г. Заварзина) данный термин заменяют понятием «политическая корректность».

Политическая корректность (также политкорректность; англ. *politically correct* соответствующий установленным правилам) — практика прямого или опосредованного запрета на употребление слов и выражений, считающихся оскорбительными для определённых социальных групп, выделяемых по признаку расы, пола, возраста, вероисповедания, сексуальной ориентации [2].

Исследователь Л. В. Цурикова определяет политическую корректность как «поведенческий и языковой феномен, отражающий стремление носителей языка преодолеть существующую в обществе и осознаваемую обществом дискриминацию в отношении различных членов этого общества» [3].

Большинство исследователей рассматривают политкорректность с положительной стороны. «Политическая корректность — это система взаимоотношений политических субъектов и объектов общества и государства, основанная на взаимном уважении, признании и учете интересов и целей всех взаимодействующих сторон, высокой политической культуре, цивилизованных формах выработки и реализации политических решений, оперировании достоверной и полной информацией. Политическая корректность предполагает безусловное преимущество общепризнанных прав и свобод человека, общества и государства над достижением односторонних преимуществ какой-либо из сторон. Это, в свою очередь, предусматривает преимущественно договорную форму политического взаимодействия, базирующееся на взаимных уступках и исключении силовых форм решения политических проблем» [4]; «...языковая корректность — весьма положительное старание не обидеть, не задеть чувства человека, сохранить его достоинство, хорошее настроение, здоровье, жизнь» [5]. Однако И. Р. Гальперин рассматривает данное понятие негативно. По его мнению, политические эвфемизмы — это «преуменьшение значения слов с целью ввести в заблуждения общественное мнение и выразить неприятное более тонко» [6].

Анализ научной литературы позволил обобщить основные мотивы создания политических эвфемизмов, которые расцениваются как отрицательные и как положительные [7].

1. Необходимость сокрытия пробелов в социальной сфере, чтобы избежать конфликта. Например: *А помните, как наш чемпион на стыке лета и осени пробовал себя в новом турнире ФИФА-Европы? Тогда в Лиге чемпионов (где призовой фонд минимум в 8 раз меньше, чем у Евролиги) минчане уступили дорогу в групповой раунд израильской команде «Нагария» (проиграли); Vor allem in der ersten Halbzeit war keine Spannung in einer Mannschaft, die ihre Anhänger schon in den vergangenen Tagen mit beleidigter Selbstgerechtigkeit irritiert hatte und bei diesem Turnier über weite Strecken in eine Parallelwelt geflüchtet war. Die Niederlage gegen Kroatien etwa verkörperte sie zu einer bloßen Laune des Schicksals* (поражение называют невезением).

2. Использование эвфемизмов как способа «сохранения лица у субъекта политики». Подобные меры необходимы при стремлении скрыть какие-либо неловкие ситуации, конфузы. Например: *То, что отказ от поставок, например, донбасского угля добьет украинскую экономику, не имеет значения для кукловодов — главное, раскатать ситуацию, добиться изменений в расстановке сил внутри киевской власти, набрать популярности и через угрозу нового майдана подвигнуть ситуацию к досрочным парламентским и президентским выборам (внешние силы); Mit der Zeit werden aus diesen Gruppen Gangs, die*

sich das dann holen. Göttingen wird in einem Jahr eine Stadt voller Kriminalität. Und das **verdanken** wir Frau Merkel (благодарить кого-либо вместо обвинить); *Den Schritt wertete Hanning als "absolut ungewöhnlich". Es gebe "viele Gerüchte, aber offenbar nun auch konkrete Hinweise darauf, dass es enge Kontakte vom Trump-Team zu russischen Behörden gab", sagte Hanning der "Bild"* (скрытое сотрудничество); *Sie will den Verdacht ausräumen, die Landesregierung habe die politische Brisanz der Übergriffe nicht erkannt und wolle dies nun vertuschen* (уменьшить).

3. Стремление завуалировать действия, нарушающие права человека, разного рода аморальные поступки с целью избежать осуждения общественности. Например: *Вспомним тезис о связи между коллективной ментальностью и практикой государственного строительства: здесь налицо проявление этой максимы в чистом виде. Это попытка выстроить максимально неконфликтную схему развития событий... Это недопущение скатывания общества к жестким мерам вроде «шоковой терапии», ваучеризации или политическому беспределу, заканчивающемуся «майданным» развитием событий* (революция); *"Das waren um die 500 Personen", erinnert sich Rexforth. Also viel mehr Menschen, als derzeit Flüchtlinge im Ort sind. Dennoch war die Stimmung damals gelassener. "Es hat sich etwas verändert im Land", sagt Rexforth. Eine Entwicklung, die ihm Sorgen bereitet. "Die Menschen kennen keine Grenzen mehr"* (негативно относятся к беженцам); *Es darf sich nicht mehr lohnen, eine Heimat für Schwarzgeld zu bieten* (полученные незаконным путем деньги).

4. Желание избежать оскорбления субъекта с более низким социальным статусом или другой расовой принадлежности. Например: *ООО «Катэвиль», которое получает статус резидента кластера биомедицинских технологий и чья команда заняла высокое место в Cyathlon, показало инновационную инвалидную коляску — с ее помощью пациент с ограниченными возможностями способен без посторонней помощи подниматься и спускаться по ступенькам* (инвалид); *Sozial Schwache, die vom großen Geld träumen, sind — wissenschaftlich belegt — besonders anfällig für das Glücksspiel* (бедные); *Gemeinsam mit seinem Berliner Kollegen Michael Tsokos hat der Forensiker auch das sogenannte Diogenes-Syndrom untersucht: von der Welt abgekehrte Menschen, die in vermüllten Wohnungen leben — und mitunter nach ihrem natürlichen Ableben von ihren Hunden zernagt werden* (страдающие алкогольной зависимостью).

5. Отрицание ответственности вследствие перераспределения вины. Например: *Кроме того, это бросает тень на авторитет американских спецслужб в целом, поскольку вряд ли граждане США будут в восторге от информации, что их гаджеты могут оказаться инструментами слежки* (порочить); *Als nun bewiesen war, dass Doping in Russland von staatlichen Stellen organisiert und gedeckt wird, positive Dopingtests verschwinden und der Geheimdienst bei den Winterspielen in Sotschi dreckige gegen saubere Proben austauschte, stand Bach vor der heiklen Entscheidung, Russlands Athleten von den Sommerspielen auszuschließen. Es wäre ein Signal gewesen für einen saubereren Sport* (спорт без допинга).

6. Необходимость соблюдения дипломатического этикета. Например: *Но главная проблема для мигрантов заключается в том, что для официального устройства на любую работу представителю «неститульного населения» необходимо обладать специальным удостоверением, подтверждающим знание государственного языка. Вездесущий Центр госязыка (ЦГЯ) выявляет и штрафует тех, кто знает латышский «в недостаточных для исполнения рабочих обязанностей объемах»* (некоренному жителю); *Im Video war die Rede davon, dass dort die Scharia gilt, das Land des Allah ist und dass alle Muslime dorthin umsiedeln müssen, erzählte er* (Турция); *Das Geld ist sowieso weg. Die Euro-Politik hat Deutschland Milliarden an faulen Krediten beschert* (невыгодные кредиты или субсидии).

7. Один из способов завоевания поддержки политических сил. Например: *Победители или проигравшие, но обсуждать будущее Евросоюза без Великобритании в Риме, конечно, будут. К тому же председатель Еврокомиссии Жан-Клод Юнкер предложил пять возможных сценариев. И, хотя сценариев пять, все чаще звучат голоса в пользу одного. Того, который в докладе Юнкера красиво назван «Кто хочет больше, делает больше», но который все чаще называют «Европой разных скоростей»* (различный вклад в ЕС); *"Wir müssen als Partei stets atmen, lernfähig sein und auch bereit sein, neue Wege zu gehen", ruft Özdemir am Samstag auf dem Kleinen Parteitag in Berlin. Das sollte zwar eigentlich zum Grundwissen im Berliner Politikbetrieb zählen, aber so geht es weiter: "Wir sind eingestellt auf die aktuellen Zeiten, Ideologie ist anderswo zu Hause". Wirtschaft und Ökologie nicht mehr als Gegensatz begreifen, dem Mittelstand die Hand reichen* (helfen).

Заключение. Эвфемизмы достаточно часто употребляются в политической сфере в целях воздействия на людей и выработки у них общественных установок. Как правило, в большинстве случаев смысл эвфемизма понимается только в контексте и привязан к определенным событиям.

Список цитируемых источников

1. Эвфемизм [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Эвфемизм>. — Дата доступа: 02.05.2016.
2. Политическая корректность [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/42176>. — Дата доступа: 02.05.2016.
3. Гришаева, Л. И. Введение в теорию межкультурной коммуникации : учеб. пособие для студентов лингв. фак. высш. учеб. заведений / Л. И. Гришаева, Л. В. Цурикова. — Изд. 5-е. — М. : Академия, 2008. — 352 с.
4. Евлентьев, И. М. Определение политической корректности / И. М. Евлентьев. — М. : Независимый пресс-центр, 2004. — 25 с.
5. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация : учеб. пособие / С. Г. Тер-Минасова. — М. : Слово, 2000. — 453 с.
6. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. — Изд. 4-е. — М. : КомКнига, 2006. — 144 с.
7. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. — М. : Гнозис, 2004. — 326 с.

ЭЛЕМЕНТЫ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ КАТЕГОРИЗАЦИИ В СТРУКТУРЕ ЗНАЧЕНИЙ ГЛАГОЛОВ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Введение. Категория пространства представляет собой сложную структуру, отражающую опыт взаимодействия человека с миром и знание о нем. Она относится к категориям базового уровня и формируется в сознании индивида в процессе восприятия и познания окружающего пространства.

Актуальность данного исследования обусловлена использованием принципов и идей одного из ведущих направлений современной лингвистической науки — когнитивной лингвистики, которые позволили выявить особенности представления знаний человека о пространстве в семантике глагола. Проблемы восприятия пространства человеком, обработки полученной информации и соотнесения воспринимаемого с уже имеющимся опытом познания действительности, а также репрезентации знания о пространстве в значениях лексических единиц вызывают постоянный интерес исследователей. Рассмотрение глагола как носителя информации о пространстве обусловлено необходимостью выявления специфики формирования пространственного смысла у человека.

Выбор темы исследования также обусловлен необходимостью детального изучения процесса пространственной концептуализации события, репрезентируемого глаголом. Имеющиеся в лингвистике исследования пространственных значений, изученность пространственной семантики предлогов, отдельных пространственных концептов свидетельствуют о важности рассмотрения глагола как средства категоризации пространства именно в русле когнитивной лингвистики.

Цель работы заключается в выявлении особенностей глагольных способов выражения пространства в семантике. Объектом исследования являются английские глаголы, которые рассматриваются как средство функциональной категоризации пространства. В качестве основных методов исследования были использованы количественный метод, а также компонентный анализ.

Основная часть. Взаимодействие объектов окружающего мира между собой предполагает их определенное положение в пространстве относительно друг друга. Было отмечено, что средством актуализации данного значения в языке могут служить значения предлогов, обозначающих местоположение предметов: *on the shelf, under the table* и т. п. Значения пространственных предлогов связаны с общими знаниями о мире, знаниями особенностей конвенционального положения предметов. В определенной степени выразителем пространства может служить наречие, передающее информацию о местонахождении или величине расстояния между предметами (*behind, around, near, far* и т. п.). Некоторые глаголы также передают информацию о пространственных отношениях между предметами окружающего мира, в их значениях исследователями выделяются различные пространственные компоненты в рамках изучения отдельных тематических групп.

Следует отметить, что в качестве основных критериев классификации пространственно-направительной семантики и свободных глаголов движения и перемещения в пространстве целесообразно использовать основные семантические категории, выражающие общее понятие «движение и перемещение в пространстве»: пространственная локализация движущегося объекта, направление, интенсивность (скорость), трасса (путь), среда, способ (характер) и цель движения/перемещения.

В ходе исследования было отобрано 85 лексических единиц (ЛЕ). За основу классификации пространственных глаголов были взяты два критерия — «направленное движение» и «ненаправленное движение». Анализ фактического материала показал, что 66% составили глаголы «направленного движения» (в этой категории выявлено 16 лексико-семантических групп (далее — ЛСГ)), а 34% составили глаголы «ненаправленного движения» (в данной категории выделено 6 ЛСГ пространственных глаголов).

В первой группе глаголов согласно критерию «направленное движение» были выделены следующие маркеры: «движение/перемещение по вертикали», «движение/перемещение по горизонтали», «движение/перемещение относительно какого-либо пространственного ориентира». В ходе работы было определено 16 ЛСГ и проанализировано 56 пространственных глаголов. Наиболее распространенными ЛСГ являются следующие: ЛСГ глаголов движения/перемещения между двумя пунктами (направленность из пункта отправления), ЛСГ глаголов смены местопребывания (направленность в пункт назначения), ЛСГ глаголов с направленностью к ориентиру, а также ЛСГ глаголов с направленностью из пункта в пункт (таблица 1).

Если говорить о пространственных глаголах со значением «ненаправленное движение», то в ходе работы было выделено 6 ЛСГ и проанализировано 29 пространственных глаголов. В данной классификации выделены такие маркеры, как «интенсивность движения», «среда», «транспорт», «цель перемещения». Определены такие ЛСГ, как глаголы в зависимости от среды движения (глаголы движения/перемещения по водной среде), глаголы движения/перемещения по воздушной среде. Глаголы движения/перемещения на транспорте являются наиболее распространенными (таблица 2).

Т а б л и ц а 1 — ЛСГ согласно критерию «направленное движение»

Наименование ЛСГ	Количество (%)
Направленность вверх	4 (7)
Направленность движения вниз	5 (9)
Движение внутрь	3 (5)
Направленность наружу	4 (7)
Движение/перемещение между двумя пунктами	8 (14)
Смена местопребывания	7 (12)
Направленность из пункта в пункт	5 (9)
Движение/перемещение относительно какого-либо пространственного ориентира	3 (5)
Направленность к ориентиру	7 (12)
Направленность мимо ориентира	2 (4)
Направленность на ориентир сверху	1 (2)
Направленность ориентира в сторону	2 (4)
Направленность через ориентир	1 (2)
Направленность под ориентир	1 (2)
Направленность в обход ориентира	1 (2)
Направленность сквозь ориентир	2 (4)

Т а б л и ц а 2 — ЛСГ согласно критерию «ненаправленное движение»

Наименование ЛСГ	Количество ЛЕ (%)
В зависимости от интенсивности движения	2 (7)
Движение/перемещение по водной среде	7 (24)
Движение/перемещение по воздушной среде	6 (21)
Способ (характер) движения/перемещения	4 (14)
Движение/перемещение на транспорте	6 (21)
Цель движения	4 (14)

Заключение. Английский язык имеет богатые возможности для выражения различных оттенков ситуации движения и перемещения в пространстве. Их классификация способствует воссозданию одного из важнейших фрагментов языковой картины мира — сферы «движения». В ходе исследования было отмечено, что большую часть составили пространственные глаголы «направленного движения», которые классифицированы в 16 ЛСГ. В группе глаголов «ненаправленного движения» выделены 6 ЛСГ пространственных глаголов.

УДК: 81*33

Д. О. Павловская

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ НАЗВАНИЙ БРЕНДОВ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Введение. Язык, возникший в процессе общественного развития, постоянно изменяется, совершенствуется, находится в динамике. Существенные изменения происходят и в русском языке. Меняется, обогащается его словарный состав, изменяются морфологические нормы, появляются новые синтаксические конструкции, закрепляются новые нормы произношения слов. Язык пополняется новыми оборотами, терминами. Во многом это связано с развитием науки и техники. Не последнюю роль в «обновлении» языка играют и глобальные коммуникационные системы, предусматривающие передачу информации более сжатыми формами. Передача новых реалий жизни способствует появлению новых смыслов, что требует и новых форм их представления — языковых инноваций, которые серьезно меняют качественные показатели языка. Еще одним источником инноваций являются бренды.

В качестве объекта исследования нами определена повседневная речь, а предметом — использование названия брендов в повседневной речи. В основе исследования лежат результаты изучения работ отечественных и зарубежных авторов, таких как Б. М. Замланд, Т. В. Лашук, Т. Г. Давидович, Л. П. Воробьева, И. В. Евсеева, Т. А. Лузгина, И. А. Славкина, Ф. В. Степанова, А. Э. Левицкий. Основными методами исследования стали описательно-аналитический метод, включающий в себя приемы лингвистического наблюдения, интерпретации, описания, состоящий в выявлении лингвистических особенностей языковых единиц с последующим обобщением полученных результатов; элементы статистические подсчета с обобщением полученных данных.

Основная часть. На современном этапе исследования в области лексических инноваций особую роль занимает явление индуцированного новообразования, которое возникает в тех случаях, когда носители некоторого языка желают получить слово, эквивалентное по смыслу какому-либо слову другого языка, но создают при этом новое слово, не имеющее никакой формальной аналогии с этим иностранным [1].

Бренд как источник лингвистических инноваций представляет собой «название, термин, знак, символ, рисунок или их комбинацию, предназначенные для того, чтобы идентифицировать продукт и дифференцировать его от продуктов конкурентов» [2]. Под брендом также понимается комплекс представлений, ассоциаций, эмоций, ценностных характеристик о продукте либо услуге в сознании потребителя [3]. Некоторые люди различают психологический аспект — ассоциации с брендом, такие как мысли, чувства, восприятия, образы, переживания, убеждения, взгляды и т. д., которые становятся связанными с брендом в эмпирическом аспекте. Эмпирический аспект состоит из суммы всех точек контакта с брендом и известен как восприятие бренда. Психологический аспект, который иногда называют имиджем бренда, является символом конструкции, созданной в умах людей, и состоит из всей информации и ожиданий, связанных с продуктом или услугой. Таким образом, позиционируясь в сознании потребителей, бренд может приобретать черты новой лингвистической единицы или выполнять роль заместителя устоявшихся выражений более лаконичной формой.

Для выявления наличия брендов в активном словаре был проведен опрос среди 75 человек. В ходе исследования выявлено, что в повседневной речи 100% респондентов используют слова, образованные от названий брендов. «Загуглить», «отксерить» — глаголы, которые происходят от названий брендов “Google”, “Xerox”, стали неотъемлемой составной частью разговорного русского языка. При этом следует отметить, что в других языках есть глаголы, которые образованы от названия фирмы “Google”: в английском языке — это глагол *to google*, во французском языке — *googler*. Ученый-лингвист Б. М. Замланд назвал данное явление “*der Google-Effect*” [4].

Феномен «фирменных» слов возник достаточно давно. Так, например, слово «*фен*» происходит от фирменного знака “*Fön*”, который был зарегистрирован в 1908 году. Процесс перехода названий брендов в повседневную лексику имеет устойчивую тенденцию к развитию. Однако проблемным является вопрос о причинах такого перехода.

В ходе исследования было рассмотрено 30 названий различных зарубежных брендов. Результаты анализа показали, что немногие названия фирменных знаков (брендов) входят в ежедневное словоупотребление. Примечательно, что в основном образуются нарицательные имена существительные, реже — глаголы. Например, “*Scotch*” (скотч) — для липкой клеящей ленты, “*Pampers*” (памперс) — для одноразовых подгузников, “*Jeep*” (джип) — для автомобилей-внедорожников. При этом лексемы, образованные от названий брендов, более короткие и меткие, чем слова для обозначения каждого определенного рода. Среди лингвистических предпосылок, обеспечивающих возникновение новообразований, важное место занимают общелингвистические процессы экономии и аналогии. Эти процессы являются мощными действующими силами, которые стимулируют изменения в системе языка. Происходит также взаимодействие закона экономии лингвистических усилий и закона языковой экономии, которые связываются другим внутренним стимулом обогащения языка — тенденцией к регулярности отношений в системе. Эта тенденция в формальном плане выражается в стремлении коммуникантов к сокращению сложных и составных наименований, форма которых вступает в противоречие с единством их номинативной функции [5]. Для сравнения: *загуглить* ‘найти в Интернете с помощью поисковой системы’, *отксерить* ‘сделать копию с помощью копировального аппарата’, *отфотошопить* ‘отретушировать фотографию с помощью инструментов компьютерной графики’. Обобщения, по мнению Б. М. Замланда, способствуют возникновению и принятию «фирменных» слов носителями языка.

В процессе исследования респондентам также было предложено самостоятельно указать бренды, которые используются ими в повседневной речи и (или) воспринимаются как имена нарицательные. Анализ приведенных вариантов ответов выявил следующую тенденцию: большинство приведенных респондентами брендов, которые они используют в повседневной речи, имеют нулевое окончание. Например, «*фломастер*», «*унитаз*», «*джип*», «*памперс*», «*ксерокс*», «*аспирин*», «*лейкопластырь*», «*термос*». Данное явление позволяет сделать вывод о том, что окончание на гласный звук, по-видимому, мешает дальнейшему словообразовательному процессу. В качестве примера можно привести неудачную попытку поисковой системы “Yahoo”, которая развернула по всему миру кампанию с лозунгом “Do you yahoo?” в целях утверждения своего фирменного знака в качестве глагола. Ни в одном языке данное слово не было принято.

Закключение. Подавляющее большинство новых лексем возникает по моделям, существующим в языке в течение очень продолжительного времени. Значительную роль в вопросе по принятию/непринятию инноваций играют следующие характеристики: а) простота запоминания — наличие в инновации определенных ассоциативных преимуществ перед уже существующими единицами; б) простота формы. Идеальной для быстрого принятия в обществе является та инновация, которая соединяет в себе максимум информации с наибольшей простотой структуры.

Список цитируемых источников

1. Новое в лингвистике. Языковые контакты [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.classes.ru/grammar/153.new-in-linguistics-6/source/worddocuments/72.htm>. — Дата доступа: 22.09.2017.
2. Макашева, З. М. Бренддинг : учеб. пособие / З. М. Макашева, М. О. Макашев. — СПб. : Питер, 2011. — 283 с.
3. Составляющие брендинга: нейминг [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.branding.by>. — Дата доступа: 21.09.2017.
4. Лашук, Т. В. Названия фирменных знаков в повседневном словоупотреблении / Т. В. Лашук, Т. Г. Давидович, Л. П. Воробьева // Коммуникативные технологии в системе современных экономических отношений : материалы VI Респ. науч.-практ. конф., Минск, 2—3 февр. 2012 г. / Белорус. гос. экон. ун-т. — Минск, 2012. — С. 23—24.
5. Левицкий, А. Э. Горизонты развития неологии XXI века [Электронный ресурс] / А. Э. Левицкий // Горизонты современной лингвистики: традиции и новаторство : сб. в честь Е. С. Кубряковой. — Режим доступа: https://books.google.by/books?id=2bfJAAAAQBAJ&pg=PA353&lpg=PA353&dq=современные+тенденции+лингвистических+инноваций&source=bl&ots=kQEeyRdKE3&sig=4PG10A1GmC_FpI0SNWI_yrbt968&hl=ru&sa=X&ved=0ahUKEwjFhtCqw4TXAhWdNpoKHbdwBqwQ6AEIMzAD#v=onepage&q. — Дата доступа: 22.09.2017.

УДК 811

О. А. Павлюкович

Учреждение образования «Полесский государственный университет», Пинск

БЕЛАРУСЬ В ЗЕРКАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА (НА МАТЕРИАЛЕ БРИТАНСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО КОРПУСА)

Введение. Современная Беларусь — динамично развивающаяся страна, открытая для всего мира. Однако для многих иностранных граждан наша страна по-прежнему остается страной-загадкой, страной-легендой. Представления о стране, т.е. ее имидж — сложный симбиоз, сумма большого количества переменных. Имидж Беларуси состоит из множества составляющих: исторического наследия, спортивных достижений, экспортной составляющей, политических действий, ментальности нации. В интернет-опросе в ноябре 2010 года белорусы высказались, что имидж страны включает в себя природу (так думают 27% из 9 529 опрошенных), мнение внешнего мира (19%), граждан страны (9%). Белорусы в большинстве своем считают, что Беларусь — это транзитная страна (51% из 4 538 участников опроса), интеллектуальная (33%) и туристическая (10%) [1]. Но то, как осознают себя жители страны сегодня и какой воспринимают Беларусь за ее пределами, — вопрос сложный. Именно это и обусловило актуальность нашего исследования.

Так как в эпоху глобализации не только транснациональные корпорации, но и страны давно включились в конкурентную борьбу по созданию и эффективному поддержанию своего собственного имиджа, осознание того, как видят нас иностранные граждане, просто необходимо. Формирование позитивного образа Беларуси становится в последние годы одной из важнейших задач внешней политики. Не отказываясь от апелляции к историческому опыту, необходимо позиционировать Беларусь как мощное и современное, динамично развивающееся государство.

Основная часть. Данная работа посвящена исследованию вербального отражения представлений о Беларуси в английском языке.

Цель работы заключается в выявлении, описании и интерпретации представлений о Беларуси у британцев.

Материал исследования представляет собой контексты, содержащие ключевые для данного исследования лексические единицы, в Британском национальном корпусе (далее — BNC) [2].

В соответствии с поставленными задачами в работе был использован комплекс дополняющих друг друга методов и приемов исследования: метод сбора и упорядочения корпусных данных, контекстуальный анализ, элементы количественного анализа, сопоставительный метод.

В нашем исследовании мы рассмотрели, какие варианты названия «Беларусь (белорусский)» встречаются в английском языке, через контекст употребления, синтагматические и парадигматические отношения попытались проанализировать представления британцев о Беларуси, белорусах и белорусском, нашедшие отражение в текстах BNC. Используя возможности бесплатного поиска в BNC, который позволяет получить до 50 случайно отобранных случаев употребления искомого слова, мы осуществили поиск следующих вариантов написания:

- 1) *Belarus, Byelarus, Byelorus, Belorus, Bjelarus, Bjelorus, Byelorusia, Belorussia, Belarussia, Byelarusia;*
- 2) *Belorussian, Byelorussian, Byelarusian, Belarussian, Belarusian, Belorussian, Belarusjan, Belarusjen, Belorusjan, Belorusjen;*

3) *Belorussians, Byelorussians, Byelarussians, Belarussians, Belarusians, Belorussians, Belarusjens, Belorussjans, Belorusjens*.

Полученные результаты были следующими:

1) *Belarus* — 25 случаев; *Byelarus* — 99; *Byelorus* — 3; *Belorus* — 0; *Bjelarus* — 0; *Bjelorus* — 0; *Byelorussia* — 64; *Belorussia* — 77; *Belarussia* — 0; *Byelarussia* — 0;

2) *Belorussian* — 46 случаев; *Byelorussian* — 36; *Byelarussian* — 6; *Belarussian* — 5; *Belarusian* — 0; *Belorusian* — 0; *Belarusjan* — 0; *Belarusjen* — 0; *Belorusjan* — 0; *Belorusjen* — 0;

3) *Belorussians* — 10 случаев; *Byelorussians* — 5; *Byelarussians* — 1; *Belarussians* — 0; *Belarusians* — 0; *Belorusians* — 0; *Belarusjens* — 0; *Belorusjens* — 0; *Belorusjans* — 0.

Необходимо отметить, что нормативным написанием для названия «Беларусь» («Республика Беларусь») с 1990 года является *Belarus (Republic of Belarus)*. Однако с учетом хронологии представленных в BNC текстов мы встретили такие варианты, как *Byelarus, Byelorus, Byelorussia* и *Belorussia*, причем *Byelarus* является наиболее употребительным. Для слова «белорусский» мы получили: *Belorussian, Byelorussian, Byelarussian* и *Belarussian*; для «белорусы» — *Belorussians, Byelorussians, Byelarussians*.

Исходя из полученных результатов, можно сделать вывод, что типичными для временного периода от 1989 до 1993 года в английском языке являются названия *Byelarus* (99 результатов), *Belorussia* (77) и *Byelorussia* (64), нормативное *Belarus* встречается гораздо реже — 25 результатов, причем написание *the Republic of Belarus* встречается лишь один раз: *Russian relationship: Moscow, once an overlord, is now a valued market partner for the Republic of Belarus [Scotsman.u.p., n.d., Arismaterial]*.

По результатам анализа контекстов BNC Беларусь: 1) страна, на территории которой есть ядерный арсенал; 2) арена нескольких войн, страна, пострадавшая от войн; 3) страна, пострадавшая от Чернобыльской катастрофы; 4) страна с консервативным правлением, строго придерживающаяся своего законодательства; 5) одна из бывших советских республик, ставшая независимым государством.

Таким образом, британцы позиционируют Беларусь как арену боевых действий и как жертву Чернобыльской катастрофы. Однако они не соотносят Республику Беларусь с территорией, на которой велись активные партизанские действия. Беларусь выступает в сознании британцев как одна из бывших советских республик, ставшая независимым государством, но подчеркивают консервативную модель правления в нашей стране. В то же время для британцев существенным является наличие ядерного арсенала на территории нашей страны и политическая ситуация внутри страны.

Заключение. Национальные корпуса — это такой информационный мир, где «сходятся все дороги». Вещаем ли мы на телевидении или на радио, публикуем что-либо в газете или размещаем тексты документов, все это оказывается в корпусе и становится частью некоего массива информации. Именно поэтому, на наш взгляд, целесообразно было использование BNC для выявления представлений о нашей стране у британцев.

Как показали результаты исследования, представление внутри страны отличается от представлений о республике среди иностранных граждан. Например, белорусы позиционируют себя как толерантный и терпимый народ, однако мы не встретили контекстов, подтверждающих, что британцы считают также.

Список цитируемых источников

1. *Потупа, А. С.* Масс-медиа, фабрики мысли, власть [Электронный ресурс] / А. С. Потупа. — 2002. — Режим доступа: http://www.baj.unibel.by/Abajaur/abajur_16_18/a16_17.htm. — Дата доступа: 22.03.2016.
2. BNC [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.natcorp.ox.ac.uk>. — Дата доступа: 15.09.2017.

УДК: 800

А. В. Станиславович

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

ЭКСПЛИЦИТНО-ПЕРФОРМАТИВНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИИ О. УАЙЛЬДА «ПОРТРЕТ ДОРИАНА ГРЕЯ»

Введение. Введенное Ф. де Соссюром соотношение «язык» и «коммуникация», дихотомия «язык» и «речь» определило лингвистическое мышление не только второй половины XX века, но и настоящего времени и дало безграничные возможности исследования языка, порождая совершенно новые направления, концепции, теории. Среди множества возникших подходов изучения языка следует выделить перформативный, который многие лингвисты определили как «лингвистический поворот», повлекший за собой перформативный переворот в культуре 1990-х годов [3, с. 34].

По мнению Е. Н. Лучинской и И. Б. Сизоненко, «понятие перформативности в последние годы приобретает все большее значение для культурологических и социальных дисциплин. Представители различных европейских научных школ единодушно признают, что понятие перформативности учитывает различные дисциплинарные подходы к проблемам социальной действительности» [1, с. 142].

Впервые термин «перформативность» был введен английским философом и логиком Дж. Остином в его теории речевых актов, представленной в оксфордских лекциях, опубликованных посмертно в виде книги “How to Do Things with Words” в 1962 году (русский перевод вышел в 1986 году под названием «Слово как действие»): «Я предлагаю название перформативное предложение, или перформативное высказывание, или для краткости “перформатив”» [2, с. 50].

Перформатив — высказывание, эквивалентное действию, поступку. Перформатив входит в контекст жизненных событий, создавая социальную, коммуникативную или межличностную ситуацию, влекущую за собой определённые последствия (например, объявления войны, декларации, завещания, клятвы, присяги, извинения, административные и военные приказы и т. п.). В трактовке Дж. Остина, впервые употребившего этот термин для обозначения данных лингвистических единиц, термин «перформатив» используется как более краткая и удобная форма термина «перформативное высказывание» [2, с. 41].

В речевом контакте говорящего и слушающего некая идеальная сущность — информация — переходит от одного к другому не непосредственно, а опосредованно, с помощью прагматических значений, которые слово (или высказывание) приобретает в ситуации общения. В связи с этим актуальным, на наш взгляд, становится рассмотрение коммуникативно-прагматического значения высказываний как реализации формальной, содержательной и языковой направленности высказывания адресату в ситуации речевого взаимодействия.

Объект исследования — перформативность как лингвистический феномен. Предмет исследования — эксплицитно-перформативные высказывания в произведении О. Уайльда «Портрет Дориана Грея». Цель данной работы — выявление сущности эксплицитно-перформативных высказываний в обозначенном произведении. Материалом для исследования послужил англоязычный роман О. Уайльда «Портрет Дориана Грея».

Методы исследования: метод сплошной выборки, понятийный анализ (содержательный анализ научных понятий, относящихся к когнитивной лингвистике, теории дискурса), метод качественного анализа текстовых фрагментов, иллюстрирующих проявление дискурсивной перформативности.

Основная часть. Для анализа функционирования эксплицитно-перформативных высказываний в произведении О. Уайльда «Портрет Дориана Грея» нами была использована семантическая классификация перформативных глаголов Ю. Д. Апресяна.

Эксплицитно-перформативные высказывания репрезентируются перформативными глаголами, которые в момент их произнесения не только и не столько описывают какое-либо действие, а являются самим действием, совершаемым говорящим путем произнесения этого глагола.

Анализ романа О. Уайльда позволил классифицировать речевые акты, содержащие эксплицитно-перформативные высказывания следующим образом: 1) специализированные обращения и утверждения; 2) признание; 3) обещание; 4) просьба; 5) предложения и советы; 6) предупреждение, предсказание; 7) требование, приказ; 8) запрет, разрешение; 9) согласие, возражение; 10) одобрение; 11) осуждение; 12) прощение; 13) речевые ритуалы (акты социального поведения); 14) называние, назначение.

1. Специализированные обращения и утверждения. **Ask** — просить, спрашивать. “*I stayed when you asked me,*” was Lord Henry’s answer. **Answer** — отвечать. *Know you? I wonder do I know you? Before I could answer that, I should have to see your soul.* **Declare** — объявлять. *November was poor Basil, and the French police declare that Basil never arrived in Paris at all.* **State** — утверждать. *She dragged it out again, and assured me that I had spoiled her life, I am bound to state that she ate an enormous dinner, so I did not feel any anxiety.* **Claim** — запрашивать. “*Pleasure is the only thing worth having a theory about,*” he answered, in his slow, melodious voice. “*But I am afraid I cannot claim my theory as my own. It belongs to Nature, not to me.*” **Remind** — напоминать. *His own neighbour was Mrs. Vandeleur, one of his aunt’s oldest friends, a perfect saint amongst women, but so dreadfully dowdy that she reminded one of a badly bound hymn book.* **Announce** — объявлять. *He has preached me as a dogma; to-night he will announce me as a revelation.*

2. Признание. **Confess** — признаваться. *Yet it was his duty to confess, to suffer public shame, and to make public atonement.*

3. Обещание. **Swear** — клясться. “*You swear this?*” — “*I swear it,*” came in hoarse echo from her flat mouth. **Promise** — обещать. *Harry, promise me that you will never lend that book to anyone. It does harm.* **Offer** — предлагать. *A white-smocked carter offered him some cherries.*

4. Просьба. **Pray** — молить. *You are quite perfect. Pray, don’t change.* **Ask** — просить. *Ask Mr. Gray to wait, Parker: I shall be in in a few moments.* **Beg** — умолять. *I beg your pardon, Basil, but I didn’t know you...*

5. Предложения и советы. **Invite** — приглашать. *Why is it that so many gentlemen in London will neither go to your house nor invite you to theirs?* **Recommend** — рекомендовать. *He wanted me to try some cigars that he strongly recommended. I declined.* **Propose** — предлагать. *The politician looked at him keenly. “What change do you propose, then?” he asked.* **Suggest** — предлагать. *My uncle has already suggested pork-packing, Sir Thomas.*

6. Предупреждение, предсказание. Warn — предупреждать. *Charles VI, who had so wildly adored his brother's wife that a leper had warned him of the insanity that was coming on him, and who, when his brain had sickened and grown strange, could only be soothed by Saracen cards painted with the images of Love and Death and Madness.*

7. Требование, приказ. Order — требовать. *Yes, Harden. You must go down to Richmond at once, see Harden personally, and tell him to send twice as many orchids as I ordered, and to have as few white ones as possible. **Insist — настаивать.** "I am afraid I must be going, Basil," he murmured, "and before I go, I insist on your answering a question I put to you some time ago." **Demand — требовать.** *They create Love in our natures. They have a right to demand it back.**

8. Запрет, разрешение. Allow — разрешать. *You really must not allow yourself to become sunburnt. It would be unbecoming.*

9. Согласие, возражение. Admit — признавать. *And yet I must admit that this thing that has happened does not affect me as it should. It seems to me to be simply like a wonderful ending to a wonderful play. **Refuse — отказывать.** *He offered an extravagant price. I refused him.**

10. Одобрение. Praise — хвалить. *We praise the banker that we may overdraw our account, and find good qualities in the highwayman in the hope that he may spare our pockets. I mean everything that I have said.*

11. Осуждение. Curse — проклинать. *"Curse you," he answered, "don't call me that."*

12. Прощение. Forgive — прощать. *"And I don't forgive you for being late for dinner," broke in Lord Henry, putting his hand on the lad's shoulder, and smiling as he spoke.*

13. Речевые ритуалы (акты социального поведения). Thank — благодарить. *"Thanks, Basil," answered Dorian Gray, pressing his hand.*

14. Называние, назначение. Declare — объявлять. *At least he declared he did, and insisted on shaking him by the hand, and assuring him that he was proud to meet a man who had discovered a real genius and gone bankrupt over a poet.*

В результате проведенного семантического анализа функционирования эксплицитно-перформативных высказываний в произведении О. Уайльда «Портрет Дориана Грея» нами были получены следующие результаты: наиболее часто автор употребляет перформативные глаголы семантической группы «специализированные обращения и утверждения», где количество эксплицитно-перформативных высказываний составило 23%, а наименее употребимые — глаголы групп «предупреждение», «одобрение», «осуждение» (по 2%).

Заключение. В данной работе нами был проведен практический анализ функционирования эксплицитно-перформативных высказываний в произведении О. Уайльда «Портрет Дориана Грея», использована семантическая классификация перформативных глаголов Ю. Д. Апресяна. В ходе анализа романа О. Уайльда нами были выявлены следующие речевые акты, содержащие эксплицитно-перформативные высказывания: специализированные обращения и утверждения; признание; обещание; просьба; предложения и советы; предупреждение, предсказание; требование, приказ; запрет, разрешение; согласие, возражение; одобрение; осуждение; прощение; речевые ритуалы (акты социального поведения); называние, назначение. Среди эксплицитно-перформативных высказываний в исследуемом произведении преобладают высказывания семантической группы «специализированные обращения и утверждения», так как они наиболее часто употребляются в разговорном дискурсе, наименее представлены группы «предупреждение, предсказание», «одобрение», «осуждение», а также «называние, назначение».

Список цитируемых источников

1. Лучинская, Е. Н. Перформативность судебного дискурса / Е. Н. Лучинская, И. Б. Сизоненко // Вестн. Адыг. гос. ун-та. Сер. Филология и искусствоведение. — Майкоп, 2013. — Вып. 1. — С. 142—146.
2. Остин, Дж. Избранное. Как производить действия при помощи слов. Смысл и сенсбилити / пер. В. П. Руднева, Л. В. Маковой / Дж. Остин. — М.: Дом интеллектуал. кн., 1999. — 332 с.
3. Формановская, Н. И. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения / Н. И. Формановская. — М.: ИРЯ им. А. С. Пушкина, 1998. — 291 с.

ВОСПРИЯТИЕ ВРЕМЕНИ В БЕЛОРУССКОЙ И АМЕРИКАНСКОЙ КУЛЬТУРАХ

Введение. Традиционные ценности и черты характера присущи народу, часто они влияют на коммуникативное поведение в обществе. В процессе межкультурной коммуникации адекватная интерпретация сообщения речевого партнера зависит как от уровня владения языком, так и от глубокого понимания значения культурных ценностей. Актуальность данного исследования обусловлена углублением международных отношений в сфере образования между Республикой Беларусь и другими странами. Понимание факта, что речевой партнер может смотреть на вещи иначе, позволяет избежать негативных суждений и повысить эффективность взаимодействия. Данное исследование направлено на сравнение степени пунктуальности носителей белорусской и американской культур; выявление различий в скорости принятия решений носителями обеих культур; определение доминирующей временной ориентации носителей белорусской и американской культур; изучение белорусских пословиц и поговорок в целях выявления соответствия ценностям, присущим белорусскому народу на современном этапе его развития.

Основная часть. Понимание культурных особенностей означает не только владение определенными правилами (например, приветствие и т. д.), но и знание того, как национальные ценности обуславливают их. В данном исследовании под культурой понимается набор ценностей, норм, убеждений, отношений и поведенческих образов, общих для определенной группы людей, позволяющих видеть мир одинаково.

Определенные культурные ценности позволяют людям знать, какое поведение уместно в конкретной ситуации. Соответственно, представитель другой культуры может прямыми и косвенными путями выражать свои мысли, представитель другой культуры знает, что делать правильно и желательно в «чужом» сообществе. Эти общепринятые образцы поведения определяют нормы того, как человеку следует вести себя и поступать по отношению к другим людям. Национальные ценности складываются с течением времени под влиянием многих обстоятельств, каковыми могут служить особенности географического положения страны, влияние других народов, религиозные традиции.

Принадлежность стран к разным культурам находит отражение в отношении ко времени. Для того чтобы охарактеризовать культуру с точки зрения времени, необходимо определить характер временной ориентации; другими словами, определить, на какой из промежутков времени (прошлое, настоящее или будущее) ориентированы носители культуры; определить, какой является эта культура: монохронной или полихронной.

В исследовании были использованы такие методы исследования, как анкетирование и метод содержательного анализа. Выбор был обусловлен тем, что опрос с использованием интернет-технологий позволяет опросить носителей изучаемой культуры, а метод содержательного анализа позволяет понять менталитет народа. Материалом для анализа послужили пословицы и поговорки как элементы народного творчества.

Задача анкетирования заключалась в выявлении различий в нормах по отношению к пунктуальности. В анкетировании приняли участие 183 носителя белорусской культуры и 158 — американской.

В анкете предлагалась ситуация и возможные варианты ответов. Например, «Вам назначена встреча в 11:00. Варианты ответов: 1) я буду на месте в 10:50—10:55; 2) я доберусь на встречу «минута в минуту»; 3) я считаю, что ничего страшного, если я опоздаю на несколько минут». Анализ результатов исследования свидетельствует, что 50% опрошенных американцев предпочитает приходить за 10 минут до назначенного времени. Среди белорусов таких людей 31%. Так, 52% белорусов и 40% американцев приходят точно в назначенное время, ни минутой раньше, ни минутой позже. Допускают незначительное опоздание 17% белорусов и 10% американцев. Результаты говорят о том, что белорусы менее пунктуальны.

В Беларуси ценится сделанная в срок работа, что подтверждают классические белорусские пословицы и поговорки: «Адклад не ідзе ў лад», «Не тады сабак карміць, як на ўловы ехаць», «Лета прагуляеце — восенню не збераце», «Дарагое яечка да Вялікадня», «Адзін дзень варты трох для таго, хто робіць усё ў пару», «Апошняму парасяці цыцка пад хвостом», «Не тады вучацца плаваць, калі вада ў рот ідзе».

Результаты опроса обусловлены характерной для белорусов медлительностью. Отсюда возникают и различия в организации своей деятельности [1, с. 63].

Для изучения скорости принятия решений участникам опроса было предложено ответить на следующие вопросы: «Если Вам необходимо принять решение, не требующее срочности, будете ли Вы использовать время на обдумывание ситуации?», «Сколько времени Вам требуется на обдумывание: 1) до 1 часа; 2) условно рабочий день; 3) сутки и более; 4) мне не требуется время». Согласно результатам анкетирования, 68% англоговорящих респондентов не требуется время для принятия решения; 32% требуется время на обдумывание, из них: 48% старается не тратить на обдумывание более одного часа, 32% старается принять решение до конца рабочего дня, 20% — через сутки и более.

Так, 61% белорусов предпочитают тщательно обдумать ситуацию, прежде чем принять решение. Из тех, кто не любит поспешных и необдуманных действий, не тратят на обдумывание более одного часа 33%, стараются принять решение до конца дня — 41%, через сутки и более — 26%.

Временные различия находят выражение в языковых формах. Так, средний американец предпочитает принять хоть какое решение, но без промедления (“Procrastination is the thief of time” — «Промедление — вор времени»). У белоруса «У адзін дзень сем перамен», а «Работы да самай суботы»; среднему белорусу требуется больше времени на обдумывание: «Пераначаем — болей пачуем» и «Роблена наспах і зроблена насмах».

На втором этапе исследования была определена временная ориентация: на прошлое, настоящее или будущее. Для этого респонденты ответили на следующие вопросы с градацией по степени интенсивности: «Я считаю, что с утра необходимо планировать весь день», «Я не волнуюсь, если что-либо не сделано в срок», «В моем прошлом больше приятных воспоминаний, чем плохих», «В моем прошлом много негативного, о чем я бы не хотел(-а) вспоминать», «Даже если я получаю удовольствие от жизни в настоящем, я сравниваю ее с прошлым опытом», «Я не планирую свой день, а живу как карта ляжет».

Результаты показали, что на жизнь американцев доминирующее влияние оказывает ориентация на будущее: планирование будущего, постановка целей, деятельность, направленная на достижение поставленных целей. Высокий уровень ориентации на будущее показывает высокий уровень самоконтроля и достижений в деятельности.

Для Беларуси характерны другие тенденции. Для большинства респондентов (48% от числа опрошенных) доминирующее влияние оказывается прошлым; 35% людей живут с ориентацией на будущее; ориентацию на настоящее имеют 17%. Доминирующее влияние прошлого доказывает наличие большого количества соответствующих пословиц: «Бывала, варона лапці абувала, а цяпер грак ходзіць так», «Адрэзанае лусты не прылепіш». Положительный взгляд на прошлое подтверждается народной мудростью: «Няма таго, што ранш было», «Быў час, калі любілі і нас». Для большого количества участников анкетирования прошлое вспоминается с негативным оттенком: «Было на вяку, што і па спіне і па баку». Такие пословицы, как «Новы час — новыя песні», «Хто не бачыў новага, той і старому рады», «Час мінеш — век жывеш», подтверждают влияние ориентации на будущее на жизнь части белорусов. Пословицы «Што день пражыў, то і дзякуй Богу», «Будзе час — будзе і квас» являются признаком наличия в белорусской культуре ориентации на настоящее.

Анкета также помогла выявить разницу в отношении ко времени, свойственном данным культурам. На определение данной характеристики был направлен отдельный блок анкеты. Участникам были предложены утверждения: «Я делаю несколько дел одновременно», «Я отвлекаюсь от основной работы на посторонние дела», «Все мои дела организованы в расписание, которому я четко следую и от которого не отхожу», «Я сначала заканчиваю одно дело, а затем приступаю к другому».

Анализ результатов показал, что для белорусов характерно одновременное выполнение нескольких дел (70%), в то время как американцы (68%) предпочитают посвящать определенный промежуток времени выполнению одного дела. Для них характерно составление плана и очередности выполнения работы (65%). Белорусы легко отходят от плана, но часто отвлекаются от работы.

Таким образом, для белорусов характерно полихронное восприятие времени, в то время как для американцев — монокронное. Монокронная культура предполагает очередное выполнение дел за определенное время. Для нее характерна сегментация времени на более мелкие единицы. В монокронных культурах ценится своевременность и следование планам и расписаниям, в то время как для полихронной культуры характерна гибкость в данном аспекте. В полихронных культурах допускается одновременное выполнение нескольких видов деятельности, что является одной из наиважнейших отличительных особенностей двух типов культур [2, с. 448].

В обоих языках существуют поговорки, характеризующие само явление времени. В белорусском языке — «Час не конь, не падгоніш і не прыпыніш», в английском — “Time and tide wait for no man” (дословный перевод — «Время и прилив никого не ждут»). Обе пословицы характеризуют время как нечто, не подчиняющееся воле человека. Время нельзя ни замедлить, ни ускорить. Однако результаты исследования говорят о различиях в восприятии времени. Для американцев характерно более формальное восприятие времени, для белорусов — менее формальное.

Заключение. Проведенное исследование подтверждает различие менталитетов носителей белорусской и американской культур. Белорусы в целом менее пунктуальны, чем американцы. Нашим соотечественникам требуется больше времени для обдумывания ситуации и принятия решения. В отечественной культуре доминирующей является ориентация на прошлое, в то время как в американской — на будущее. Рассмотренные белорусские пословицы и поговорки соответствуют современному состоянию белорусских ценностей, отражающих отношение ко времени.

Список цитируемых источников

1. Дубянецкі, Э. С. Таямніцы народнай душы : кн. для вучняў / Э. С. Дубянецкі. — Мінск : Нар. асвета, 1995. — 63 с.
2. Льюис, Р. Д. Деловые культуры в международном бизнесе. От столкновения к взаимопониманию / Р. Д. Льюис ; пер. с англ. — 2-е изд. — М. : Дело, 2001. — 448 с.

КОМПЛИМЕНТ КАК ЕДИНИЦА РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Введение. В последние годы чрезвычайно актуальным стал вопрос о национальной идентичности, о пути к открытому демократическому обществу. В связи с этим вырос интерес к процессу межличностной и межкультурной коммуникации, к способам достижения эффективности общения. Предметом нашего исследования стал один из неотъемлемых компонентов современной коммуникации, средство гармонизации межличностного взаимодействия — комплимент. Комплиментом интересуются разные области научного знания: психология, социология, лингвистика, риторика. В последние годы комплиментом (в целях обучения искусству общения) стала активно интересоваться практическая психология [1, с. 37]. Она рассматривает комплимент как необходимый компонент создания доверительной тональности общения, которая способствует его эффективности.

Основная часть. Толковые словари комплиментом называют любезные, приятные слова, лестный отзыв. Комплимент — одобрение нашей внешности, ума, поступка, работы.

Требования к искусству комплимента как элементу этикета в современном обществе кардинально изменились. Это объясняется тенденцией к американизации образа жизни и, следовательно, построению норм межличностных взаимоотношений согласно американскому примеру. Поэтому в современных пособиях по этикету комплименты рекомендуется делать как можно чаще и всем, «кто хоть в наименьшей мере достоин хорошего слова».

Англицизмы уже давно пользуются популярностью у немцев, особенно у молодежи. Также в связи с политической ситуацией в Германии все большее распространение получают понятия, заимствованные из турецкого или арабского. “Yo, Alter, du hast voll den Swag raus!” — подобные выражения все чаще можно услышать от молодых людей в Германии, которые желают сделать друг другу комплимент [2].

В характеристике комплимента как иллокутивного акта самыми существенными моментами являются иллокутивные цели комплимента, его место в системе речевых актов и отличия комплимента от подобных ему по форме иллокутивных актов.

Каждый комплимент обязательно должен содержать позитивную оценку. Исходя из этого, иллокутивной целью комплимента должно быть сообщение о том, что адресант хочет, чтобы адресат узнал, что адресант думает о нем что-то хорошее.

Для выражения позитивного состояния адресант может использовать целый набор конвенционных средств. Главным формальным индикатором иллокуции комплимента, как уже отмечалось, является позитивное оценочное суждение. Оно может выражаться с помощью как лексических, так и синтаксических средств.

Типичными лексическими средствами выражения позитивной оценки являются лексические единицы, в семантическую структуру которых входит значение позитивности. Такие единицы принадлежат к разным частям речи: существительным (*Schatz, Engel, Kluge*), прилагательным (*schön, nett, artig*), глаголам (*gefallen, lieben, werten*) [3, с. 105].

Эффективность комплимента, сила его воздействия повышаются при употреблении прилагательного в сравнительной или превосходной степени: *Und nun enttäuscht Sie die Wirklichkeit? — Nein, nein. Die Wirklichkeit ist schöner, greifbarer, mitreißender* (Konsalik).

Следует заметить, что глаголы играют значительно менее важную роль в производстве комплиментов по сравнению с прилагательными или существительными, их возможности в плане выражения оценки более ограничены, поскольку глагол выражает такие значения, которые отражают характер действия, особенности протекания обозначенного процесса, способ его существования. Эти причины определяют немногочисленность оценочных глаголов, наиболее употребительными из которых являются *bewundern, begeistern, gefallen, genießen: Ich bewundere dich echt* (Remarque).

То обстоятельство, что пропозиционное содержание комплимента, как правило, являет собой оценочное суждение, делает данный иллокутивный акт подобным по форме с иллокутивными актами похвалы, одобрения, увлечения. Однако компоненты, из которых состоят эти разновидности иллокутивных сил, неодинаковые. Принципиальное отличие иллокутивной силы комплимента заключается в том, что ее обязательными компонентами являются дополнительные иллокутивные цели: а) выразить намерение, желание, стремление принести удовольствие адресату; б) выразить позитивное отношение к адресату.

Наличие этих иллокутивных целей обуславливает еще один обязательный признак иллокутивной силы комплимента, а именно непосредственная связь объекта позитивной оценки с адресатом. Это значит, что можно хвалить кого-то/что-то, одобрять что-то, увлекаться кем-то/чем-то, что не имеет никакого отношения к адресату, но нельзя сказать комплимент человеку, который не присутствует при разговоре [4].

Следует подчеркнуть, что индикатором дополнительных иллокутивных целей комплимента являются не столько формально-семантические особенности высказывания, сколько его контекст (кто говорит, кому, при каких обстоятельствах, в каких условиях общения), а также интонация говорящего, его мимика (особенно улыбка), жесты [5].

Перлокутивный акт — это последствия влияния иллокутивного акта на конкретного адресата. Под перлокутивным актом комплимента следует понимать действие, цель которого заключается в том, чтобы вызывать у адресата позитивную эмоциональную реакцию, принести ему удовольствие. Например: *“Du hast schöne blaue Augen. — Danke. Sie sind wie bei meiner Mutter”* [3, с. 124].

Конечной коммуникативной целью комплимента, как и любого речевого действия, является цель социальная, связанная с организацией и координацией взаимодействия между коммуникантами. Осуществляя иллокутивный и перлокутивный акты комплимента, говорящий использует их как средство управления поведением адресата.

Анализируя комплименты как речевые действия, направленные на социальные цели, следует рассматривать их как два основных класса — этикетные комплименты и инструментальные комплименты, в зависимости от того, в состав какого социального действия (этикетного или инструментального) входит тот или иной иллокутивный акт комплимента. Наиболее очевидным критерием, который позволяет достаточно четко определить принадлежность конкретного комплиментарного высказывания к одному из классов, является обязательность употребления комплимента, продиктованная социокультурными нормами, этикетными предписаниями.

Для инструментальных комплиментов признаком дальнейшей классификации является стереотипный вариант изменения поведения коммуникативного партнера, определяющий конкретное содержание социальной цели, которой подчинен данный иллокутивный акт комплимента.

Этикетные комплименты не классифицируются по этому признаку, поскольку все они направлены на одну социальную цель — сохранение неантагонистических отношений между коммуникантами.

Комплимент — это явление, обусловленное этнокультурными факторами. Одной из принципиальных особенностей немецкоязычных культур является искренность и прагматичность, что и обуславливает характер комплиментов. Немецкие комплименты достаточно краткие, использованы в простой, невычурной форме и в настоящем времени: *Sie (du) sehen (siehst) sehr gut aus!* — Вы (ты) хорошо выглядите (выглядишь)!; *Sie (du) verändern sich (veränderst dich) ja gar nicht!* — Вы (ты) совсем не меняетесь (меняешься)!

В немецком языке большинство комплиментов касаются выполнения каких-либо поручений, за ними следуют комплименты внешности и комплименты умственным способностям.

Таким образом, комплимент как форма речевого этикета имеет определенные национально-культурные особенности и может рассматриваться через призму культурно-языковых традиций.

Закключение. Следует отметить, что речевой акт комплимента подчинен определенным правилам. Комплимент является составной частью этикета как «грамматики» поведения, которая определяет корректные формы и значение действий в процессе интеракции. В производстве комплиментов важна не столько правдивость пропозиции — объективная информация о внутреннем мире говорящего, сколько выражение его субъективного мнения о ситуации и адресате.

Список цитируемых источников

1. Борисов, А. Ю. Роскошь человеческого общения / А. Ю. Борисов. — М. : Менеджер, 2000. — 176 с.
2. Jugendsprache: “Das hat richtig rasiert“ [Электронный ресурс]. — Режим доступа к статье: <http://www.dw.com/de/jugendsprache-das-hat-richtig-rasiert/a-17268665>. — Дата доступа: 21.09.2017.
3. Бацевич, Ф. С. Основы комунікативної лінгвістики : підруч. / Ф. С. Бацевич. — Київ : Академія, 2004. — 344 с.
4. Серль, Дж. Р. Природа интенциональных состояний / Дж. Р. Серль ; пер. с англ. // Философия. Логика. Язык. — М. : Прогресс, 1987. — С. 96—126.
5. Мищенко, В. Я. Косвенные способы реализации иллокуции комплимента / В. Я. Мищенко // Вісн. Харків. держ. ун-ту : Романо-германська філологія. — Харків : Константа, 1999. — № 430. — С. 101—107.

УДК: 81

С. Н. Шикунец

Учреждение образования «Военная академия Республики Беларусь», Минск

О ПРОБЛЕМЕ ВОЕННОГО ПЕРЕВОДА (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

Введение. Словарный состав немецкого языка находится в состоянии почти непрерывного развития, отражая изменения, происходящие во всех областях жизни и деятельности людей. В процессе этого развития словообразование, т. е. образование новых слов на базе уже существующих при помощи специальной языковой техники, играет первенствующую роль. Словообразование относится к структуре языка; изучение общего строя языка неразрывно связано с изучением законов словообразования,

его способов и средств. Значение этих законов, способов и средств играет большую роль для практического изучения того или иного языка, а также для решения переводческих задач. В связи с быстрым развитием военной науки и особенно военной техники появляются все новые и новые термины и терминологические словосочетания. Терминологический пласт лексики становится наиболее подвижным элементом военной литературы, а его бурное развитие заставляет прибегать к определенной унификации терминологии и к регламентации ее употребления в уставном порядке.

Основная часть. Анализ структурных особенностей и других специфических свойств немецких военных терминов позволяет утверждать, что перевод многих из них оказывается далеко не простым, так как в разных языках не существует полного соответствия как между военными понятиями, так и между обычными коммуникативными понятиями. Большинство военных терминов зафиксировано в военных и технических двуязычных словарях, которые могут оказать военному переводчику существенную помощь. Но полностью удовлетворить потребности переводчика словари не могут, так как военная терминология находится в постоянном развитии, появляются все новые и новые военные понятия, а следовательно, и новые термины. Для преодоления этой трудности переводчику необходимо овладеть определенной методикой работы с новой терминологией.

Прежде всего при переводе военных терминов следует учитывать системность военной лексики. Она четко указывает область использования термина, в пределах которой следует искать его эквивалентное соответствие, опираясь на знания военного дела и военной терминологии языка перевода.

При переводе сложных терминов помогает также структурный анализ, согласно которому последний компонент сложного термина определяет его родовую принадлежность, а предшествующие ему компоненты ограничивают объем общего понятия, т. е. низводят его в ранг видового [2, с. 135].

Главным и основным путем в решении проблемы перевода терминов является установление функционального тождества.

Перевод термина по функциональному тождеству осуществляется по следующей схеме. Сначала в пределах контекста определяется область применения термина, затем его функция в данном речевом произведении, т. е. его соотносительность с определенным понятием. После выяснения, с каким именно понятием соотносится данный термин, смысл речевого произведения становится совершенно ясным, его перевод осуществляется сравнительно просто. Здесь возможны два случая. Первый, когда соотносимый с термином объект имеет место и в военной действительности на русском языке. В этом случае наличие объекта определяет и соответствующий термин в русском языке [2, с. 156].

Возможен второй случай, когда соотносимый с термином объект реальной действительности отсутствует в военной действительности на русском языке или же объем связанного с ним понятия резко отличается от понятия на русском языке. Выявление функционального тождества становится наиболее универсальным методом установления эквивалентных соответствий для тех терминов, которые соотносятся с понятиями, отличающимися по своему объему от сходных понятий русского языка. Терминологические соответствия устанавливаются в этом случае путем уточнения и ограничения соответствующих сходных понятий для того, чтобы четко определить те конкретные границы, в рамках которых должен функционировать данный термин в конкретном речевом произведении. Последнее возможно лишь в том случае, если военный переводчик достаточно хорошо владеет не только языком, но и тем предметом, к области которого относится переводимый текст. Без знания существа дела определить функциональную соотносительность термина почти невозможно. Недостаточная осведомленность может привести к неточности в понимании значения термина, а значит, и к искажению исходного смысла [3, с. 280].

Кроме того, определить функциональную соотносительность терминов бывает довольно трудно из-за разного объема военных понятий, соотносимых с тем или иным термином в разных языках.

Полный объем понятия, заключенный в данном конкретном термине, определяется многими обстоятельствами. Это не только денотативная, понятийная и релятивная соотносительность языкового знака, но и все его коннотации, а также значения, связанные с его этимологией и с языковой традицией.

Учесть все эти факторы далеко не так просто, следует обратиться к военному двуязычному словарю.

Обычно в словарной статье двуязычного словаря приводятся несколько вариантов эквивалентных соответствий термина с терминами русского языка. При отсутствии эквивалентных терминологических соответствий в словаре дается описательный перевод термина с необходимыми пояснениями. Нахождение инвариантного значения термина в любом случае заключается в том, что переводчик внимательно читает и анализирует все приведенные в словаре варианты соответствий со всеми пояснениями. Анализируя эти соответствия на русском языке, переводчик стремится понять, что же объединяет все эти варианты, что общего имеется в каждом из них. Это общее (инвариант) может и не быть зафиксировано в каком-то конкретном слове, но оно незримо присутствует в каждом варианте. Именно благодаря наличию инварианта все варианты соответствий и относятся к данному термину. Общее может быть отнесено в русском языке к разным понятиям.

Трудность как раз и заключается в том, чтобы суметь выявить это общее, абстрагируясь от факта отнесения смысла в русском языке к разным понятиям.

Несколько слов следует сказать также о переводе терминов-реалий, т. е. безэквивалентных терминов, имеющих объект соотносительности только в действительности иностранных вооруженных сил.

Как уже говорилось, существование подобных терминов объясняется тем, что военное дело развивается в каждой отдельной стране своим самобытным путем, который определяется своеобразием принятой военной доктрины, основным направлением международной политики данного государства, особенностями господствующего мировоззрения. Эти причины вызывают к жизни специфические для данного государства понятия или даже объекты реальной действительности, которые не наблюдаются в реальной действительности других государств. Перевод таких терминов вызывает затруднения главным образом потому, что переводчик не знает, с каким понятием следует соотнести данный термин в языке перевода, ибо объект соотнесения в русском языке отсутствует.

Поскольку готового объекта нет, его следует создать путем соответствующего разъяснения, т. е. объяснить существующее в русском языке понятие и затем уже решить вопрос о его обозначении. Для такого перевода нужно сначала понять содержание каждого термина, а затем решить, какой из них перевести описательно, для какого термина ввести в русский язык новый термин путем транслитерации немецкого термина или путем его буквального перевода.

Транслитерация (или ее разновидность — транскрипция) применяется в тех случаях, когда иноязычное понятие может употребляться и в русском языке. В качестве примера можно привести термин «бундесвер», вошедший в русский язык как самостоятельное понятие. При транслитерации иноязычный термин не переводится, а передается буквами русского алфавита, например: *der Bundeswehr* ‘бундесвер’, *die Wehrmacht* ‘вермахт’, *der Laser* ‘лазер’ и т. д.

При транскрипции происходит та же транслитерация, но с учетом установившегося произношения данных буквосочетаний, например, *die Hitlerjugend* ‘гитлерюгенд’, *die Camouflage* ‘камуфляж’, *der Chef* ‘шеф’. Первоначальное введение транслитерации (или транскрипции) всегда сопровождается подробным объяснением содержания термина, затем он получает известность в военной литературе и начинает употребляться уже без объяснений. Так было, например, с термином *die Infrastruktur* ‘инфраструктура’, который первоначально переводился описательно: «система стационарных сооружений вооруженных сил», а получив известность, стал транслитерироваться.

В качестве буквальных переводов используются термины *der Generalstabsoffizier* ‘офицер генерального штаба’ (чаще ‘офицер службы генерального штаба’), хотя подобное калькирование не вполне соответствует немецкой военной реалии, так как термин *der Generalstabsoffizier* служит для наименования всех офицеров, окончивших высшую военную академию бундесвера, независимо от занимаемой ими должности; то же можно сказать и в отношении термина *Offizier auf Zeit* ‘временный офицер’ или ‘офицер по контракту’ [1, с. 192, 225, 314].

Термины, встречающиеся при переводах сравнительно редко, обычно не транслитерируются, а снабжаются объяснительными переводами. Получение исчерпывающего объяснительного перевода возможно лишь тогда, если известен весь соотносимый с термином объем понятия, так как в противном случае возможны неточности в переводе.

Заключение. Одна из особенностей образования немецкой лексики — стремление к сложению слов. Это и является основным способом образования военной лексики. Кроме того, имеются заимствования из английского языка, что также является особенностью военной лексики. Также отметим, что отсутствие эквивалентов усложняет перевод с немецкого языка.

Список цитируемых источников

1. Ольшанский, И. Г. Лексикология: современный немецкий язык / И. Г. Ольшанский, А. Е. Гусева. — М. : Академия, 2005. — 416 с.
2. Стрелковский, Г. М. Теория и практика военного перевода. Немецкий язык / Г. М. Стрелковский. — М. : Воениздат, 1979. — 272 с.
3. Сушков, И. П. К вопросу о создании немецкой терминологической лексики / И. П. Сушков. — М. : МГПИ им. Ленина, 1984. — 362 с.

УДК 378.147.227

Е. С. Шундрик, Д. И. Ратько

Учреждение образования «Военная академия Республики Беларусь», Минск

КОДИРОВАНИЕ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РЕЧИ

Введение. Человеческие языки используют несколько сотен систем письма, но обычное письмо уместно далеко не во всех ситуациях. Например, сложно показывать буквы с корабля на корабль, невозможно взять и передать буквы по электрическим проводам или беспроводной сети. Именно поэтому человечество уже 200 лет изобретает способы кодирования символов: это и морская семафорная азбука, и азбука Морзе, и шрифт Брайля, и компьютерные кодировки. Как устроено кодирование символов в этих системах, почему для их разработки полезны лингвистические знания и с какими проблемами сталкиваются их создатели?

Основная часть. Для осуществления полноценного процесса передачи информации, при котором сам процесс должен успешно завершиться, а сообщение дойти от отправителя до получателя в полном объеме, который, в свою очередь, его правильно трактует, информацию необходимо закодировать.

Кодирование — это преобразование информации из одной ее формы представления в другую, наиболее удобную для ее хранения, передачи или обработки.

Способы кодирования информации бывают различные и зависят они в первую очередь от целей кодирования.

Коды появились в глубокой древности в виде криптограмм (греч. тайнопись), когда ими пользовались для засекречивания важного сообщения от тех, кому оно не было предназначено.

В средние века и эпоху Возрождения над изобретением тайных шифров трудились многие выдающиеся люди, в том числе философ Френсис Бэкон, крупные математики Франсуа Виет, Джеролано Кардано, Джон Валлис. Различные хитроумные приемы кодирования применяли шифровальщики при папском дворе и дворах европейских королей. Вместе с искусством шифрования развивалось и искусство дешифровки, или, как говорят, криптоанализа. Собственная секретная азбука была и у Юлия Цезаря. Сдвижной шифр Цезаря состоит из 26 различных шифров, по одному на каждую букву алфавита (количество шифров меняется в зависимости от алфавита используемого языка). Человек должен был знать, какой шифр Юлия Цезаря использовать для того, чтобы расшифровать сообщение. Например, если используется шифр **К**, то **А** становится **К**, **В** становится **Л**, **С** становится **М**. Например, **ENEMY** в данном шифре будет отображаться как **OXOWI**. Данный алгоритм является основой для многих более сложных шифров, но сам по себе не обеспечивает надежную защиту тайны сообщений, поскольку проверка 26 различных ключей шифра займёт относительно небольшое время.

Немецкая шифровальная машина была названа «Загадка» не для простого словца. Вокруг истории ее захвата и расшифровки радиоперехватов ходят легенды, и во многом этому способствует кинематограф.

Машина Enigma, использовавшаяся в Германии в годы Второй мировой войны, была не уникальна. Но от аналогичных устройств, взятых на вооружение другими странами, она отличалась относительной простотой и массовостью использования: применять ее можно было практически везде — и в полевых условиях, и на подводной лодке. История Enigma берет начало с 1917 года: тогда голландец Хьюго Нои получил на нее патент. Работа ее заключалась в замене одних букв другими за счёт вращающихся валиков. Историю декодирования машины Enigma знаем в основном по голливудским блокбастерам о подводных лодках. Однако фильмы эти, по мнению историков, имеют мало общего с реальностью.

Например, в картине 2000 года «U-571» рассказывается о секретном задании американских моряков захватить шифровальную машину Enigma, находящуюся на борту немецкой субмарины «U-571». Действие разворачивается в 1942 году в Северной Атлантике. Несмотря на то, что фильм отличается зрелищностью, история, рассказанная в нем, совершенно не отвечает историческим фактам. Подводная лодка «U-571» действительно состояла на вооружении нацистской Германии, но была потоплена в 1944 году, а машинку Enigma американцам удалось захватить лишь в самом конце войны, и серьезной роли в приближении победы это не сыграло. К слову, в конце фильма создатели сообщают исторически верные факты о захвате шифратора, однако появились они по настоянию консультанта картины, англичанина по происхождению. С другой стороны, режиссер фильма Джонатан Мостов заявил, что его лента «представляет собой художественное произведение».

Изобретение портативных радиопередатчиков позволило координировать действия армейских подразделений даже на больших расстояниях. Потом радиостанции стали совсем маленькими, простыми и недорогими. Это позволило экипировать ими не только командиров подразделений, но и при необходимости каждого солдата. И, конечно, потребовались очень четкие правила ведения радиопереговоров, чтобы избежать искажения важной информации, особенно в условиях боя.

Фонетический алфавит используется не только для передачи по буквам каких-то названий, но и для передачи закодированной информации. Так называемый «Альфа-код» состоит из трехбуквенных групп, каждая из которых означает какое-либо конкретное словосочетание или законченное предложение. Перечень трехбуквенных кодов может быть секретным и меняться ежедневно. Существуют и стандартные несекретные альфа-коды, например:

- ROMEO TANGO BRAVO — возвращение на базу (return to base);
- ROMEO PAPA ALPHA — встреча в базовом лагере (rally at point A);
- ROMEO MIKE VICTOR — нужен медицинский вертолет (request medevac);
- HOTEL ALPHA — быстро выдвигайтесь в указанном направлении (haulass!);
- HOTEL ECHO — бомба / взрывчатка / «Сейчас рванет!» (High Explosives).

Сокращения с использованием фонетического алфавита дают обширное поле для стеба во вполне «гражданских» ситуациях, например, Bravo Sierrafor “bullshit”. Или, к примеру, у небезызвестной группы “Blood hound Gang есть” песня с очень длинным названием “Foxtrot Uniform Charlie Kilo”.

В радиообмене бедного переводчика подстерегает огромное количество сленга, ни в каких инструкциях не записанного. Главное — держать ухо востро и почуять, что не надо переводить буквально. Всем известен конфуз с фразой “fire in the hole”, сопровождающей обычно бросок гранаты, которую кто-то перевел как «огонь в дыре» и «стреляй в замочную скважину». На самом деле выражение это очень старое,

считается, что появилось оно, когда канониры подносили зажженный фитиль к отверстию пушки, чтобы поджечь порох, т. е. это может быть по ситуации: «Ложись! / Назад! / В укрытие / Ща рванет!».

Заклучение. Кодирование является одной из наиболее удобных форм не только передачи информации, но и ее хранения и обработки. Оно применяется с древних времен по настоящее время. Но для эффективности кодирования следует соблюдать строгие правила: 1) для передачи точной информации собеседнику следует использовать такие шифры, которые не будут расшифрованы в кратчайший срок; 2) информация должна быть передана в сжатой форме без искажения, особенно в условиях боя.

UDK 800

М. О. Ангелскіј

Ausbildungseinrichtung „Militärakademie der Republik Belarus“, Minsk

DER EINFLUSS VON MIGRATION AUF DIE DEUTSCHE SPRACHE

Einleitung. Sprachwandel oder Sprachdynamik bezeichnet die Veränderung oder Entwicklung einer Sprache und wird in der historischen Linguistik und der Soziolinguistik erforscht. Als wesentliche Triebkräfte des Sprachwandels werden Zweckmäßigkeit, Evolution, aber auch Analogie, Entlehnung und Lautgesetz angesehen. Sprachwandel ist der wichtigste Begriff der Linguistik überhaupt. Sprachwandel ist der Grund, warum die Franzosen nicht mehr lateinisch reden, und die Deutschen nicht mehr althochdeutsch oder gar germanisch sprechen. Oder anders ausgedrückt: Sprachwandel entsteht automatisch. Er ist ein unbeabsichtigter Nebeneffekt menschlicher Kommunikation: Durch unsere Kommunikation erzeugen wir Sprachwandel.

Durch ihre zentrale Lage in Europa wurde die deutsche Sprache über die Jahrhunderte durch andere Sprachen beeinflusst. Im Mittelalter und der Zeit davor war es vor allem die lateinische Sprache, aus der sich die deutsche Sprache bediente. So sind viele alltägliche Wörter, vor allem aus Architektur, Religion und Kriegswesen (z. B. dominieren, Fenster, Karren, Keller, Kloster) aus dem Lateinischen entlehnt. Auch die griechische Sprache hat das Deutsche in Religion, Wissenschaft und Philosophie stark beeinflusst (z. B. Demokratie, Krypta, Philosophie, Physik). Später war es dann vor allem die französische Sprache, die großen Einfluss auf das Deutsche ausübte. Da nach dem Dreißigjährigen Krieg an vielen Höfen Französisch gesprochen wurde und selbst preußische Könige diese Sprache besser beherrschten als Deutsch, das nach Voltaire nur zur Kommunikation mit Soldaten und Pferden gebraucht wurde, kamen vor allem Wörter aus dem vornehmen Bereich in die deutsche Sprache (etwa Boulevard, Konfitüre, Trottoir).

Von besonderer Bedeutung im Rahmen des Sprachwandels ist die Verflechtung mit politischen, gesellschaftlichen, sozialen und sonstigen Einflüssen und Ereignissen. Sprachwandel bezeichnet die Veränderung oder Entwicklung einer Sprache. Das liegt auch an der Zuwanderung.

Hauptteil. Ob man es will oder nicht — im gesprochenen Deutsch lassen sich immer mehr Vereinfachungen feststellen — entstanden durch den Sprachkontakt mit anderen Sprachen. Jeder Kontakt mit einer anderen Kultur hat die Sprache bereichert und hat erkennbare Spuren hinterlassen. Diese Entlehnungen spiegeln Kriege und historisches Geschehen, Ideologien, Moderichtungen, Kulturwandel, wissenschaftliche und technische Entwicklung wider. Gerade auch mit Migranten, die eben andere Muttersprachen haben. Die deutsche Sprache verändert sich immer mehr durch den Einfluss von Migranten. Türkisch und Arabisch fließen in den Wortschatz ein. Das Ergebnis: die Standardnormen ändern sich. Migration verändert nicht nur das Bild vieler Orte und Städte in Deutschland, sie hinterlässt ihre Spuren auch in der deutschen Kultur und vor allem in der deutschen Sprache. Sprache und Integration gehören eng zusammen. Seit gut 50 Jahren kommen Migranten nach Deutschland. Das verändert nicht nur ihr Leben, sondern auch das der Deutschen. Und es verändert die deutsche Sprache.

Angesichts der Notwendigkeit einer schnellen Integration junger Flüchtlinge in den Ausbildungsmarkt drängt die Wirtschaft vor allem auf eine schnelle sprachliche Qualifikation und bessere aufenthaltsrechtliche Voraussetzungen.

Grundvoraussetzung für die Integration von Flüchtlingen ist die Sprache. „Sprache ist der Schlüssel zur Integration.“ Diese zentrale Aussage prägt die öffentliche Integrationsdebatte in Deutschland. Kenntnisse der deutschen Sprache sind nicht nur eine Grundvoraussetzung für die Integration in das Bildungs- und Ausbildungssystem sowie in den Arbeitsmarkt, sondern auch für die Teilhabe am gesellschaftlichen Leben. In einem sozialen Verständnis ist Integration nur dann möglich, wenn Menschen aufeinander zugehen und mit einander sprechen können. Deswegen ist das Erlernen der deutschen Sprache der wichtigste Schritt für eine erfolgreiche Integration. Flüchtlinge sollen vom ersten Tag an die Möglichkeit bekommen, Deutsch zu lernen. Sprachkurse sollten so früh wie möglich unabhängig vom Aufenthaltsstatus des einzelnen Flüchtlings angeboten werden und flächendeckend zugänglich sein. Der Bund trägt die Hauptverantwortung, dass in Deutschland ausreichend Integrations- und Sprachkurse für Flüchtlinge angeboten werden können. Mit dem Asylverfahrensbeschleunigungsgesetz des Bundes, das seit dem 1. November 2015 gilt, wurden die Integrationskurse für Asylbewerberinnen und Asylbewerber sowie Geduldete mit sogenannter guter Bleibeperspektive geöffnet. Damit bleiben aber auch künftig zahlreiche Asylbewerberinnen und Asylbewerber von der Teilnahme am Integrationskurs ausgeschlossen.

Professor Uwe Hinrichs von der Universität Leipzig untersucht seit vielen Jahren die anfangs schleichende, mittlerweile rasante Veränderung der deutschen Sprache durch den Einfluss der Migranten. Angesichts von 16 Millionen Migranten mit bedingten Deutschkenntnissen kann es nicht verwundern, dass ihr Sprach(un)wissen direkten Einfluss auf die Alltagssprache hat. Dabei mag es überraschen, dass „Russisch mit rund drei Millionen Sprechern mittlerweile die nach Deutsch (und noch vor Türkisch) am zweithäufigsten gesprochene Sprache“ in Deutschland ist. Arabisch, Jugoslawisch, Albanisch und Polnisch kommen dazu, natürlich das Englische mit Anglizismen nicht zu vergessen. Wandlungsfähig war die deutsche Sprache schon immer — doch durch den Zuzug von Migranten hat sie sich besonders stark verändert. Unter anderem sind zahlreiche neue Wortbildungen die Folge, wie Sprachforscher belegen. Auch die Grammatik wird beeinflusst. Deutsche Jugendliche übernehmen die Aussprache und Satzbildung ausländischer Jugendlicher und benutzen auch häufig Worte aus dem Türkischen oder Arabischen. „Dabei handelt es sich um eine dauerhafte Veränderung, weil die Jugendlichen diese Sprache auch als Erwachsene sprechen werden. Der Einfluss sei vor allem in Städten mit großen Migrantengruppen zu spüren. Das Phänomen kann man aber in ganz Deutschland beobachten.“

Migration beeinflusst das Deutsche vor allem in der Umgangssprache. Die Sprache verändert sich also dramatisch. Sie wird vereinfacht und die Diskrepanz zwischen Umgangssprache und Schriftsprache wird immer größer. Gleichzeitig wächst der deutsche Wortschatz und umfasst inzwischen 5,3 Millionen Wörter! Sprache ist dynamisch, sie nimmt Wörter und Strukturen von anderen Sprachen auf.

Die Veränderungen betreffen verschiedene Bereiche der Sprache. So schrumpft beispielsweise der Gesamtwortschatz kontinuierlich und Wörter wie „Ich“ werden phonetisch zu „Isch“. Außerdem werden häufig die Artikel weggelassen und Präpositionen nur selten benutzt. Auch einfache Satzkonstruktionen, in denen stets Subjekt, Prädikat und Objekt aufeinander folgten, sind zu beobachten. „Stattdessen werden eigentlich fremde Wörter fest ins Deutsche übernommen“. „Lan“, das im Türkischen so viel wie „Ey, Mann“ bedeute, werde daher bereits von vielen deutschen Kindern benutzt. Das arabische „Yalla“ ist mittlerweile ebenfalls ein weit verbreiteter Ausruf im Sinne von „Los!“ oder „Auf gehts!“. Diese reduzierte Misch-Sprache wurde bisher nur zwischen Jugendlichen mit Migrationshintergrund gesprochen. Seit einigen Jahren findet dieser „Ethnolekt“ jedoch verstärkt Einzug in die Sprache aller jungen Menschen.

Auch über die Medien, HipHop-Musik lernen Jugendliche in Deutschland diese Variationen der deutschen Sprache kennen. Der HipHop und seine unterschiedlichen Formen zeigen übrigens, wie sehr die deutsche Kultur von Einwanderern geprägt ist. Ein bestimmter Sprachstil, vergleichbar mit Hip Hoppern, die ihren eigenen Sprach- und Musikstil pflegen. In vielen Hip Hop-Liedern werden drei Sprachen verwendet: Deutsch, Englisch und Türkisch. Für Sprachforscher ist das ein Desaster. Aber beim genauen Hinschauen steckt eine enorme sprachliche Kompetenz dahinter, geht es doch um Jonglieren mit drei Sprachen, die man beherrschen muss, damit das Kunststück gelingt.

Über Film und Fernsehen generell promoten Deutsche die türkischen Einflüsse und verbreiten sie — gewollt oder ungewollt. Zu nennen sind unter anderem die „Ethno-Comedys“ und die Serie „Türkisch für Anfänger“. Türkisch ist mehr als eine Sprache der Migranten, Türkisch ist Kult — nicht nur in den Medien, sondern auch auf der Straße, zumindest in manchen Cliquen. Und vor allem eben unter Jugendlichen. „Lass ma’ chillen, Julia.“ oder „Gib zwei Euro. Ich muss Guthaben kaufen.“ — das sind Zitate aus dem Film „Fack ju Göhte“, der 2013 in die Kinos kam. Sie sind ein Ausdruck von Kiezdeutsch, das seit den 1990er Jahren vor allem als Jugendsprache beobachtet wird. Kiezdeutsch ist längst zum Teil wissenschaftlicher Forschung geworden — hieran kann man nämlich erkennen, welchen Einfluss Migration auf die deutsche Sprache hat. Per Definition ist „das Besondere an Kiezdeutsch, dass sich diese Jugendsprache im Kontakt unterschiedlicher Sprachen (und Kulturen) entwickelt hat, und zwar in urbanen Wohngebieten, wie z. B. Berlin-Kreuzberg, in denen Menschen unterschiedlicher Herkunft und Herkunftssprachen zusammenleben.“

Überall, wo mindestens zwei Sprachgruppen aufeinander treffen, ist der Trend zur Vereinfachung zu beobachten. Alles, was die Sprache unnötig kompliziert macht, wird weggelassen. Beim Deutschlernen und -sprechen machen Migranten fast zwangsläufig Fehler, weil Deutsch eine schwere Sprache ist. Mit der Zeit übernehmen dann Muttersprachler diese Fehler langsam in ihren Sprachgebrauch, die deutsche Sprache verändert sich. Es gibt im Deutschen vier Fälle: Nominativ, Genitiv, Dativ und Akkusativ. Was man ständig hören kann, sind solche Sachen wie der falsche Dativ: Ich verspreche es *ihn*. Wir gehen mit *diesen* Problem um. Richtig wäre: Ich verspreche es *ihm* und wir gehen mit *diesem* Problem um. Die Kasus werden entweder verwechselt, oder die Kasusendungen gleich ganz weggelassen. So bilden sich die Fälle langsam zurück, werden immer weniger gebraucht — der Dativ verdrängt den Genitiv. Ein weiteres Problemfeld sind die deutschen Artikel, denn die meisten Migrantsprachen haben keine: „Isch gehe Bibliothek“. Außerdem lassen Türken im Deutschen gern Präpositionen weg. Viele sagen dann etwa: Ich kaufe Auto.

Nicht nur Migranten haben einen starken Einfluss auf die deutsche Sprache. Technische Neuerungen und vor allem die Globalisierung bringen eine Fülle neuer Wörter nach Deutschland. Ab Mitte des 20. Jahrhunderts nahm in Deutschland das Englische zunehmend Einfluss auf die deutsche Sprache. Diese Entwicklung wird von manchen skeptisch betrachtet, insbesondere dann, wenn es genügend deutsche Synonyme gibt. Kritiker merken auch an, es handle sich oftmals (beispielsweise bei Handy) um Scheinanglizismen. Der Verein Deutsche Sprache gibt in seinem Anglizismen-INDEX die Anzahl der Anglizismen im Deutschen mit gegenwärtig 7.500 an und hält davon 79 Prozent für „verdrängend“, das heißt ein deutsches Wort wird durch ein englisches im Sprachgebrauch ersetzt. Auch in der aktuellen Debatte spielt die Veränderung der Sprache eine große Rolle. Kritiker sind besorgt über den Sprachverfall.

Fazit. Die systematischen Fehler von heute sind mit hoher Wahrscheinlichkeit die neuen Regeln von morgen. Das heißt, die Deutsche Sprache mit seinen 36.000 Mitgliedern wird wohl über kurz oder gar nicht so lang vor der Übermacht der 16 Millionen Sprach-Migranten kapitulieren müssen.

**COMPARATIVE ANALYSIS OF THE MILITARY OATH TEXTS
(THE CASE OF THE US RANGERS AND SPECIAL FORCES SCOUTS
OF THE REPUBLIC OF BELARUS)**

Introduction. Currently, as geopolitical tensions advance, the problem of international military cooperation is becoming increasingly important and as a result, militarization of the society is growing. Therefore, the state pays special attention to improving the combat readiness and defense potential of the army.

To carry out effective cooperation in the military sphere, it is necessary to study not only the characteristics of weapons, strategy and tactics of certain units of the armed forces of a certain state, but also adequately understand the ideology that underlies their work.

Main part. Military oath is the cornerstone of the ideology of military service in any country. According to the accepted definition, the military oath is a ceremonial solemn oath given by each citizen when called for military service in the armed forces of the state. Military oaths have existed in the armed forces of most countries in the world since ancient times. In various countries it has a specific content, traditions and ceremonies for its adoption, depending on the historical traditions and customs of people, armed forces and the essence of the state system [2].

The relevance and novelty of this study is that we offer to make a comparative analysis of the text of the military oath in similar units of US Army and Armed Forces the Republic of Belarus.

We offer to compare the text of the oath of the 75th Parachute Regiment, special mission unit of US Army, also known as Rangers, and the text of the oath Special Operations Forces of the Republic of Belarus.

The United States Army Rangers is an elite military unit of the United States Army manned by soldiers that graduate from the U.S. Army Ranger School and carry out special missions.

The 75th Ranger Regiment is an elite airborne light infantry combat formation within the United States Army Special Operations Command (USASOC).

Special Forces of Belarus is a highly mobile combat arm of the Armed Forces of the Republic of Belarus. Their main tasks are counter-sabotage, intelligence, conducting of various tasks by special methods in order to stop the armed conflict towards the Republic of Belarus. It is one of the key elements of strategic deterrence.

In the tables below we offer to consider the original and translated versions of both texts.

T a b l e 1 — The oath of the Special Operations forces of the Republic of Belarus

Russian variant	Translation into English
<p>КЛЯНЕМСЯ ОТНЫНЕ И НАВСЕГДА:</p> <p>1. Быть верным своему Отечеству, воинскому долгу, Военной присяге и священному братству армейского спецназа. КЛЯНЕМСЯ!</p> <p>2. Чтить и уважать своих командиров и товарищей, всегда и словом, и делом поддерживать их, заботиться о них, как о самом себе, никогда не бросать их в беде и на поле боя. КЛЯНЕМСЯ!</p> <p>3. Приложить все свои силы и старания, чтобы овладеть знаниями и умениями, необходимыми разведчику спецназа, стремиться достигнуть высшей славы спецназовца — Доблести и Мастерства. КЛЯНЕМСЯ!</p> <p>4. Прислушиваться к советам старших — офицеров и ветеранов спецназа, хранителей спецназовской чести. КЛЯНЕМСЯ!</p> <p>5. Выполнять приказы и поручения любой ценой, проявляя при этом смекалку, смелость и решительность. КЛЯНЕМСЯ!</p> <p>6. Дорожить своей честью и честью своих товарищей, не допускать ее попрапия кем бы то ни было. КЛЯНЕМСЯ!</p>	<p>WE SWEAR NOW AND FOREVER:</p> <p>To be faithful to our homeland, military duty, military oath and sacred brotherhood of the Army Special Forces. WE SWEAR!</p> <p>To honor and respect our commanders and comrades, and always in word and deed support them, care about them as about ourselves, never let them down, and on the battlefield. WE SWEAR!</p> <p>To honor and respect our commanders and comrades, and always in word and deed support them, care about them as about ourselves, never let them down, and on the battlefield. WE SWEAR!</p> <p>To follow the advice of the senior — officers and special forces veterans, custodians of Special Forces honor. WE SWEAR!</p> <p>To carry out the orders and instructions at all costs, while exercising ingenuity, courage and determination. WE SWEAR!</p> <p>To value our honor and that of our comrades, to prevent its violation by anyone else. WE SWEAR!</p>

Completion of table 1

<p>7. Свято чтить традиции, кодекс чести и девиз спецназа «В любом месте, в любое время, любые задачи!», где бы ни находился — до своего последнего вздоха помнить о них.</p>	<p>To hallow traditions, honor code and the Special Forces motto “In any place, at any time, any tasks!” wherever should we happen to be and remember them till the last breath.</p>
<p>КЛЯНЕМСЯ!</p>	<p>WE SWEAR!</p>
<p>8. Если же я нарушу эту клятву, пусть неизгладимый позор и презрение лягут на мою голову, и стану я достоин всеобщего презрения.</p>	<p>If I violate this oath, let an indelible shame and contempt fall on my head and let I be punished with ignominy.</p>
<p>КЛЯНЕМСЯ!</p>	<p>WE SWEAR!</p>
<p>КЛЯНЕМСЯ!</p>	<p>WE SWEAR!</p>
<p>КЛЯНЕМСЯ!</p>	<p>WE SWEAR!</p>

Table 2 — The oath of the American Rangers

English variant	Translation into Russian
<p>1. Recognizing that I volunteered as a Ranger, fully knowing the hazards of my chosen profession, I will always endeavor to uphold the prestige, honor, and high esprit de corps of my Ranger Regiment.</p>	<p>Зная, что я рейнджер, полностью понимая опасности выбранной профессии, я буду всегда стремиться поддерживать престиж, честь и высокий боевой дух рейнджеров.</p>
<p>2. Acknowledging the fact that a Ranger is a more elite soldier who arrives at the cutting edge of battle by land, sea, or air, I accept the fact that as a Ranger my country expects me to move further, faster, and fight harder than any other soldier.</p>	<p>Понимая тот факт, что рейнджер — это элитный солдат, который прибывает в решающий момент сражения по земле, морю или воздуху, я знаю, что моя страна требует от меня, как от рейнджера, идти дальше, быстрее и сражаться более упорно, чем остальные солдаты.</p>
<p>3. Never shall I fail my comrades. I will always keep myself mentally alert, physically strong, and morally straight and I will shoulder more than my share of the task whatever it may be, one hundred percent and then some.</p>	<p>Я никогда не брошу своих товарищей, всегда буду бдительным, физически сильным и морально стойким и буду выполнять не только свою часть боевой задачи, где бы она ни возникла, но и всю её и даже больше.</p>
<p>4. Gallantly will I show the world that I am a specially selected and well trained soldier. My courtesy to superior officers, neatness of dress, and care of equipment shall set the example for others to follow.</p>	<p>Я продемонстрирую всему миру, что я специально отобранный и хорошо подготовленный солдат. Моя вежливость к старшим офицерам, аккуратность в одежде, исправность оружия будут служить другим примером для подражания.</p>
<p>5. Energetically will I meet the enemies of my country. I shall defeat them on the field of battle for I am better trained and will fight with all my might. Surrender is not a Ranger word. I will never leave a fallen comrade to fall into the hands of the enemy and under no circumstances will I ever embarrass my country.</p>	<p>Если я встречу врагов моей страны, я уничтожу их на поле боя, потому что я лучше подготовлен, и буду сражаться со всей возможностью. Сдача в плен — это слово не для рейнджеров. Я никогда не позволю своим павшим товарищам попасть в руки врага и ни при каких обстоятельствах никогда не опозорю свою страну.</p>
<p>6. Readily will I display the intestinal fortitude required to fight on to the Ranger objective and complete the mission, though I be the lone survivor.</p>	<p>Я с готовностью продемонстрирую подлинное мужество в бою и выполню задачу, даже если я буду единственным, кто остался в живых.</p>
<p>Rangers, lead the way</p>	<p>Рейнджеры всегда впереди</p>

The structure of the texts differs. The oath of Rangers is an acrostic, where each part starts with a different letter, forming the word “RANGER”. Determination is expressed with the help of the modal verbs *shall* and *will* and the inverted word order in parts 3, 4, 5 and 6 of the text. The sentences are mainly complex or compound [1].

The oath of Belarusian Scouts also consists of a number of integral parts which are separated by the words “WE SWEAR”. Every part starts with the Indefinite Infinitive in the Object function to show determination. The sentences are mainly simple, some contain homogeneous parts.

In our point of view, such structural and syntactic peculiarities show the rational, highly descriptive character of the US Rangers oath. The oath of Belarusian military men is more emotionally colored (exclamations after each part), its structure being simple. Though, it is obvious that in spite of using different structures, both oaths are determined for forming high spirit and proud of being a part of the military unit.

One more fact which is worth attention is that the oath of Rangers is formed from the first person singular (*I volunteered..., I will endeavor..., never shall I fail...*). It confirms the fact, the concept of individualism, specific for Western countries, especially for the USA, finds its reflection in the text of the military oath as well. At the same time the oath of Belarusians is pronounced from the first person plural (WE SWEAR!). Moreover, the ceremony is collective, and the words are pronounced in chorus. It proves the fact that esprit de corps is especially strong in Belarusian Special Operations Forces, and the concept of sacred Special Forces brotherhood prevails in their ideology.

The lexical contents of the texts under consideration are also different. The oath of US Rangers is more saturated with detailed information concerning their activities (*volunteer, endeavor, defeat, fight, complete*), physical

and mental state (*physically strong, mentally alert, morally straight*), actions in different situations, etc. The superiority of the ranger unit is proclaimed in every part of the oath (*a more elite soldier; move further, faster, and fight harder than any other soldier, I am a specially selected*, etc) and is summed up in their motto, “Rangers lead the way”.

At the same time the oath of Belarusian Scouts concentrates on such moral categories as faith, duty, honor, respect, disregard of self. The emphasis is made not on the superiority of the unit, but on the total devotion to the military service and discharging of duty, the motto being “Any place, any time, any tasks!”.

Conclusion. Thus, we see, that though US Rangers and Belarusian Special Forces Scouts are intended to perform the same functions, the texts of the military oath differ both structurally and by contents. This fact proves that ideology and mentality of armed forces in different countries is not similar. And in order to co-operate in the military sphere effectively, or in order to estimate the possible enemy correctly, it is necessary to analyze language units.

References

1. Спецподразделения армий мира. 75-й полк рейнджеров США [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://sof-mag.ru/spec_arms/usa_75_renedchr.html . — Дата доступа: 02.10.2017.
2. Силы специальных операций Вооруженных сил Республики Беларусь [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/ССО_РБ . — Дата доступа: 02.10.2017.

UDC 811.111

D. N. Kinchak

Baranovichi State University, Baranovichi

THE USE OF EMOTIONALLY COLOURED WORDS IN SCIENTIFIC LITERATURE

Introduction. The main stylistic feature of the scientific and technical text is the precise presentation of the material with the almost complete absence of those expressive elements that give the speech emotional saturation. The main emphasis is on the logical, and not on the emotional-sensory side of the statement. This leads to the fact that the scientific and technical texts seem too strict, without elements of emotional colouring.

However, according to A. Fedorov, the notion of some “neutral” style, devoid of imagery and emotionality, the concept is very relative, for the very absence of these properties constitutes a distinct, though a negative stylistic feature, and there is also a positive characterizing feature [1, с. 98].

“The style of the scientist is formal”, L. Borisova writes, “It avoids inaccurate definitions, unripe generalizations, sensations, its work always has clarity and a deep insight into the essence of the subject, which is inseparable from the clarity of thinking and formulations. It avoids contractions and turns of spoken language” [2, с. 166].

Main part. It should be noted that the scientific and technical text, nevertheless, includes a number of neutral coloured lexical units and phraseological combinations. Without depriving the text of accuracy, they give it vitality and variety. The stylistic colouring of emotional elements in the scientific literature is particularly intense, contrasting the general background of logical, objective forms of evaluation, the qualification of objects and phenomena of the material world. When using linguistic units in the “habitual” environment their stylistic colouring merges with the overall colour of speech, and when these units are transferred to an “unusual” situation, the stylistic colouring appears with the greatest clarity, the same style in various functional styles can have different expressive power. Any use of words in a different context than the one that is determined by the shade of their group can cause a definite stylistic effect.

Emotionally expressive vocabulary is the sort of the language which is associated with human feelings and, as a rule, expresses positive or negative attitude. The contribution to the creation of a general heightened emotional and expressive tonality of English scientific prose is made by the use of emotionally enhanced nouns. In particular, you can specify the following words: *изящество* ‘gracefulness’, *восхищение* ‘admiration’, *триумф* ‘triumph’, *великодушие* ‘generosity’, etc.

A positive evaluation is regularly used in the following cases:

1) to characterize the work of a scientist (or scientists): his concept, theory, hypothesis, experiment, the method of his work. Here nouns are used, like *красота* — beauty, *изящество* — gracefulness, *восхищение* — admiration, *триумф* — triumph;

2) to reflect the outstanding abilities of man as a scientist. In this case we observe the use of nouns like *гений* — genius, *самопожертвование* — self-sacrifice;

3) to describe the subject or process that is analyzed, such words as *совершенство* — perfection, *энтузиазм* — enthusiasm, *великодушие* and *щедрость* — generosity, *мудрость* — wisdom.

Thus, the peculiarity of scientific communication brings to life the characteristic functions in which appraising nouns are used. According to the examples of the nouns given above, it can be seen that these

functions are used mainly to show a positive evaluation of the scientist's work and to a positive evaluation of the subject, process, and fact undergoing scientific research.

Nouns that transmit a negative evaluation characteristic are used:

1) for critical analysis of scientific theory, school, classification, concept, methodology for conducting experiments, formulations, etc. So, the book can be described as *snare* 'западня, ловушка' for the one who is going to read it; scientific theory — like *chimera, heresy* 'ересь'; state of knowledge on any subject *невежество* 'ignorance', *убеждения ученого* 'prejudice';

2) for a negative evaluation of the process, the fact of the subject being investigated. Thus, the actions of certain animals can be characterized as *обман* 'imposition', *бедствие* 'disaster', etc.;

3) for the direct expression of those feelings that cause the scientist the circumstances accompanying the experiment; actions of other people in relation to the object of scientific research, etc. Here we find such nouns as *недоброжелательность, злая воля* 'ill-will', *неприязнь, враждебность* 'ill-feeling'.

Thus, in the language of scientific prose, the richest possibilities of expressive emotionally coloured vocabulary are restricted by the narrow scope of the thematic focus of works of scientific nature.

In the scientific and technical literature, phraseological units are also often used in accordance with the sphere of their use. They can be divided into three types: conversational, neutral, literary-book.

At the same time, the differences between spoken and neutral vocabulary, on the one hand, and neutral and literary-book lexicon, on the other, are primarily expressed in emotional and expressive colouring. The stylistic contrast of colloquial and literary-book phraseological units contributes to their isolation against the common background of neutral phraseology. The singularity and seeming irrelevance of inappropriate vocabulary in a scientific article, book, monograph, etc., gives it a noticeable emotional-expressive colouring. Phraseological units are divided into three types:

1) **conversational.** Example: *по насылшке, из вторых рук* 'at second hand'; *смотреть сквозь пальцы на что-либо* 'to shut one's eyes to something'; *ломать себе голову над чем-либо* 'to break one's head against something';

2) **neutral.** Example: *в движении* 'on foot'; *проливать свет на что-либо* 'to throw light on something'; *иметь в виду* 'to bear in mind';

3) **literary-book.** Example: *развлекаться во время народного бедствия* 'to fiddle while Rome is burning'; *перейти Рубикон* 'to pass the Rubicon'; *человеку свойственно ошибаться* 'to erris human'.

Phraseological units are used:

1) for the expression of approval (admiration) in connection with a particular work of a scientist;

Example: *вкладывая свою душу, всей душой* 'heart and soul'; *поразить, удивить* 'to take one's breath away';

2) for a negative characterization of the work of a scientist;

Example: *не соответствовать чему-либо* 'to be out of keeping with something'; *провалиться, не иметь успеха* 'to fall flat'.

3) to describe (without evaluation) the object of research.

Example: *подвернуться под руку, заставляя работать* 'to come to hand'; *взять верх* 'to win the day'; *рассказывать небылицы* 'to tell stories' [3].

One of the main reasons that explain the penetration of emotional elements into scientific prose should be considered scientific polemics.

As well mentioning of a great scientist or inventor, the expression of admiration for their work also lead to the use of evaluative vocabulary and elements of emotional syntax.

Conclusion. Thus, in the English scientific and natural literature the use of emotionally coloured language is not not only connected with the topics that are suitable for scientific prose but with the interpretation and classification of the results of the experiment, the argumentation and the justification of the scientific theory concepts, hypotheses. In scientific prose, emotionally coloured elements give the text a functionally ordered character.

The combination of special scientific terminology and so-called general scientific words, characterized by neutral stylistic coloration with oral colloquial vocabulary, is a dramatically contrasting combination of different stylistic elements. Neutral vocabulary serves as the background on which stylistically colored elements prominently appear.

In modern English scientific prose the use of words with emotional meaning is a manifestation of an individual manner of presenting thoughts and facts. It can be said that the emotional tension realized by lexical means is universal and traditional for the style of English scientific prose.

References

1. Федоров, А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы) : учеб. пособие для ин-тов и фак. иностр. яз. / А. В. Федоров. — 5-е изд. — СПб. : СПбГУ ; М. : ФИЛОЛОГИЯ ТРИ, 2002. — 416 с.
2. Борисова, Л. И. Лексические особенности англо-русского научно-технического перевода / Л. И. Борисова. — М. : НВИ — Тезаурус, 2005. — 215 с.
3. Гуревич, В. В. Краткий русско-английский фразеологический словарь / В. В. Гуревич, Ж. А. Дозорец. — М. : Рус. яз., 1988. — 543 с.

THE MAIN MOTIFS OF S. YESENIN'S LYRICS

Introduction. The beginning of XX century in Russian literature was marked by the emergence of a whole galaxy of diverse currents, trends, poetic schools. Symbolism (V. Bryusov, K. Balmont, A. Bely), acmeism (A. Akhmatova, N. Gumilev, O. Mandelstam), futurism (I. Severyanin, V. Mayakovsky) became the most outstanding trends that have left a significant mark in the history of literature. Creativity of these poets is rightly called the lyrics of the Silver Age, that is, the second most important period of the heyday of Russian poetry. However, along with the above-mentioned authors, other artifacts that did not belong to any particular school, original and bright poets, and in the first place — Sergei Yesenin, whose work stands apart in the colorful and diverse world of poetry of the beginning of the century, entered the history of art of that time.

Main part. The difficult and interesting fate of the poet, the multitude of travel, the change of places and way of life combined with the creative approach to the comprehension of reality determined the richness and variety of themes and motifs of Yesenin's lyrics. Childhood and his youth passed in the village of Konstantinovo, on the banks of the Oka River, in a peasant family; the main theme of Yesenin's early lyrics is the natural description of nature, native paintings, landscapes imbued with warmth, familiar from childhood, loved ones, and many of the phenomena of nature, the poet personifies, sees in them a living, intelligent essence, attributes to plants the qualities of animals.

Such imagery, the brightness of metaphors and comparisons will be characteristic of Yesenin's subsequent work, but in the early lyrics it is fresh, joyful, innovative, which gives verses a special touching and expressive. The native nature for the poet is an eternal source of admiration and inspiration, the description of the simplest and everyday scenes in his perception becomes magical, fabulous, enticing ("Birch", "Porosha"). As touching as the landscapes in general, Yesenin refers to each specific element of his native life, whether it's a tree branch, looking through the window, household utensils or even an animal. A lot of Yesenin's poems are dedicated to animals ("Korovka", "Fox", "Son of a Bitch"). The youthful perception of life in the poet is bright, joyful; in the early verses there appears the theme of love ("The scarlet color of the dawn was wreathed on the lake ..."), perceived with the same cheerfulness and freshness. Love for Yesenin in this period is a romantic, fragile state of the soul, his lover is not a girl, but a vision, a symbol: the lyrical hero describes basically not her feelings but her feelings and experiences, and in a youthful way, romantic and touching.

It is characteristic that love and nature in Yesenin's early lyrics are interrelated, inseparable. All the variety of motifs for describing nature (landscape sketches, poems about animals, everyday scenes) grow into one global topic, important for the understanding of Yesenin's entire lyrics — the theme of the Motherland; one of the first in her comprehension of the poet was the poem "Go, you, Russia, my Dear". The poet confesses his love for the Motherland and actually puts it above paradise, above heavenly life.

In the poem there are religious, Christian motifs, mostly associated with church attributes ("Hats — in the images of the image", "Smells like an apple and honey in the churches of your meek Savior"). The poet imagines Russia only Christian, this motif also develops in the poem "Sang the Hedgehogs" (1916).

Describing his native village, Esenin usually uses blue, blue, green colors (the poet himself said: "...Russia, dew and strength and blue something...").

Moving to Moscow, a scandalous life, a somewhat deceitful behavior, shocking caused the discrepancy, the ambiguity of the themes of Yesenin: on the one hand, it was the shocking lyrics ("I purposely go unkempt ..."), on the other — memories of my native village, life in it as the brightest period. The theme of the Motherland is being developed in the poems "Letter of the Mother", "Soviet Russia", "Russia Leaving", "Return to Motherland". The revolutionary changes that took place in the countryside are perceived by the poet with a share of tragedy; because the past times are irrevocable, and the light, carefree life is irrevocable; Yesenin feels a loss of connection with his native land, where "Poor Demyan's agitation is now sung".

The people do not perceive Yesenin as a poet, but Yesenin calls himself "the last poet of the village". The author enhances the sense of tragedy by direct comparisons that emphasize the change of ideals.

The theme of the poet and poetry is closely connected with the theme of the Motherland. Yesenin perceives his creativity as a possible means of spiritual connection with the people. Changes in the village were transformed both by her and the people, made her unlike her native land, a land close to the poet, but the memory of youth and of Russia of those years remains in Yesenin's memory bright and clean. In "Persian Motifs", in the poem "Shagane, you are mine, Shagane!..". Yesenin writes:

Because I'm from the north, or something,
That the moon there is a hundred times larger,
No matter how beautiful Shiraz is,
He is no better than Ryazan's ravings.

The theme of the Motherland is again connected with the theme of love, it develops practically in parallel. The lyrics of the Moscow period and the last years of the poet's life describe mostly unhappy love, doomed to parting. ("I Remember, my Beloved, I Remember...", "Letter to a Woman"). Scandalous life can not be combined with sincere love; in a number of poems Esenin writes about the renunciation of the crazy lifestyle in the name of love.

But still hooligan bravado is stronger than feelings, there is a motif of separation ("Son of a Bitch", "Letter to a Woman"). Both the lyrical hero and his lover suffer from separation, but their lives turn out to be a severe life storm, the "fate of events". And yet in some poems there is a touching tenderness (poem "Dog Kachalov").

The last poems of the poet are again tragic, the motif of unrequited, unhappy, unrequited love dominates in them.

Love is one of the necessary conditions for human happiness, and a person's understanding of the essence of happiness usually changes with age, as does the understanding of love. In early verses Yesenin describes happiness as a state of the soul of a person who sees his home, his beloved and his mother:

Here it is, stupid happiness
With white windows in the garden!
On the pond the swan is red
A quiet sunset floats.

However, over time the poet comes to a deeper, philosophical understanding of the essence of happiness and the meaning of human life. In his late lyrics philosophical motifs prevail. The poems of recent years reflect Yesenin's thoughts about the life he lived (probably the poet anticipated his end): he does not express regret at the past times, accepts with philosophical calmness and wisdom the fact that "All of us, we are all perishable in this world". Genuine masterpieces by Yesenin are the poems "The golden grove has discouraged..." and "I do not regret, I do not call, I do not cry..."

The poet feels that the youth has irrevocably gone, there is no way to the past, and each person will someday leave this world, as he once came to him. This harmonious, calm perception of life Yesenin transmits again through images of nature, and symbolism: "grove" — this is the whole life of the hero, his fate; youth is always associated with blue or purple flowers ("lilac souls blossom"), old age — a brush of mountain ash, and all life is transmitted through a figurative comparison.

Yesenin's poem about death is also referred to the philosophical lyrics.

In this life, it's not new to die,
But to live, of course, is not new.
("Good-bye, my Friend, Good-bye")

Conclusion. Yesenin lived a short, but very bright and in many respects tragic life. He created after the revolution, and experienced severe trials. Among them is the oppressive problem of choice. Yet Yesenin, who called himself "the last poet of the village", continued to create pressed by censorship and mistrust. But the poet managed to understand much and express everything in a poetic form.

UDK 372.881.1

S. V. Kutscherov, I. A. Mursovskij
Ausbildungseinrichtung „Militärakademie der Republik Belarus“, Minsk

FLÜCHTLINGEN BEIM DEUTSCH-LERNEN HELFEN: LINGUISTIK HILFT!

Einleitung. Philosophie und Wissenschaft setzen sich seit 3.000 Jahren mit dem Verhältnis von Denken und Sprache auseinander und versuchen zum Beispiel zu erforschen, ob das Sprechen sich aus dem Denken entwickelt hat oder umgekehrt. Einig sind sich die verschiedenen Theorien darüber, dass unsere Sprache, unsere Kultur und unsere Identität untrennbar miteinander verknüpft sind. Erst, wenn man sich mit Menschen unterhält, die eine andere Sprache sprechen, wird spürbar: Was und wie wir sind, als Individuen, als Generation, als Gruppe oder als Nation, wird in entscheidendem Maße von der Art und Weise mitbestimmt, wie wir uns mit Worten ausdrücken. Häufig entdeckt man nämlich Unterschiede im Sprachgebrauch, über die man noch nie nachgedacht hatte. Hier wird zugleich spürbar, dass sich über die Sprache hinaus oft auch die Denkweise und Identität des anderen von unserer eigenen unterscheiden.

Hauptteil. Sprache als ein kulturelles Merkmal wird unter anderen umgangssprachlich als eine soziale Ressource für die Lösung von Alltagsproblemen behandelt und nicht als ein Kennzeichen ethnischer Identität. Wie jedes andere Werkzeug von begrenztem Gebrauchswert wird eine Sprache durch Sprachwechsel aufgegeben, wenn gesellschaftlicher Druck eine andere Sprache nützlicher macht; Bi- und Multilingualismus entstehen spontan, wo mehr als eine Sprache eine nützliche gesellschaftliche Ausstattung ist.

Kultur und Sprache hängen sehr eng zusammen. Die sozialen und kulturellen Regeln der Gesellschaften lernen wir vor allem durch Kommunikation. Das Wort Kommunikation leitet sich vom dem lateinischen Wort „communicatio“ ab und bedeutet Verbindung, Mitteilung. Kommunikation ist demnach der gemeinsame Austausch

von Informationen. Dies geschieht direkt durch Sprache (verbale Kommunikation) oder indirekt durch den Körper (nonverbale Kommunikation). Der Kommunikationsverlauf hat in der Regel folgenden Ablauf: Ein Sender (eine Person) sagt oder teilt auf eine andere Weise etwas mit (eine Aussage oder Message), worauf sich die Verständigung bezieht. Diesen Sachverhalt nimmt eine andere Person (Empfänger) dann auf.

Aufgrund der starken Zuwanderung in den letzten Jahren, wurde Deutschland mehr und mehr zu einer multikulturellen Gesellschaft. Sprache ist der Schlüssel zur Integration. Insbesondere die Beherrschung der Schriftsprache gewährleistet in der schriftkulturell geprägten Gesellschaft den Zugang zur Gesellschaft. Es besteht daher eine große Herausforderung an die Gesellschaft, Migranten eine leichte Integration in das Land und die Gesellschaft ermöglichen.

Die Themen Integration, Sprache, Migranten sind oft in den Schlagzeilen. Thilo Sarrazin hat mit seinem Buch „Deutschland schafft sich ab“ eine Debatte angestoßen, die sich wie ein Krake in die Köpfe anderer Politiker vorgetastet hat. Einer sagt: Zuwanderung, nein! Ein anderer: Zuwanderung, ja! Dieser sieht Integrationsprobleme bei türkischen Einwanderern. Viele reden dagegen, jener fördert seine Landsleute auf, sich besser zu integrieren und Deutsch zu lernen. In einem sozialen Verständnis von Integration von Zuwanderern hat die Beherrschung der deutschen Sprache eine Schlüsselfunktion. Sie sollte aber nicht unreflektiert zum Gradmesser der sozialen Integrationswilligkeit von mehrsprachigen Menschen gemacht werden.

Welche mehrsprachigen Verhältnisse hat man in Deutschland? Diese Frage hebt zunächst auf die in der Bundesrepublik gesprochenen Sprachen und ihre Sprecherzahlen ab. Sie lassen sich nicht aus den Statistiken von Staatsangehörigkeiten ableiten: Bei Spätaussiedlern ist die Familiensprache oftmals die Sprache des Herkunftslandes. Zuwanderer haben sehr häufig einen anderen sprachlichen Hintergrund als die Nationalsprache des Herkunftslandes (z.B. Kurden aus der Türkei, dem Libanon und Syrien), und natürlich steigen die Zahlen von Kindern aus binationalen Familien und von Zuwandererfamilien, die deutsche Staatsbürger werden. Zwei Erhebungen, eine in Hamburg, eine weitere in Essen geben erstmals deutliche Anhaltspunkte zur Mehrsprachigkeit in Deutschland, indem sie sprachenbezogene Daten aller Grundschüler in den beiden Städten auswerten.

Die Erhebungsergebnisse zeigen, dass in den deutschen Metropolen rund ein Drittel aller Grundschüler mehrsprachig ist, d.h. dass in der familiären Kommunikation mindestens eine andere Sprache neben Deutsch gesprochen wird (Hamburg: ca. 35%, Essen: ca. 28%). Von den nahezu einhundert Sprachen, die in den jeweiligen Untersuchungen genannt wurden, macht Türkisch die größte Gruppe aus (Hamburg: 30%, Essen: 27%), in Essen gefolgt von Arabisch (14%), Polnisch (12%) und Russisch (5%), bzw. in Hamburg von Polnisch (10%), Russisch (10%) und Englisch (7%). Im Gespräch mit den Eltern überwiegt dabei laut Eigeneinschätzung der Kinder die nichtdeutsche Familiensprache, unter den Geschwistern und im Freundeskreis das Deutsche. In Bezug auf die „Lieblingssprachen“ entschieden sich in Essen 44% der Kinder dafür, „alle beide“ zu nennen. Die genannten Erhebungen machen deutlich, dass die bundesrepublikanische Gesellschaft mehrsprachig ist — einfach weil ein nicht unerheblicher Teil der Bevölkerung mehrsprachig ist. Gleichzeitig werden aber in der Situation der Mehrsprachigkeit durch Migration oft nicht alle Varietäten der beteiligten Sprachen erworben, es entstehen neue Varietäten und Sprechstile, Register verschiedener Sprachen setzen sich in neue Beziehungen zueinander.

Mit Musik kann man natürlich sehr gut Sprachen lernen, z. B., singend Deutsch lernen. In Bayern ist jetzt populär das Projekt „Sprechen und Singen“. Es vermittelt Kindern die ersten Schritte zur deutschen Sprache über Gesang und nutzt die therapeutische Wirkung der Musik. Der Lehrer singt den Kindern auf Deutsch vor, und sie singen den Text nach, obwohl sie eigentlich kaum oder gar nicht Deutsch können. Seit fast einem Jahr läuft die Kooperation „Spring“ (Sprechen und Singen) des Musiklehrstuhls der Uni Regensburg und der Grundschule in Bayern. Die Kinder lernen Deutsch mit Hilfe der Musik. „Musik ist eine Methode, um das Innere der Kinder rasch zu erreichen und sprachliche Muster zu trainieren“, sagt Professor Gaul. Musik in Verbindung mit Mimik und Gestik eröffnet den Zugang zu einer neuen Sprache.

Auf der Bühne lernt man auch spielend Deutsch. Theaterspielen hat einen positiven Effekt auf die Persönlichkeitsentwicklung. Das haben sogar schon Schiller und Goethe festgestellt. Durch pantomimische Darstellungen, Standbilder oder komplette Schultheateraufführungen erhält das Theater auch zunehmend Einzug in den Fremdsprachenunterricht. Migranten in Deutschland werden im Theaterprojekt „mund: ART“ auf den Arbeitsmarkt vorbereitet. Sprache wird dabei spielerisch gelernt. Das „mund: ART“-Projekt (ART=Arbeit, Rat & Tat) des Unternehmens „defakto“ richtet sich an Menschen, die ihre Deutschkenntnisse verbessern möchten. Das kombiniert sehr gut mit dem Theaterspielen.¹⁴ arbeitssuchende Migranten zwischen 19 und 23 Jahren nehmen an dem 9 Monate dauernden Projekt teil. Die Theaterarbeit ist ein wichtiger Baustein in der persönlichen Entwicklung der Migranten. Hier erleben sie das Sprechen ganz anders als bei normalen Sprachkursen. Alles ist viel praxisnäher. Das Sprachniveau der Teilnehmer — die aus Syrien, Irak, Polen, Belarus, Bulgarien und Kamerun kommen — ist ganz unterschiedlich. Trotzdem wird von Beginn an nur Deutsch gesprochen. Am Ende sollen etwa ein Praktikumsplatz, eine Ausbildung, ein Job oder ein erfolgreich abgeschlossener Sprachtest stehen. Das Projekt ist in drei Blöcke unterteilt. Im ersten Block geht es um die Zielsetzung, Orientierung, und Grundlagen in der Theaterarbeit. Im zweiten Teil werden die Arbeit im Theater und die Jobsuche intensiviert. Der letzte Block soll in dem anfangs formulierten Ziel münden und abschließend darauf vorbereiten. Es geht um Themen wie Freiheit und Frieden. Die Teilnehmer kommen mit so unterschiedlichen Geschichten in das Projekt und mit ihnen noch viele Menschen und Geschichten mehr nach Deutschland. Das Theaterstück soll diese Vielfalt spiegeln.

Integration als Kinderspiel mit „Paaraby“. Auf 64 Memory-Karten werden bei „Paaraby“ Kultur, Begriffe, Traditionen und auch so manche Besonderheit der Deutschen beleuchtet. Ein syrischer Flüchtling, der Grafiker Kassem El Laham hat das Spiel entwickelt. Die Spieler müssen die Karte mit der arabischen Entsprechung

finden. So erfahren Deutsche unter anderem, dass Araber gerne „Hummus“, ein Kichererbsenmus, essen; die dazu passende Karte weist Kartoffeln als Leibgericht der Deutschen aus. Der unbeliebteste Beruf ist hierzulande die „Politesse“, in arabischen Ländern steht der „Gesundheitsexperte“ ganz oben auf der Liste. Und das hat einen Grund, erklärt der Syrer Kassam El Laham: Diesen Beruf übe in seiner Heimat keiner gern aus, weil er in dieser Funktion die Einrichtung schließen müsse, in der er Missstände entdeckt. „In einem Land, in dem die medizinische Versorgung ohnehin problematisch ist, gehört das zu den schwierigsten Aufgaben.“ Es ist wichtig miteinander ins Gespräch zu kommen und ihre Motivation zu beschreiben. Das Non-Profit-Projekt wendet sich an Unternehmen, Verbände und Vereine, die sich für die Integration von Flüchtlingen engagieren und diese Arbeit auflockern wollen. Rund 1.500 Exemplare wurden seit August 2016 ausgeliefert, Tendenz steigend. „Paaraby“ kann den Sprachunterricht ergänzen und sehr gut eingesetzt werden.

Für eine gelingende und langfristige Integration bietet insbesondere der Sport mit seinen sozialen Möglichkeiten und weitreichenden Chancen ein wichtiges Handlungsfeld. Sport kann Berührungängste abbauen, den Austausch zwischen Menschen verschiedener kultureller Herkunft fördern und das Selbstbewusstsein aufbauen. Auf Grundlage des Integrationsverständnisses ergibt sich ein gemeinsamer Kern von Integrationszielen für das Programm „Integration durch Sport“, an dem sich die Arbeit im Programm über alle Bundesländer hinweg orientiert. Dieser gemeinsame Kern bildet das grundlegende Verständnis aller beteiligten Akteure über die Aufgaben und Absichten des Programms ab und bietet dabei gleichzeitig Spielraum, die Zielsetzungen an die länderspezifischen Rahmenbedingungen anzupassen. Die Zielsetzungen dienen zur Orientierung und Sicherheit für das praktische Handeln in der alltäglichen, sportbezogenen Integrationsarbeit und als Voraussetzung für systematische und zweckgerichtete Maßnahmen, die wiederum für die erfolgreiche Umsetzung der Ziele ausschlaggebend sind.

Skaten lernen — und dazu die deutsche Sprache: Eine Idee, die Sportlehrer Norbert Stegemann von der Geistschule gemeinsam mit der Skate-Aid-Stiftung von Titus Dittmann umsetzt. Es läuft nicht nur, es rollt richtig. Die Aktion Skaten zu lernen erleichtert den Kinder und den Jugendlichen, die noch neu und fremd in Deutschland sind, die Integration: wöchentlich dienstags zwei Stunden stehen zehn bis 15 Geistschüler im Skaters Palace auf den Rollen. Unter Anleitung von Michael Bölt, einem Sportstudenten aus dem Skateboard-Seminar des Uni-Lehrbeauftragten Dittmann, rollen sie sich ein. Auf diese Weise hilft man ihnen zugleich spielerisch, leichter Deutsch zu lernen. Michael Bölt freut sich darüber, dass seine Schüler schnell Kontakt zu anderen Jugendlichen im Skaters Palace finden. Das Gefühl, willkommen zu sein, unterstützt die Kids auf dem oft schwierigen Weg in ein neues Leben.

Fazit. Als Mittel der Verständigung dient uns die Sprache. Kein Denken ohne Sprache, keine Identität ohne Worte. Ob Englisch oder Russisch: Sprache ist Teil von Kultur. Daran erinnert das UN-Jahr der Sprachen 2008. Und Kultur spielt dabei eine große Rolle.

UDC 378.147.227

A. S. Palaznik

The Military Academy of the Republic of Belarus, Minsk

MILITARY TRANSLATION: SIGNIFICANCE AND SPECIAL FEATURES

Introduction. The actuality of military translation is determined by its high importance and significance of translation in modern conditions, characterized by necessity to negotiate in military frameworks. Military translation is a separate linguistic sphere demanding a high quality and accuracy of translation, where mistakes may result in arbitrary interpretation of text and misunderstandings. The worst case is that they can even become a matter of somebody's life or require great material expenses.

Main part. From the point of view of functional or communicative direction there are three kinds of translation: science fiction, social political translation and special translation. **Military translation** is a type of special translation having a military communicative function.

Special features of military materials. Military materials include military fiction materials, military publicistic writing and political materials, military scientific and technical materials, acts of military regulation (different military documents). Scientific technical materials and acts of regulation, connected with soldiers' life and activity and Armed Forces military institutions are classified as military materials. Military fiction, military publicistic writing and military political materials are military only by their purposefulness and subjects and basically possess those features, which social political, publicistic and fiction texts generally have [1].

Analysing the military translation textbook consisting of 90 sheets, we came to conclusion that in the dictionary there are only 10% words with exclusively military meaning. Majority of them (90%) are used in daily conversations. So, the question arises: "Anyone can translate military materials, can't he?" But it's not so simple. The difficulty of military translation is that 90% of these words used in the "civilian" vocabulary have absolutely different meanings for military sphere [2].

The correct translation of military materials depends, to a great degree, on the right translation of terms, as the greatest part of the military vocabulary is military or/and military technical terms, having the maximum semantic load. Composition of modern military and military technical terminology isn't permanent. It's continuously changed at the expense of omission of words row, changing of meanings, continuous replenishment with new terms, by appearing and development of new patterns of weapons and combat material, by development of new methods of conducting combat actions, etc.

From the point of view of difficulty of understanding and translation, the military terms can be divided into three groups:

1. Terms that mean subjects of a foreign reality, identical to subjects of our reality.

For example: Field hospital — полевой госпиталь;

General — генерал;

Rifle — винтовка.

2. Terms that mean subjects of a foreign reality, which is absent in our reality, but having generally accepted Russian terminological equivalents. Accurate translation of such terms is achieved by selection of the corresponding Russian analogues and by the accurate substitution.

For example: Delaying resistance — маневренная оборона;

Fox hole — одиночный окоп;

Classified information — секретные сведения.

A great role in the translation of terms of this group belongs to the context, which allows to understand a general meaning of the term from meanings of its components.

3. Terms that are designated for subjects of foreign reality, absent in our reality and haven't generally accepted Russian terminological equivalents. The translation of these terms is the biggest difficulty, because the right translation cannot be done without a thorough analysis of its components.

For example: Attack problem — тактическая задача по ведению наступательного боя;

Field study — изучение опыта войск;

Noncommissioned officer — унтер-офицер (военнослужащий сержантского состава).

The main mistake in the translation of such terms is that the interpreters try sometimes to find literal conformity to the foreign term in our manuals. It isn't quite right, because the specificity of realities of foreign army is obliterated and terms can express quite other notions. Mistakes may appear as a result of irregular translation, when an interpreter isn't aware enough of the terminology and meanings of translated material.

For example: 1) Sight — зрение, взгляд, вид; военный перевод — прицел;

He has lost his sight.

2) Exercise — упражнение; военный перевод — учение;

The exercise was performed by the 10 thousand men.

3) Fighter — боец, борец; военный перевод — истребитель;

Nobody can find the fighter.

4) Small arms — маленькие руки; военный перевод — стрелковое оружие;

Every day small arms kill 300 people in the USA.

5) Pickup zone — зона пикапа; военный перевод — зона эвакуации;

Having performed the mission all military men went to the pickup zone.

Conclusion. In conclusion, we can say that all military materials are differed from any other materials by their saturation with special military vocabulary, wide using of science and military terminology, special set expressions used in military sphere of intercourse, abundance of military nomenclature, special abbreviations and conventional designations used only in military materials. This is determined by a certain functional load that characterizes military sphere of intercourse: conciseness, precision and concreteness of formulations, accuracy and lucidity of paraphrase that provides logical consistency, precise distinction of one thought from another, perception easiness of transmitted information. That's why **every military interpreter must have accurate notion about meaning of translated material in both languages.**

References

1. Шевчук, В. Н. Военно-терминологическая система в статистике и динамике / В. Н. Шевчук. — М., 1985. — 94 с.
2. Нелюбин, Л. Учебник военного перевода. Английский язык / Л. Нелюбин. — М. : Воениздат, 1981. — 444 с.

INFLUENCE OF THE ARMED CONFLICTS ON THE FORMATION OF THE AMERICAN MILITARY SLANG

Introduction. We all know that major wars are the stimulus to progress of our society. In particular, they influence the changes in the languages of the countries involved, including their military slang. During the twentieth century there were quite a lot of events that contributed to the development of the military jargon. They created a favorable environment for borrowings in the military and everyday vocabulary.

In order to understand how a military conflict affects the language changes, it is worthwhile to distribute military slang according to a thematic historical basis. In this article we turn to the historical classification, which, in our opinion, quite accurately shows the characteristic features of American military slang [1]. We analyze the slang that arose during the war in Vietnam, World War I, World War II and modern armed conflicts, including the war against terrorism.

Main part. According to this classification, the formation of the American military slang is divided into four groups:

A. World War I.

In this period the US military didn't take such an active part in the hostilities, as, for example, the British soldiers, so most of the slang during that war was taken from the British lexicon. We should pay attention to the fact that a lot of slang words were added to English from the languages of the countries in the coalition the UK and the USA were the participants. For these reasons, the jargon of the American army was significantly enriched by lexical units denoting all aspects of life of a soldier during the First World War [2].

Everyone knows that not every serviceman at the time performed tasks directly on the battlefield. Such people were not respected by the soldiers who were on the battlefield, and therefore this created definite words that were later used:

1) *politician* — a soldier, for whatever reason, detached from the usual daily activities and performing, as they say, dusty work — cleaning the rooms, maintaining order in the premises, etc;

2) *blooded* — an experienced, seasoned fighter (who has been in the battles); in a literal translation — bled. The relationship between servicemen on the battlefield differed from the relationship of servicemen who were at the point of permanent deployment and who did not take part in hostilities;

3) *brains* — an intelligence officer, humor about military intelligence, which in English sounds like “military intelligence”;

4) *doughboy* — an infantryman, widely used word, preserved until the Second World War;

5) *Ivan* — a Russian soldier, the Russian army, came into use because of the most typical Russian name (lexico-semantic word-formation);

6) *click it* — get wounded, comes from the word “click” — a click that resembles a characteristic sound of firing from a machine gun from a distant enemy positions;

7) *kaput* — the end, from the German “kaput”. New units of armament were developed, that also created new slang words;

8) *typewriter* — machine gun, is named because of the characteristic sound resembling the sound of a typewriter.

B. World War II.

The Second World War also had a great influence on the development of the English-speaking slang. We want to give you some examples of these words and expressions, and show how they were changing and created during the war.

1) as we have already mentioned, World War I gave birth to the word “politician”, which later developed to *carpet knight* — a soldier which for some reason is not allowed to take part in combat;

2) *ratzy* — a fascist; a fusion of words “rat” and “nazy”;

3) *redski* — a Russian, a communist (words “red” and Russian “ski”);

4) *bloodbath* — massacre, slaughter, originated from German “blutbad”;

5) *devil's piano* — machine gun.

C. The Vietnam War.

The Vietnam War deserves our special attention, because due to its nature and scale, it created an optimal environment for borrowing in the military and everyday vocabulary.

1) *arvin* — a soldier of the Vietnamese Army (derives from the abbreviation A.R.V.N. — Army of the Republic of Vietnam);

2) *gomer* — a northern Vietnamese (“guy on enemy motorbike route”);

3) *fox* — to deliver fire (abbreviation of “Foxtrot” — a letter “F” of the phonetic alphabet which was frequently used for denoting “fire”). The aircraft pilots used it to report about different kinds of firing: “fox one” — “the first missile has been launched”;

4) *dinky dau* — a crazy man (borrowing from Vietnamese).

D. The War against terrorism.

The war against terrorism is still being conducted and is a major armed conflict whose stated purpose is the elimination of terrorist groups in Syria, Afghanistan, etc. and of course it also contributes to the appearance of new slang.

1) *Sammy* — a derogatory name of the Somalis during the operation “Restore Hope”. This name was given mainly to those Somalis who in any way undermined the activities of the US Armed Forces;

2) *smurfs* — soldiers of the UN forces equipped with blue helmets. The name was given due to the similarity of their blue uniforms with the appearance of cartoon characters — Smurfs;

3) *kiss-and-cry area* — a place intended for the farewell of servicemen with their relatives and friends before they go to the place of service. Initially, the term was used to describe the place where the skaters expect the final results of the competition.

Conclusion. So, as we can see from the analysis of the examples above, the American military slang was created and developed due to the definite historical events, namely — armed conflicts. It is greatly influenced by the enemy and alliances languages, the appearance of new armament and soldiers’ everyday life.

References

1. Митчелл, П. Дж. Английский военный сленг: понятие, способы образования, тематическая классификация / П. Дж. Митчелл // Яз. и культура. — 2014. — № 3 (27). — С. 64—73.
2. Митчелл, П. Дж. Американский военный сленг. Статья 1: Влияние Первой мировой войны / П. Дж. Митчелл, И. С. Холдаенко // Яз. и культура. — 2014. — № 4 (28). — С. 64—71.

UDC 378.147.227

K. A. Shubin

The Military Academy of the Republic of Belarus, Minsk

TRANSLATION DIFFICULTIES ON THE EXAMPLES OF THE MOVIES TITLES

Introduction. An Austrian writer Moritz Saphir said: “Translations are like women: if true, then ugly, as if beautiful, it is wrong”.

The translation system “English—Russian” is quite complex and has many details arisen for different reasons. To begin with, the vocabularies of the Russian and English languages are different, what requires the translator to have a good mastering of Russian language as well, in order to produce not the literal translation of the text, but clearly render the ideas with all their shades skillfully manipulating all possible synonyms. And the mentalities of the English-speaking and Russian-speaking people are often at odds, what makes the translation sometimes distort due to the different opinions of people and their different views on the same things, and sometimes because of the censorship dictated by the policy. We want to analyze this question practically on the example of translation of movies’ titles.

Main part. As we know, for obvious reasons the western and especially American movies were coming slowly and reluctantly to the USSR. Censorship was the main obstacle for not only the correct translation of the movies, but for their getting to the Soviet Union.

However, the movie “Some Like it Hot” managed to break forth to the silver screens of the Soviet audience. The Russian translation is «В джазе только девушки».

The film was released in the USSR only thanks to Leonid Brezhnev, who was delighted with this comedy. But the title of the movie seemed too frivolous to the party censors, so it was converted to «В джазе только девушки». In the Western countries the name is considered even more successful than the original.

The movie “Red Heat” (Russian translation: «Красная жара») was released much later than the previous one, but also got under the ruthless hand of censorship. Heat in the jargon corresponds to the Russian «мент» or «мусор» and thus the movie should have been called “Red Cop”. But in the midst of restructuring era the people were not ready for such names. However, after the collapse of the Soviet Union such obstacle as censorship disappeared.

Currently, there are 3 main strategies for translating the names of the movies: direct translation, transformation, replacement. Each of these strategies is used mainly for its own purpose.

The first strategy is a direct translation of the movie titles. It is the easiest way to translate, but is not sufficiently exact.

The second strategy is the transformation (conversion) of the movie titles. It is a slight change in the title of a movie by means of a number of transformations.

The third strategy that can be used by the translators is substitution of the titles. It is a complete change of the title of the movie in accordance with the idea of the translator.

The direct translation can be of two main types: transcription and transliteration. Transcription means reproducing sounds of the foreign words, and transliteration is reproduction of the alphabetic structure of the words, i. e. the letters. They are mainly used together and seldom separately.

The reasons for choosing direct translation are the following:

1. The title has name of the central character or location (critical information).
2. The movie is an adaptation or a remake. In this case, the name of the movie is not changed; the translator can add phrases or words. This gives the movie a bright title which draws attention and provides a cash fee.
3. The desire to preserve the main idea or main theme contained in the title.
4. The desire to save money on professional translators, so the work is done by unskilled people.
5. The presence of the untranslatable elements, which are not typical of other culture (the use of transcription or transliteration).
6. There is no conflict between the title and the content.

The second strategy which we will consider is called transformation. Translation from one language to another is impossible without grammatical transformations and conversions.

Transformation is a slight change in the title of the movie, which you can use to make the conversion of the original lexical units to the translated units caused by a number of factors starting with the vocabulary features and to increasing perception and understanding. In transformation the main thing is the sentence restructuring by means of additions, omissions and substitutions of words or their modification. Therefore, it is possible to divide the transformation into three categories: the addition of the words; the omission of the words in the title; the replacement of the words and changing of their forms.

The reasons for choosing the transformation strategy are:

1. The title that will attract the spectators' attention from the first seconds by its uniqueness, originality, resonance, and many other reasons.
2. The desire of the translator to play a role in creating a high-grossing film, that is exactly the manifestation of his skills and rich imagination and fantasy.
3. The desire to improve the original name, which according to the translator has nothing special.
4. The presence of the words that cannot be translated into Russian, or their dissimilarity to existing equivalents, not artistic sound (euphony).
5. The desire to explain to the Russian audience the meaning of the film, which may not be clear or hidden.

The third and last strategy used in the translation of the English movies, is the replacement of the names. The main reason of using such translations is the impossibility to convey the basic meaning and the desire to attract viewers and to increase the high-grossing. Translators often have to show all their creativity to come up with the translation that will attract a greater number of viewers to the cinemas, but sometimes it can lead to the distortion of the link between the original and the translation. Despite of the main requirements that they have — the preservation of the meaning and characteristics — there are a lot of cases of replacement the titles of the movies.

Replacement of the movie titles is such a strategy of the title translation in which the translator has an absolute freedom of action, and any result will depend only on his ideas.

Conclusion. Almost everyone everywhere faces the interactions of two different languages. We have considered some aspects of the difficulties of translation from English into Russian on the examples of translation of movie titles, and also to consider the history of the introducing of the western movies on the Soviet and post-Soviet territories. We have also reviewed the main translation strategies that reveal all the subtleties and nuances that arise in the translation.

UDC 373.016:811.111

A. V. Stanislavovich
Baranovichi State University, Baranovichi

AMERICAN AND BELARUSIAN VALUE ORIENTATIONS: WEDDING WISHES

Introduction. Many people are invited to wedding parties and wish something to new married couples. These wishes depend on people's value orientations. They are regarded as a structural element of an individual which characterizes motivational readiness to implement certain activities towards meeting his/her needs and interests, as well as to indicate the model of behaviour. The value orientations are understood here as the content side a person's orientation, reflecting the inner basis of his/her attitude towards reality [1]. The increasing interest of the researchers towards the issue of value orientations is the result of a deeper understanding of the nature of human knowledge and its socio-cultural conditioning and integrity.

Nowadays there is a tendency for increasing interactions between people of different value orientations in the modern world. More contacts have been established between representatives of different cultures. A cross-cultural

study of values can help establish contacts and solve conflicts. Discovering the diversity of the world and understanding the fact that any culture can be understood by being compared with other cultures stimulates intercultural communication.

Main part. This research is necessary because it can help us understand family values in American and Belarusian cultures. The study is based on the cross-cultural analysis approach and the theory of politeness. Politeness is showing courtesy, respect and consideration to other people, acknowledging them and not imposing unnecessarily on them. It is reflected in showing interest in a person, expressing admiration, gratitude, etc. All people have two fundamental needs: (1) we want to be accepted and liked; (2) we want some freedom and control over our actions and not to be constantly impinged on by others [2]. The first one is connected with positive, or solidarity, politeness, which is reflected in the rules of etiquette. Etiquette is the complex network of rules that govern good behaviour and our social and business interactions, is always evolving and changing as society changes [3]. It helps us show respect and consideration to others and makes others glad that we are with them. Without proper manners and etiquette, the customs of polite society would soon disappear and we would act more like animals and less like people.

The happiest moments in our lives are usually accompanied by some kind of celebration: e.g., weddings are associated with wedding parties. These special events are traditions that are determined by specific rules of etiquette that dictate how people are supposed to celebrate, and how the participants should act verbally and non-verbally in order to show respect for its participants. Conversation may be only a word to congratulate, or a hug, or a kiss if it is appropriate.

The purpose of this work is to compare the hierarchies of value orientations of people in American and Belarusian cultures. The subject of research is wishes at the wedding parties at American and Belarusian wedding parties. The objectives are to find out the common and distinctive features of the two cultures, and to determine the cultural peculiarities selected in the hierarchical structure of value orientations. The methods include the analysis of literature, the survey of American and Belarusian respondents, and the comparative analysis of the value orientations implied in the wedding wishes of the American and Belarusian people.

This study was undertaken in two countries. The respondents of the survey were 15 people from USA and 15 representatives of Belarus. The age of the respondents was from 25 to 40; 67% were females, and 33% were males. The survey was done by means of the Internet technology.

It was hypothesized that there will be a certain match between the value orientations of the respondents from both countries.

The present research was organized in two stages. The goal of the first stage was to find out wide spread wishes in the cultures under investigation and present the hierarchies of their family value orientations. For this reason, the respondents were supposed to write congratulations to a new married couple and characterize their wishes. The list of questions included:

1. What do you usually say at a wedding party to a new married couple?
2. Do you use rhymes in your wishes?

As a result, we obtained two lists of wishes: (1) 22 American wishes and (2) 23 Belarusian wishes. They reflected the following value orientations: happiness, love, health, Lord's blessing, financially secured life, trustful friends and peace.

The analysis of American wedding wishes makes it possible to present the hierarchy of their family value orientations in Table 1.

The main values are happiness, love and Lord's blessing. The dimensions of health, trustful friends, peace and financially secured life had less or none significance for them. Additionally, we found that 5% of the respondents use humour in the wishes and none uses rhymes.

The obtained empirical data of the Belarusian's family values that are reflected in people's wedding wishes are presented in Table 2.

Table 1 — The hierarchy of American's family value orientations

Family values	American culture, %
1. Happiness	32 (7 wishes)
2. Love	27 (6 wishes)
3. Lord's blessing	23 (5 wishes)
4. Health	9 (2 wishes)
5. Trustful friends	5 (1 wish)
6. Peace	5 (1 wish)
7. Financially secured life	0

Table 2 — The hierarchy of Belarusian's family value orientations

Family values	Belarusian culture, %
1. Happiness	35 (8 wishes)
2. Love	26 (6 wishes)
3. Health	17 (4 wishes)
4. Financially secured life	13 (3 wishes)
5. Lord's blessing	4 (1 wish)
6. Trustful friends	4 (1 wish)
7. Peace	0

Having analyzed the obtained data, which are presented in Table 2, it is seen that the Belarusians value happiness, love, health, financially secured life. Lord's blessing, trustful friends and peace were of less or none value. Also we've found out that 9% of the polled people use humour and rhymed wishes.

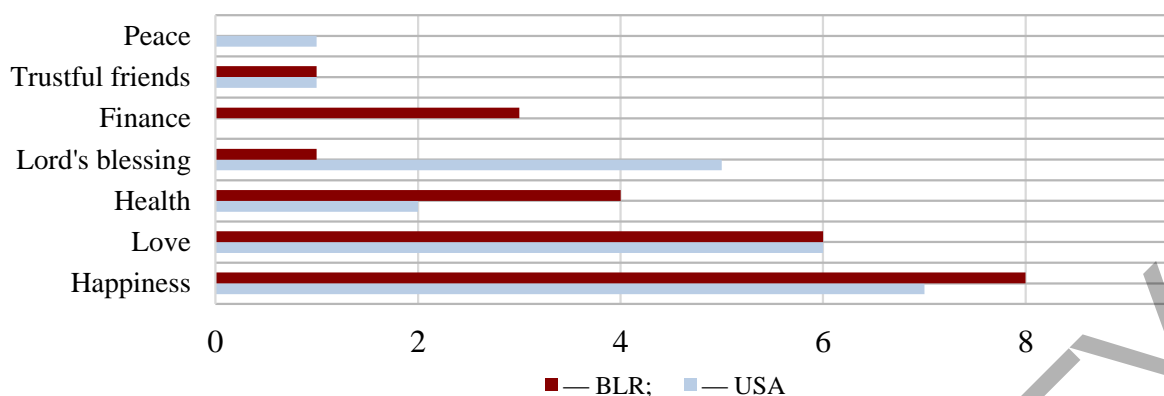

Figure 1 — Comparison of hierarchies of value orientations

In the second stage of the study, in order to find the similarities and differences, we compared the obtained data (Figure 1).

We see that there is no big difference on the main dimensions of “happiness” and “love” between the hierarchies of American’s and Belarusian’s value orientations (32% vs. 35%; 27% vs. 26%). It happens due to the universal nature of them, each family regardless nationality, ethnicity or culture is based on them. Such choice of values also correlates to the age characteristics of the polled people.

The main difference in the obtained data deals with the dimension of financially secured life (13% in Belarusian culture vs. 0% in American culture) that is connected with the business opportunities in two countries. Also it turns out that American are more religious (4% in Belarusian culture vs. 23% in American culture). It can be explained by the pagan past of the Belarusian ancestors.

The style of the wishes in two cultures makes us suggest that the Belarusians are more poetic and romantic. But it needs a more thorough investigation due to the small number of examples to analyze.

Conclusion. This project helps understand that the family value orientations in American and Belarusian cultures are similar in respect of the dimensions of “happiness” and “love”, but there are dissimilarities in financial and religious issues. These facts may be used while in teaching American culture in the English lessons at school.

References

1. Пинюта, И. В. Английский язык. Межкультурное общение = English. Intercultural communication : учеб. пособие / И. В. Пинюта. — Минск : РИВШ, 2017. — 202 с.
2. Brown, P. Politeness. Some universals in language usage / P. Brown, S. C. Levinson. — Cambridge : Cambridge University Press, 1987. — 345 p.
3. The importance of etiquette [Electronic resource]. — Mode of access: <https://www.universalclass.com/articles/self-help/etiquette/the-importance-of-etiquette.htm>. — Date of access: 30.10.2017.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ (БЕЛОРУССКИЙ, РУССКИЙ ЯЗЫКИ). МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ БЕЛОРУССКОГО, РУССКОГО ЯЗЫКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

УДК 821.161.3:82-1

М. С. Богущ

Установа адукацыі «Баранавіцкі дзяржаўны ўніверсітэт», Баранавічы

АЎТАРСКАЯ НАМІНАЦЫЯ ЯК СРОДАК ІНДЫВІДУАЛІЗАЦЫІ І ТЫПІЗАЦЫІ ПЕРСАНАЖА

Уводзіны. Умовай чалавечых зносін з'яўляецца тыпалагічная і псіхалагічная ідэнтыфікацыя чалавека. Практычная і разам з тым эстэтычная патрэбнасць пабуджае падбіраць да яго пэўную «тыпалагічную мадэль і замацоўваць яе ў слове, якое само па сабе ўжо ёсць абагульненне» [1, с. 15]. Першапачатковыя абагульняючыя формулы, адзначае Лідзія Якаўлеўна Гінзбург, утвараюцца па розных прыкметах, якія належаць розным сферам жыцця. Сацыяльныя формулы пазнавання перакрываюцца з маральна-псіхалагічнымі. Адам Бабарэка так пісаў пра творчасць Лукаша Калюгі: «А вазьмі азначэнні чалавека, у якіх ён падаецца... Гэта ж чалавек бывае розны: і змыслы, і даходны, і ліхі, і не абы-які, і славен, і абрыдзоны, і патрэбны. І гаспадарскі, і наш, і чужы... У кожнага з іх свае граніцы» [2, с. 440]. Прылічэнне да агульнай катэгорыі ёсць «першы крок на шляху індывідуалізацыі» [1, с. 15].

Асноўная частка. Тэрмін «намінацыя» мае даволі шырокае значэнне. Гэта стварэнне моўных адзінак, якое характарызуецца намінацыйнай функцыяй, гэта значыць служыць для называння і вылучэння фрагментаў нямоўнай рэчаіснасці, фарміравання адпаведных паняццяў пра іх у форме слоў, словазлучэнняў, фразеалагізмаў і сказаў. Адзінка намінацыі павінна абзначыць, служыць назвай, выдзяляць галоўнае як асобную сутнасць і велічыню. Так, Б. Расэл выдзяляе два тыпы лексічных адзінак, якія выконваюць намінацыйную функцыю: словы (імёны) і словазлучэнні (дэскрыпцыі). На прыкладзе твораў Лукаша Калюгі мы бачым, што часцей ён выкарыстоўвае дэскрыпцыі. Намінацыя змяшчае ў сабе характарыстыку персанажа ці тую яго рысу, што асабліва важная для аўтара, выступае знакам тыпу персанажа. Расійскія даследчыкі адзначаюць, што пісьменнікі XIX стагоддзя думалі тыпамі. Самыя распаўсюджаныя з іх — «маленькі чалавек», «лішні чалавек», пазней — «новы чалавек». У беларускай прозе таксама існуе вялікая разнастайнасць намінацый, якія даюць уяўленне пра адметнасць героя: «няпросты чалавек» і «паветраны чалавек» у Андрэя Мрыя; «непатрэбны чалавек» у Міхася Чарота; «людскі чалавек», «запечны народ», «нясталыя людзі» ў Кузьмы Чорнага; «чалавек ні да чаго» ў Платона Галавача, «щюхцялей» і «недарада» ў Леапольда Родзевіча; «адшчапенец» у Якуба Коласа; «думаннік» і «дзівак у шэрым жупанку» ў Максіма Гарэцкага; «брукавыя людзі», гэта значыць не звязаныя ні з зямлёй, ні з рамяством, у Цішкі Гартнага.

Цэлы шэраг адметных намінацый увёў у айчынную прозу Л. Калюга: «штучны чалавек», «ні госьць ні гаспадар», «каперацыйскі сабака», «запачкоўскае дзіця», «краўцы і чаляднікі»; «людзі кручаных дзён», «пустадомкі», «даматуры», «людзі ў сярэднім пер'і».

Прыметай асабовага тыпу служыць паўтаральнасць намінацыі. Арсей Анцішэўскі ў аповесці Л. Калюгі «Ні госьць ні гаспадар» характарызуецца як «прабеглы хлапец» [3, с. 182]; Марка Балук у «Дрыгве» Я. Коласа — «прабеглы чалавечуга». Гэты прыметнік суадносіцца са значэннямі «бывалы», «спрытны», «хітры», «кемлівы».

У люстэрку трапных намінацый адбіваецца рухомая тыпалогія персанажаў. «Пустадомкі», асобы без прытулку, зямлі і рамяства, як іх назваў Лукаш Калюга, у Кузьмы Чорнага пазнаюцца пад іншай назвай — «нясталыя людзі» [5, с. 389].

У творах першай трэці XX стагоддзя даволі распаўсюджана намінацыя «сярэдні чалавек», або, па словах Калюгі, чалавек у «сярэднім пер'і». Падкрэсліваецца нацыянальная адметнасць «малога чалавека» беларускай прозы. Гаспадарлівае, ашчаднае, здольнае да вядзення практычных спраў — вызначальныя рысы гэтага тыпа персанажа. Вылучаецца ён найперш паводле матэрыяльнага ўзроўню асоб, якія «роскашы... не зналі, але й гора не бачылі» [3, с. 507]. «Не галодны, але і не магнат», — гаворыць пра такога героя Кузьма Чорны [5, с. 406]. У аповесці «Утрапенне» Лукаш Калюга апавядае пра лёс сям'і Боханаў. Яны не ведалі гора, бо заўсёды на стале пад абрусам ляжаў хлеб і «кожны семанін» мог ад яго адкроіць, колькі трэба. Праўда, затаўка ў гаршку была ў іх «хоць частым, але госьцем...» [3, с. 507]. Прозвішча Бохан, як і прозвішча іншага героя Сітнюк, адносіцца да семантычнага поля «хлеб» і сведчыць пра ўстойлівасць дабрабыту сялянскай сям'і, хай сабе ён і даволі сціплы. Зміцер, герой

апавесці «Ні госць ні гаспадар», азначаны Калюгам як «у сярэднім пер’і чалавек», усяго сабе шукае сярэдняга, памяркоўнага: «як святочнага дня, так добрага суседа» [3, с. 265]. Гэтая аўтарская намінацыя падкрэслівае ментальныя якасці героя, яго талерантнасць. Не будзь горкім, а то праплююць, не будзь салодкім, а то праглынуць — жыццёвы прынцып «сярэдняга» чалавека. Цікава, што падобную па сэнсе намінацыю мы сустрэлі ў навуковай літаратуры. Расійская даследчыца Ганна Рэбель піша: «У пераходную эпоху “маленькі чалавек” паступова і аб’ектыўна робіцца чалавекам “пасярэдзіне” гэта значыць ...чалавекам, які стаіць перад неабходнасцю выбару...» [6, с. 35].

Намінацыя можа быць сродкам апраўдання, ухвалення або, наадварот, асуджэння. «Хатнік» у апавесці «Ні госць ні гаспадар» — гэта загадчык чытальні [3, с. 142]. Нашы продкі ў даўніну называлі так добрага духа беларускай хаты, асацыяцыя з якім надае пазітыву персанажу рэальнаму. Лукаш Калюга часта звяртаецца да намінацыі «добрыя людзі», якая часцей з горкай іроніяй паведамляе пра чалавечую абьякавасць. У Пётравай маці з апавесці «Ні госць ні гаспадар» «многа гаворкі пра іх. Толькі... бачыць іх на свае вочы не траплялася» [3, с. 104]. А вось намінацыя «людскі чалавек» Кузьмы Чорнага пазбаўлена іроніі. І ад яе не ўтвораць множнага ліку, бо такіх людзей няшмат [4, с. 255].

Найбольш поўна і ў «чыстым выглядзе» намінацыйная функцыя здзяйсняецца ўласнымі імёнамі. Менавіта яны пераважаюць сярод персанажных намінацый у літаратуры, а выкарыстаныя як загаловкі адсылаюць да індыўідуальных, вылучаных з мноства, лёсаў. Паводле слушнага заўвагі Юрыя Тынянава, у мастацкім творы няма негаваркіх і незнаёмых імёнаў: кожнае імя ёсць шматфарбнае абазначэнне, што з максімальнай сілай развівае адценні, якія мы абмінаем у жыцці. Онiмы, падобныя да назваў рэчывага свету (Гузiк, Грэбень, Бераг), як адзначаў Иван Чыгрын, сведчылі пра выхад на арэну гісторыі чалавека з самых адсталых сацыяльных нізоў. Гэтае сцвярджэнне часткова спраўджаецца і адносна героя Калюгі Бладзіка Мотуза (мотуз, або матуз, азначае «аборка», «вяровачка»). Гузiк, як заўважыў Міхась Лынькоў у апавяданні «Над Бугам», павiнен сваё месца ведаць. Так і чалавек. Матуз жа бывае і завязаны, і разбэрсаны. Бладзік — персанаж супярэчлівы. На жаль, твор не закончаны, і засталася невядомым, як развівалася вярвачка яго лёсу: стаў ён героем новага часу або яго ахвярай. У літаратуры распаўсюджаны мастацкі прыём перайменавання, надання мянушак, так званых «хадзячых прозвішчаў». Яны тыпізуюць характар у святле пэўнай ідэі.

На думку Вінаградава, уласныя імёны ўяўляюць сабой разнастайнасць рэалій, на якія аўтар лічыць неабходным звярнуць увагу, таму што яны з’яўляюцца неад’емнай часткай характарыстыкі літаратурнага персанажа. Як правіла, чытач звяртае ўвагу на імя ці прозвішча галоўнага героя толькі ў тым выпадку, калі яно прываблівае яго, выдзяляецца сваёй незвычайнасцю. Так, Л. Калюга часта выносіць імёны сваіх нестандартных герояў у загаловкі, а выбіраючы іх, можа даць волю сваёй фантазіі і кіравацца ўласнымі меркаваннямі. Назва апавядання Л. Калюгі «Лук’ян — каперацыйскі сабака» інтрыгуе тым, што не дае аніякага першапачатковага ўяўлення пра загаловака героя. Але хутка робіцца вядома, што Лук’ян — гэта ўвогуле чалавек, які чамусьці зусім «не прыбытковы для каперацыі» [3, с. 308]. А сабакам яго завуць за тое, «што не спуściць нікому слова». Аўтар папярэджае: «Ідзі... чаго купіць і асцерагайся, каб не папасіся» [3, с. 311]. Праўда, у фінале твора меркаванне аўтара пра няздатнасць героя да камерцыйных цалкам абвяргаецца. Тут Лук’ян выступае, кажучы сучаснай мовай, ядрэнным маркетологам, паспяхова прываблівае пакупнікоў. Аўтар А. І. Белая звязвае гэтую намінацыю з вобразам героя апавесці «Маленькі чалавечак» яўрэйскага класіка XIX стагоддзя М. Мойхер-Сфарыма. Іцхоку давялося папрацаваць так званым «сабакам» у галантарэйнай лаўцы. Ён павiнен быў з гучным крыкам хапаць на вуліцы першага сустрэчнага і валачы ў лаўку. Лук’ян дасягае такога ж выніку значна больш удалым спосабам, не ахвяруючы ні сваёй годнасцю, ні здароўем [8, с. 31—32].

У апавяданні «Іллюк-даследчык» Лукаш Калюга называе не вучонага, а селяніна, які вырашыў злавіць на «месцы злачынства» сваю жонку, бо лічыць, што яна яму здраджвае: «Ад поўдня ледзь не да вечара як пасядзеў, дык і надумаўся, якім манерам Альжу даследзіць, з кім яна займаецца» [3, с. 360]. Дзеяслоў *даследзіць* у гэтым ужываецца са значэннем «угледзец, убачыць, прасачыць», адсюль і значэнне слова даследчык — «той, хто сочыць». Значэнне слова «штучны» ў апавяданні «Трахiм — штучны чалавек» звязана са значэннем дыялектызма штуковаць — «жартаваць, вытвараць». Ён сцвярджаў, што калі не працаваць, то і есці не будзе хацеца. «Раў Трахiм людзям гэта сваё перакананне ад шчырага сэрца, а яны ўсё думалі, што штукуе» [3, с. 351]. Правярыўшы гэтую штуку на сабе, Трахiм пераканаўся, які дарагі так званы лёгкі хлеб. Героі ранніх твораў — жыхары вёскі Баркаўцы. Нездарма ў назве апавядання «Баркаўцы — добрая вёска, баркаўчане — добрыя людзі» ўжываецца і сама назва, і асабовы назоўнік, утвораны ад яе. У загаловку апавесці «Нядоля Заблоцкіх» ўжываецца ўласнае імя, што характэрна для ранніх твораў пісьменніка, і абстрактны назоўнік «нядоля» — «нешчаслівая, цяжкая доля; цяжкі лёс, гора» [7, т. III, с. 427]. Уласнае імя як бы пазбаўлена пэўнай жыццёвай канкрэтыкі: прозвішча Заблоцкі ўжываецца ў фразеалагізме *зарабіць як Заблоцкі на мыле* «зусім нічога, ніколыкі ці амаль нічога не зарабіць». Разгортваючы ў апавесці жыццёвую гісторыю сям’і Заблоцкіх, якая, дарэчы, жыве ў вёсцы Баркаўцы, пісьменнік фактычна стварае мадэль гісторыі свайго народа.

Заклучэнне. Аўтарская намінацыя — «формула» персанажа, неад’емная частка яго характарыстыкі. У творчасці Л. Калюгі сустракаецца шмат нацыянальна-каларытных намінацый. Іх эстэтычная каштоўнасць вызначаецца наяўнасцю пэўнай загадкі як «зерня» будучага развіцця персанажа.

Спіс цытаваных крыніц

1. Гинзбург, Л. Я. О литературном герое / Л. Я. Гинзбург. — М. : Сов. писатель, 1979. — 222 с.
2. *Бабарэка, А.* Збор твораў : у 2 т. / А. Бабарэка. — Вільня : Ін-т беларусістыкі, 2011. — Т. 2. Проза. Паэзія, філасофія, публіцыстыка, запісныя кніжкі, дзённікі, лісты. — 726 с.
3. *Калюга, Л.* Творы : раман, аповесці, аповяданні, лісты / уклад., прадм. Я. Лецкі ; камент. Н. В. Гаўрош, Т. М. Трыпуцінай / Л. Калюга. — Мінск : Маст. літ., 1992. — 607 с.
4. *Чорны, К.* Збор твораў : у 8 т. / К. Чорны. — Мінск : Маст. літ., 1973. — Т. 3 : Раманы. — 544 с.
5. *Чорны, К.* Збор твораў : у 8 т. / К. Чорны. — Мінск : Маст. літ., 1973. — Т. 4 : Аповесці і раманы. — 496 с.
6. *Ребель, Г. М.* Герои и жанровые формы романов Тургенева и Достоевского (Типологические явления русской литературы XIX века) : автореф. ... дис. д-ра филол. наук : 10.01.01 / Г. М. Ребель. — Ижевск, 2007. — 47 с.
7. *Тынянов, Ю.* Литературный факт [Электронный ресурс] / Ю. Тынянов. — Режим доступа: <http://www.philology.ru/literature1/tyunyanov-77e.htm>. — Дата доступа: 04.08.2017.
8. *Белая, А. I.* Герой. Асоба. Характар : мастацкая персаналогія ў беларускай прозе першай трэці XX стагоддзя : манаграфія / А. I. Белая. — Баранавічы : РВА БарДУ, 2012. — 517, [3] с.

УДК 811.161/3:81'42

Т. Р. Бруцкая, І. С. Балаганскі

Установа адукацыі «Баранавіцкі дзяржаўны ўніверсітэт», Баранавічы

ІНДЫВІДУАЛЬНА-АЎТАРСКІЯ НЕАЛАГІЗМЫ Ў МОВЕ РАМАНА НІЛА ГІЛЕВІЧА «РОДНЫЯ ДЗЕЦІ»

Уводзіны. Індывідуальна-аўтарскія неалагізмы — гэта разнавіднасць аказіянальных слоў, што ўтвараюцца паэтамі і пісьменнікамі для вырашэння мастацкіх задач і жывуць толькі ў пэўным кантэксце, а па-за ім, за рэдкім выключэннем, не ўзнаўляюцца. Яны, як правіла, не ўваходзяць у агульны ўжытак і не прэтэндуюць на замацаванне ў мове. «Аказіяналізмы, — падкрэслівае А. А. Земская, — характарызуюць зусім асобы аспект вывучэння мовы — творчы, індывідуальны, эстэтычны: яны рэалізуюць індывідуальную творчую кампетэнцыю таго, хто гаворыць, хай гэта паэт, дзіця або звычайны чалавек. Яны арыентаваны не на правілы, агульныя для ўсіх носьбітаў мовы, а на здольнасць індывідуума выкарыстоўваць магчымасці, закладзеныя ў сістэме мовы. Аказіяналізмы паказваюць, на што здольная мова пры параджэнні новых слоў, якія яе творчыя патэнцыі, глыбінныя сілы» [2, с. 180].

Нярэдка ўтвараў індывідуальна-аўтарскія неалагізмы народны паэт Беларусі Ніл Гілевіч. Разгледзім асаблівасці іх словаўтварэння ў мове яго рамана ў вершах «Родныя дзеці».

Асноўная частка. У мове рамана Ніла Гілевіча «Родныя дзеці» найбольш прадуктыўнымі спосабамі словаўтварэння з'яўляюцца складаныя: словаскладанне, асноваскладанне, асноваскладанне + нульсуфіксацыя, асноваскладанне + суфіксацыя.

Так, словаскладаннем утвараюцца:

1) назоўнікі (*побыт-лад, праца-служба, послабкі-аддухі, попел-прысак, роздумы-развагі, пісьмо-павестка, алкаш-сусед, карціны-малюнкi, філосаф-сацыёлаг, поскудзь-малпа, уцеха-радасць, ліпа-медавуха, горыч-скруха, трэшчыны-маршчыны, крылы-рукі, прырода-матухна, цуда-музыка, зірк-пагляд, сяброўка-дылда, гоман-гам, ганьба-стыд, банцік-вузел, усхліп-плач, памер-вязьмо, суд-прысуд, стан-настрой, поспех-плён, грошы-сродкі, смутак-горыч, песня-наваселька, дзедуган-груган*): Чытач! А можа — не прыдумаў? / А — толькі кінуў свой пагляд / На сутнасць радасці і суму, / З якіх сатканы **побыт-лад**? [1, с. 5]; Не ў вір маленства — **праца-служба** / Штодзённа ў вір цягнула свой [1, с. 7]; І адкладаў ён падарожжа, / Як бы да нейкіх перамен, / Да нейкай **послабкі-аддухі**, / Што ўрэшце выпадзе яму [1, с. 7]; Справа ў тым, / Што калі нават **попел-прысак** / Астыў — нашто капацца ў ім? [1, с. 10]; У гэтых **роздумах-развагах** / Бываў Вячорка ўсякі раз, / Калі матуля ў госці звала — / На адпачынак, на папас [1, с. 11]; Ды вось прыйшло **пісьмо-павестка**, / Якой чакаў ужо Сцяпан [1, с. 11]; Тады — ты сам свой інквізітар, / І — як сказаў **алкаш-сусед**: / «Прабач, таварыш кампазітар, / За гэтым я прыйшоў на свет!..» [1, с. 12]; Вячорка, стомлены мільганнем / **Карцін-малюнкаў** за акном, / Павекі звёў без намагання / І перанёсся ў родны дом [1, с. 12]; Ён быў **філосаф-сацыёлаг**, / Дацэнт сталічнай ВНУ [1, с. 17]; Мянущку гэту меў ён змалку. / А праз каго? Чыя віна? / Ды ўсё праз тую **поскудзь-малпу**, / Каб тройчы выдахла яна! [1, с. 21]; Ад дзіва пырнуў смехам хлопец / І **ўцехай-радасцю** заззяў [1, с. 21]; Ах, тая **ліпа-медавуха**! / Як часта ў сэрцы ён пасля, / Калі даймала **горыч-скруха**, / Чуў весні шум яе галля! [1, с. 22]; І бачыў **трэшчыны-маршчыны**, / Што ўверх віліся па кары [1, с. 22]; Не разлавалася — ні трохі. / Ізноў імгненна расцвіла, / Прабегла тры-чатыры крокі / І — **крылы-рукі** развяла [1, с. 23]; Яшчэ і талент ёй музычны / **Прырода-матухна** дала [1, с. 27]; А **цуда-музыка** гучала / Усё званчэй, усё званчэй [1, с. 28]; Але заўважыў: хоць дзяўчыне / І сыпле ўсмяшкі Юзік-хват, / А ўсё ж яна не-не дый кіне / На баяніста **зірк-пагляд** [1, с. 30];

3 **сяброўкай-дылдай** пад руку / Яна аднойчы выйшла з весніц — / Якраз насустрач дзіваку [1, с. 31]; Назаўтра ж вечарам, у танцы, / Пад шоргат ног, пад **гоман-гам**, / Ён у кішэньку сунуў пальцы, / Сказаў: «Вазьміце, гэта вам!..» [1, с. 32]; Якая **ганьба-стыд**, о божа! / Які канфуз! [1, с. 33]; Пагляд — даверліва-крыштальны, / І губкі — **банцікам-вузлом** [1, с. 42]; Не сутрымаў **усхліпу-плачу**... [1, с. 44]; Растрыбушу штраф ушчэнт я, / Адкіну прэч **памер-вязьмо** [1, с. 47]; Яго з агіды калаціла, / Што ў гэткі пляснуўся ён бруд. / Аднак жа духу не хапіла / Пачуць Альжбецін **суд-прысуд** [1, с. 49]; Сцяпан патроху стаў вяртацца / У свой ранейшы **стан-настрой**: / У педвучылішчы на танцах / Ізноў дзяўчат здзіўляць іграй [1, с. 50]; Самаўлюбэнага без меры / Азлюбіў сябраў **поспех-плён** [1, с. 50]; Туды, туды — увага, сіла, / І **грошы-сродкі** ўсе — туды [1, с. 56]; Ад **смутку-горычы**, бывала, / Шаптаў: «Пашлю я ўсе ж пісьмо!..» [1, с. 57]; Тым часам **песня-навацёлка** / Пайшла гуляць па цаліне [1, с. 58]; За што любіць? Во **ліха-матры!** / Во даў задачку для глудзі! [1, с. 87]; Не, гэта слухаць нецікава! / Здзівіла б болей навіна, / Каб маладуха не ўцякала / Ад **дзедугана-гругана** [1, с. 116]. Падобныя складаныя адзінкі большасцю лінгвістаў разглядаюцца як спецыфічныя канструкцыі, якія займаюць прамежкавае становішча паміж кампазітамі і свабоднымі сінтаксічнымі канструкцыямі [3, с. 5; 5]. «Такое фармальнае разуменне гэтых парназлучаных аб'яднанняў, — адзначае М. Р. Прыгодзіч, — не павінна быць перашкодай на шляху іх прызнання як спецыфічных (у параўнанні з “кананічным”) паўкампазітаў» [6, с. 58]. Як слухна заўважыў А. Аганесян, пры іх аб'яднанні збліжаюцца назвы самых розных прадметаў і з'яў, могуць парушацца логіка-семантычныя сувязі, што прыводзіць да ўзнікнення настолькі злітнага, структурна-семантычнага комплексу, што ён успрымаецца як цэльнааформленая структура [4, с. 20];

2) прыметнікі, у тым ліку субстантываваныя: (*усохлы-дохлы, даўні-дарагі*): Калісь, ад нэндзы **ўсохлы-дохлы**, / У пяцьдзсят гадоў мужык / Старым лічыўся... [1, с. 96]; Сцяпан стаяў каля штыкету, / Дзе шыкаваўся куст вяргінь, / І думаў... Не, не пра Альжбету / І не аб **даўнім-дарагім** [1, с. 131];

3) дзеясловы (*зірнуць-паглянуць, пуляць-пладзіць, мазоліць-трудзіць, хадзіць-гуляць, цягнуць-гарнуць, сцурацца-зракся, заціхнуць-улегчыся*): А ён сказаў: — Давацца дзіву / Няма чаго. **Зірні-паглянь**: / Народ не носіць габардзіну, / Народ апрануты ў паркаль! [1, с. 15]; Вінчуць праз грані той жа прызмы / На свет пражорлівы глядзіць / І ў тым жа духу афарызмы / Не перастаў **пуляць-пладзіць** [1, с. 17]; Тры дні мазгі **мазоліў-трудзіў**, / Каб як найлепей напісаць [1, с. 32]; Магчыма б, ён свой пыл і ўмерыў, / Калі б не ўбачыў нека сам, / Як з Аляй вечарам па скверы / **Хадзіў-гуляў** якісь курсант [1, с. 55]; Той — панікёр і дэзерцір, — / Хто толькі ў горла **цягне-горне**, / Пакуль пад ім не рухнуў мір [1, с. 160]; — А ўжо ж! — зазначыў дзядзька Лёкса, / З Вячоркам стоячы ў дзвях. / — Чым больш свайго **сцураўся-зрокся**, / Тым больш сучасны, вертапрах! [1, с. 130]; Мікіта выкачаў хвіліну, / Пакуль **заціх-улёгся** шум, / Устаў паважна, нос закінуў, / Як перад люстрам харашун [1, с. 108];

4) прыслоўі (*тонка-хітра, соладка-трывожна, пакутна-скрушна*): Перад вячэрай **тонка-хітра** / Ён гаспадыні прашаптаў: / «Ну, цётка Тэкля, з вас паўлітра — / Вам зяця ў хату я дастаў!» [1, с. 38]; Гілена ж **соладка-трывожна** / Тым часам думала пра ноч [1, с. 40]; І ты глядзіш **пакутна-скрушна**: / «Чаго вам, дзеткі, не стае, / Каб жыць па-брацку, згодна, дружна? / Усе ж вы — родныя мае! [1, с. 101].

Асноваскладаннем утвараюцца прыметнікі (*аўтарытэтна-прабіўны, бульбяна-жытны, даверліва-крыштальны, казачна-дзівосны*): Для іх, няздар, ён вараціла / **Аўтарытэтна-прабіўны**, / І на пальто яго з раціна / Набожна хукаюць яны [1, с. 176]; Мой край, мой рай **бульбяна-жытны!** / Зеленадолы, залаты! [1, с. 64]; Пагляд — **даверліва-крыштальны**, / І губкі — банцікам-вузлом. / Тут шырма шырхнула — і ў спальню / Убегла Тэкля з абразом [1, с. 42]; І колькі доўжыцца тут вёснам, / Кругавароту з ім і лет — / Прыгожы, **казачна-дзівосны** / Дарыць ты будзеш дзецам свет [1, с. 101]. Гэтыя складаныя ўтварэнні, з розных аспектаў выражаючы прымету, выдзяляюць яе з шэрагу іншых, узмацняюць і надаюць высокую ступень агульнасці семантыкі абодвух кампанентаў.

Асноваскладаннем + нульсуфіксацыяй утвораны:

а) назоўнікі (*веснаход, сэрцаед, вымяед*): О першы вальс! Павек забыцца / Не зможа той паднебны ўзлёт! / Як лёгка з ёй было кружыцца, / Адчуўшы ў сэрцы **веснаход!** [1, с. 28]; Дый не на жарт «забрала» Бэнся! / Амбітны, хцівы **сэрцаед** / У інтэрнат зайсці ўжо меўся, / Каб на яе натрапіць след [1, с. 34]; Ну рыхтык — з казкі Васіліса! / Нашто ж ёй гэны **вымяед?** / Ды на яе ж гатоў маліцца / Найлепшы, можа быць, паэт! [1, с. 119]. Гэтыя індывідуальна-аўтарскія нульсуфіксальна-складаныя назоўнікі ўзмацняюць экспрэсіўнасць за кошт метафарычнасці апорнага кампанента;

б) прыметнікі (*зеленадолы* ‘які мае зялёныя долы’, *плюгаваморды* ‘мізэрны, худы, нікчэмны з твару’): Мой край, мой рай **бульбяна-жытны!** / **Зеленадолы**, залаты! [1, с. 64]; А ў той жа час **плюгаваморды** / І віслазоды бегемот — / Глядзіш — вядзе пад ручку, горды, / Такую жонку — божа мой! [1, с. 119].

Асноваскладаннем + суфіксацыяй утвораны назоўнік *смехатворац* ‘той, хто творыць смех’: Меў дар маўлення **смехатворац** [1, с. 19].

Адзначаныя кампазіты згушчаюць, канцэнтруюць інфармацыю, выступаючы ў ролі адметных сродкаў паэтычнага адлюстравання акаляючага свету, і сведчаць аб індывідуальным гусце аўтара.

Акрамя складаных індывідуальна-аўтарскіх неалагізмаў, у мове рамана сустракаюцца іншы раз індывідуальна-аўтарскія лексічныя адзінкі, утвораныя суфіксацыяй і прэфіксацыяй.

Суфіксальныя ўтварэнні выражаюцца:

а) назоўнікамі (*абзіртус* ‘хто-небудзь, апрануты ў рыззе’, *кумпанка* ‘кампанія’, *госціца* ‘госця’): **Абзіртус** з віцебскай глыбінкі! / Калі паштэт я ем усмак — / Ён, здыхля, душыцца ад слінкі, / Глядзіць

у рот мне, як жабрак! [1, с. 35]; Як потым матчыны «**кумпанкі**», / З нагоды клікнутыя ў дом, / Сваёй дзявоччыны вяснянкі / Пяюць для гасця за сталом [1, с. 7]; «Якая дзіўная краіна! — / Пісала **госціца** адна: — / І да Бабруйска скрозь — раўніна, / І за Бабруйскам — раўніна!..» [1, с. 25];

б) прыметнікамі (*рагазлівы* ‘перан. нязграбны’): Хай буду збэшчаны і скляты, / А свой радок, якім не лгу, / На **рагазлівы** і дзяркаты / Не прамяню: не магу! [1, с. 47];

в) дзеясловамі (*цямрэць* ‘перан. не даваць спакою’): І доўга крыўдай невымоўнай / **Цямрэла** ў сэрцы ноч пакут [1, с. 8].

Прэфіксальныя ўтварэнні выражаюцца:

а) назоўнікамі (*немуць*): Калі ў яе спакой і **немуць** / Пануе ў сэрцы — не бунтуй! [1, с. 11];

б) прыметнікамі (*няслаўны* ‘які не мае славы’, *прадаўні* ‘які быў, адбыўся даўно, старадаўні’): Ну вось і ўсё! Да скону дзён — / І ў шчасці будзеш нешчаслівы, / І ў славе будзеш **неславён**... [1, с. 59]; І будзе думацца: які ты — / Яшчэ ў **прадаўнія** часы — / Быў, любы краю, знакамты / Майстрамі-творцамі красы! [1, с. 65];

в) дзеясловамі (*умудрэць* ‘зрабіцца мудрым’, *усмерціць* ‘забіць’): Ягоным смехам, словам, спевам / Пасля **ўмудрэш**... А спярша — / Патрэбен плач, каб бодем спелым / Магла напоўніцца душа [1, с. 100]; Калі Ўладзімір завалодаў / Сталіцай племя крывічоў / І **ўсмерціў** князя Рагвалода / Пад скрыжавальны звон мячоў? [1, с. 65].

Заклучэнне. У мове рамана Ніла Гілевіча «Родныя дзеці» найбольш распаўсюджанымі з’яўляюцца індывідуальна-аўтарскія неалагізмы-кампазіты, утвораныя слова- і асноваскладаннем, асноваскладаннем + нульсуфіксацыяй, асноваскладаннем + суфіксацыяй. Яны выконваюць некалькі функцый (мастацкую, кампрэсіўную, экспрэсіўную) і служаць адметнымі сродкамі паэтычнага адлюстравання акаляючага свету, сведчаць аб індывідуальным гусце аўтара.

Суфіксальныя і прэфіксальныя індывідуальна-аўтарскія неалагізмы адзначаюцца рэдка.

Спіс цытаваных крыніц

1. Гілевіч, Н. Родныя дзеці : раман у вершах : для ст. школ. узросту / Н. Гілевіч ; маст. У. Савіч. — Мінск : Маст. літ., 1995. — 182 с.
2. Земская, Е. А. Словообразование как деятельность / Е. А. Земская. — М. : Наука, 1992. — 221 с.
3. Манучарян, Р. С. Словообразовательные значения и формы в русском и армянском языках / Р. С. Манучарян. — Ереван : Изд-во Ерев. ун-та, 1981. — 192 с.
4. Оганесян, А. Г. Оказиональные слова в поэзии С. Кирсанова: словообразовательно-стилистический аспект : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / А. Г. Оганесян ; Ин-т яз. АН СССР. — М., 1989. — 23 с.
5. Привалова, М. И. Сложные слова и их функции в художественных произведениях Салтыкова-Щедрина : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / М. И. Привалова. — Л., 1953. — 226 с.
6. Прыгодзіч, М. Р. Словакладанне ў беларускай мове / М. Р. Прыгодзіч. — Мінск : БДУ, 2000. — 227 с.

УДК 82.09

В. О. Грекович

Учреждение образования «Военная академия Республики Беларусь», Минск

ТЕМА ЛЮБВИ В ТВОРЧЕСТВЕ Э. М. РЕМАРКА

Всякая любовь хочет быть вечной.
В этом и состоит ее вечная мука.

Введение. Эрих Мария Ремарк — видный немецкий писатель XX века, который не только принес в литературу понятие «потерянное поколение», но и прославился мелодичностью и парадоксальностью своих произведений о войне и любви. Судьба писателя складывалась непросто, но именно благодаря этим трудностям весь мир увидел величайшие произведения Э. М. Ремарка.

Основная часть. Основные темы произведений писателя — это любовь и война. Любовь в его романах — страстная, всепоглощающая и пронизывающая жизнь целиком. Война — страшная, ломающая волю, веру и судьбу человека. Он писал о потерянном поколении, которому нет места среди людей, не переживших ужасы войны. Будучи еще совсем молодым, Э. М. Ремарк был отправлен на фронт, где столкнулся с абсолютной жестокостью. Его рукописи сжигали нацисты, а его любовь всегда была отчаянной и захватывающей. Каждый образ и персонаж в книгах писателя был не просто выдумкой, каждые эмоции и чувства были не просто плодом воображения, это были реальные люди и действительные события, которые Ремарку удавалось видеть. Его книги пронизаны легким шармом любви, которая живет, несмотря на то, что творится за окном, несмотря на то, что за этим окном — война.

Герои его романов — ровесники писателя, разочаровавшиеся в своей стране и в жизни в целом, но которые все еще верят, что любовь и дружба сильнее смерти. Сквозь всю грязь их жизни можно разглядеть еле заметные лучики солнца, дарящие веру в настоящую любовь.

Жизнь героев Ремарка может показаться бессмысленной и праздной, но в этом и есть смысл всех его произведений. Писатель не хочет докучать читателю наставлениями и осмыслением каждого слова и действия, он хочет показать жизнь, как она есть, и просит любить людей такими, какие они есть. Ремарк предстает в своих произведениях как лояльный наблюдатель. Он прощает своим героям их постоянное пьянство, неразборчивое поведение и цинизм.

Первым произведением писателя стал роман «Приют грез» [2]. Он был неоднозначно воспринят публикой, и именно из-за него сложилось мнение, что Э. М. Ремарк — слишком высокопарный и сентиментальный прозаик. Книга повествует о молодых и прекрасных людях, живших в Германии в доме одного художника. Через какое-то время главные герои переживают расставание и измену, затем вновь возвращаются к любимым. Перед смертью старый художник завещал им любовь к жизни и живописи.

Роман пропитан сентиментальностью и нежностью. За слишком возвышенными чувствами на самом деле скрывается страдание, а за душещипательными обсуждениями любви — наслаждение эмоциями и чувствами. Он заставляет задуматься и переосмыслить всю свою жизнь.

Сам переживший несколько бурных и страстных романов, Э. М. Ремарк писал о любви как о возвышенном, но не вечном чувстве. Невозможность удержать любовь в сердце, а человека рядом — одна из главных идей его любовных произведений.

Одним из центральных произведений Э. М. Ремарка является «Черный обелиск». Этот роман был написан в непростое время. Писателя беспокоила болезнь Меньера, но это не стало поводом для прекращения работы. Так, Э. М. Ремарка поддерживала его возлюбленная Полетт Годдар. Эта книга помогает окунуться в мир, который окружал Э. М. Ремарка, позволяет погрузиться в мысли и размышления писателя о любви и о Боге.

«Любовь — вопрос чувства, не вопрос морали. Но чувство не знает предательства. Оно растет, исчезает, меняется — где же тут предательство? Это ведь не контракт» [4].

Еще одним величайшим произведением Ремарка по праву считается роман «Жизнь займы» [1]. Роман впервые был опубликован в 1959 году в Гамбурге. В нем писатель предстает в роли опытного философа и психолога, раскрывающего вечные темы, в особенности тему любви. В отличие от других романов «Жизнь займы» не несет в себе политическую проблематику, а ее лейтмотивом является любовь и свобода.

Война в Европе закончилась, люди вернулись к своему обычному существованию, и только тяжелые отблески прошлого в виде смертельных болезней и отрешенности от жизни легли тяжким грузом на плечи тех, кто пережил это страшное время, на плечи тех, кто готов отдать свою жизнь займы. Жизнь, когда не жаль ничего терять, не страшно, в сущности, потому что уже нечего терять.

Главные герои романа — больная туберкулезом бельгийка Лилиан Дюнкерк и постоянно рискующий своей жизнью автогонщик Клерфэ — строят свою любовь на схожем отношении к бытию. Они оба свободны, независимы и не имеют будущего. Различия между героями заключаются в том, что Лилиан, в отличие от Клерфэ, острее ощущает жизнь, так как смерть для нее — вполне осязаемая реальность, оседающая на носовом платке в виде кровавых пятен. Автогонщик же сам управляет своей жизнью и может в любой момент остановить бешеный полет по трассе или вовсе уйти из рискованного бизнеса, став добропорядочным семьянином и продавцом машин. Вся беда Клерфэ в том, что он слишком погружен в жизнь: если он участвует в гонках, то обязательно хочет быть первым, если он любит, то стремится полностью подчинить своей заботе любимое существо. Как только Лилиан понимает, что любовь Клерфэ становится для нее темницей, она решает уйти, но не успевает — смерть забирает автогонщика раньше нее, показывая девушке всю нелепость и величие жизни. Жизнь займы — это любовь на грани обреченности, это роскошь на грани разорения, это веселье на грани горя и риск на грани гибели. Будущего нет. Смерть — не слово, а реальность. Жизнь продолжается. Жизнь прекрасна!

Следующий роман немецкого прозаика, который бы хотелось выделить, — это «Три товарища» [3]. Именно для нас это не просто книга, это роман, который пронзил сердце своей глубиной и чувственностью. После всех прочитанных нами книг роман «Три товарища» стал глотком свежего воздуха. Книга о дружбе и любви. Книга о единении и преданности. Книга о лучших чувствах, которые может испытать человек. Действие романа разворачивается в Берлине, еще хранящем память о Первой мировой войне. Жизнь главных героев пронизана воспоминаниями о войне, которая разрушила их романтические иллюзии и заставила заново искать свое место в распадающемся обществе. Казалось бы, книга пронизана печалью и разочарованием, но не послевоенные настроения и изнывающие от тоски молодые люди являются главными персонажами романа. Произведение замечательно удивительной по своей поэтичности картиной любви: от зарождающегося чувства до трагической развязки. Редко кому из авторов удается так писать о любви. Легко и трогательно. Перед читателем открывается эмоциональный мир мужчины, который может быть ранимым и незащищенным. Грустный и трогательный образ главной героини, Патриции, покорила сердце одного из товарищей — Роберта. Хрупкая и страдающая неизлечимой болезнью Патриция оказалась окружена заботой, теплом и нежностью. Искренняя и естественная,

лишенная всякой игры любовь выводит Роберта и Пат из состояния душевного оцепенения. Им приходится противостоять не только смертельному заболеванию, но и суете и безысходности окружающего мира. Поддержка друзей, их благородство помогают влюбленным в самых сложных ситуациях.

Дружба трех молодых людей — это не иллюзия, это тот мир, где реально все: преданность, верность и любовь. Когда они вместе, внешние обстоятельства не способны разрушить их стремление к жизни. Несмотря на трагическую развязку романа автор дает надежду, что такая искренняя любовь и такая удивительная дружба могут встретиться и нам. Это идеал, к которому хочется стремиться.

Заключение. Эрих Мария Ремарк — писатель «потерянного поколения». Это группа «рассерженных молодых людей», прошедших ужасы Первой мировой войны (и увидевших послевоенный мир вовсе не таким, каким он виделся из окопов) и написавших свои первые книги, шокирующие западную публику. К таким писателям, наряду с Э. М. Ремарком, относились Ричард Олдингтон, Джон Дос Пассос, Эрнест Хемингуэй, Френсис Скотт Фицджеральд.

Список цитируемых источников

1. Ремарк, Э. М. Жизнь взаимы / Э. М. Ремарк. — М. : ВИТА-ЦЕНТР, 1992. — 191 с.
2. Ремарк, Э. М. Приют грез / Э. М. Ремарк. — М. : ВИТА-ЦЕНТР, 1992. — 398 с.
3. Ремарк, Э. М. Три товарища / Э. М. Ремарк. — М. : ВИТА-ЦЕНТР, 1992. — 416 с.
4. Ремарк, Э. М. Черный обелиск / Э. М. Ремарк. — М. : ВИТА-ЦЕНТР, 1992. — 383 с.

УДК 373.2

Д. С. Доўнар

Установа адукацыі «Баранавіцкі дзяржаўны ўніверсітэт», Баранавічы

МЕТАДЫЧНАЯ СПАДЧЫНА ЯКУБА КОЛАСА

Уводзіны. Дыдактычныя погляды Коласа фарміруюцца ў першую чаргу пад уплывам ідэй айчынай педагогікі другой паловы XIX стагоддзя і адлюстроўваюць іх сутнасць. Прагрэсіўная педагагічная тэорыя была састаўной часткай у станаўленні грамадска-палітычных і філасофскіх поглядаў Я. Коласа як педагога, а потым і як пісьменніка.

Асноўная частка. Аснову дарэвалюцыйнай педагагічнай дзейнасці Я. Коласа складаюць ідэі народнасці, патрыятызму, глыбокай любові да Радзімы, веры ў магутныя творчыя сілы народа, барацьбы з сацыяльнай несправядлівасцю і за дэмакратызацыю школы. Вялікую ўвагу пісьменнік надаваў праблеме навучання на роднай мове. Паслядоўнік рускіх педагогаў-дэмакратаў бачыў у ідэі навучання на роднай мове пачатак барацьбы за прызнанне беларускай мовы, за ўвядзенне яе ў дарэвалюцыйных школах як вучэбнага прадмета.

Пасля рэвалюцыі 1917 года пачаліся карэнныя змены ў працэсе навучання.

У 20—30 гады XX стагоддзя асноўныя намаганні метадыстаў былі засяроджаны на распрацоўцы новых прынцыпаў навучання, на вызначэнні зместу адукацыі, на стварэнні праграм і падручнікаў. Кіруючыся агульнымі дыдактычнымі палажэннямі, у 1926 годзе Якуб Колас стварае першую метадыку пачатковага навучання беларускай мове. У ёй агульныя палажэнні атрымалі сваё раскрыццё ў выглядзе канкрэтных парад і рэкамендацый.

Якуб Колас разглядаў дыдактыку як адносна самастойную навуковую дысцыпліну ў педагогіцы, якая даследуе ўмовы і спосабы найбольш дакладнага навучання. Ён вызначыў яе як тэорыю навучання. «Дыдактыка, — лічыў беларускі педагог, — выясняе асноўныя пачаткі прынцыпаў навучання, ацэньвае розныя метады і формы навучання, разглядае, з погляду стала зложаных ёю асноў, разнастайныя спосабы выкладання» [1, с. 317]. Аднак педагагічная спадчына Коласа сведчыць і аб тым, што, вызначаючы дыдактыку як тэорыю навучання, ён укладаў у гэтае паняцце больш шырокі змест, уключаючы ў яго і школьную адукацыю.

Дыдактыка, вызначаная ў «Метадыцы роднай мовы», падзяляецца на дзве часткі: агульную і спецыяльную. Агульная частка дыдактыкі змяшчае ў сабе агульную тэорыю навучання. Спецыяльная частка дыдактыкі з'яўляецца метадыкай, яна тлумачыць спосабы выкарыстання агульных дыдактычных прынцыпаў пры навучанні таму ці іншаму прадмету, напрыклад: пры навучанні роднай мове, гісторыі, матэматыцы і інш. Пры гэтым метадыка вызначана як тэорыя выкладання таго ці іншага прадмета. Такім чынам, на меркаванні аўтара, кожны прадмет школьнага выкладання мае сваю метадыку.

На думку Я. Коласа, асноўную ролю ў навучанні выконвае родная мова. Такое становішча мовы звязана з яе асаблівай роляй у жыцці грамадства. Месца роднай мовы сярод іншых прадметаў у школе вызначаецца трыма дадзенымі: агульнаасветным, выхаваўчым і практычным яе значэннем у сувязі

з чытаннем і пісьмом. Пры гэтым Колас указвае на цесную сувязь мовы з мысленнем, з пазнавальнай дзейнасцю навучэнцаў. Метадыст лічыць, што навучанне роднай мове набывае асаблівы характар: «мэтаю гэтага навучання з'яўляюцца не столькі веды, колькі навыкі», а навучанне «...робіцца крыніцай новых і глыбокіх уплываў на ўвесь псіхічны склад вучняў» [1, с. 317].

З вывучэннем роднай мовы цесна звязана і знаёмства з літаратурай. У сваіх шматлікіх публіцыстычных выступленнях і артыкулах Я. Колас не аднойчы закранаў праблему выкладання літаратуры ў школе. Абавязковым, на яго думку, было вывучэнне класічнай літаратуры ўжо з пачатковых класаў. Ён лічыў неабходным уключаць у праграму не толькі вывучэнне твораў, але і жыццёвы і творчы шлях выдатных пісьменнікаў. Метадыст быў перакананы, што ў пачатковай школе «...няможна абмяжоўваць матэрыял для чытання адной дзіцячай літаратурай»; неабходна «...закідаць у дзіцячае сэрца імёны родных пісьменнікаў у сувязі з чытаннем іх твораў» [1, с. 317].

Як і К. Д. Ушыньскі, Якуб Колас ставіў перад навучаннем дзве асноўныя задачы: адукацыйную і выхаваўчую. Ён разумеў працэс навучання і выхавання ў дыялектычным адзінстве, а не як тоесныя паняцці.

Ведаючы, што галоўнай задачай навучання з'яўляецца набыццё вучнямі ведаў, Я. Колас падкрэсліваў, што працэс навучання будзе прадуктыўным толькі тады, калі настаўнік і вучань актыўна і мэтанакіравана працуюць. Пад непасрэдным кіраўніцтвам настаўніка павінен праходзіць увесь працэс навучання: ад простага назірання за прадметам да фарміравання агульнага паняцця аб ім. Гэтая думка неаднаразова падкрэсліваецца на старонках «Методыкі роднай мовы». Настаўнік павінен клапаціцца пра тое, каб навучанне дасягнула пэўнай мэты пры рацыяльнай затраце часу і сіл. Добра арганізаваны працэс навучання з выкарыстаннем умела падобранага матэрыялу выклікае ў вучняў імкненне да больш глыбокага пазнання навакольнага асяроддзя, развівае іх здольнасці, робіць магчымым выкарыстоўваць веды ў практычнай дзейнасці.

Аналіз педагагічнай спадчыны Якуба Коласа паказвае, што беларускі педагог лічыў неабходнымі ўмовам выкладання свядомасць і актыўнасць вучняў у працэсе навучання, нагляднасць навучання, сістэматычнасць, паслядоўнасць і даступнасць, сувязь тэорыі з практыкай, трываласць ведаў і навыкаў навучэнцаў, улік індывідуальных здольнасцей у навучальнай працы з дзецьмі.

У працэсе навучання фарміруецца свядомасць і актыўнасць дзяцей, таму Я. Колас звяртае ўвагу на тое, што настаўнік павінен выкарыстоўваць розныя віды вучэбнай дзейнасці, якія б спрыялі асэнсаванаму засваенню ведаў. Выкладанне павінна быць навукова даступным, але не спрошчаным. Аўтар «Методыкі роднай мовы» разглядае метады, якія садзейнічаюць успрыманню матэрыялу вучнямі не ў гатовым выглядзе, а шляхам асэнсаванай працы над ім. Колас раіў вучыць дзяцей больш назіраць за з'явамі прыроды, параўноўваць іх, знаходзіць у іх рысы падабенства і адрознення, бачыць агульнае і асноўнае, высявятляць прычыны і сувязі, узаемаадносіны і заканамернасці. Ён патрабаваў уводзіць у навучанне элементы даследавання, што з'яўляецца вельмі важным для рэалізацыі прынцыпу свядомасці, які ў сваю чаргу спрыяе разумоваму развіццю вучняў.

Асаблівую ўвагу ў набыцці трывалых ведаў Я. Колас надаваў завучванню на памяць вершаў, урыўкаў з апавяданняў і вучэбных тэкстаў. Важнасць завучвання заключаецца ў тым, што ўзбагачаецца слоўнікавы запас, папаўняюцца веды вучня. Метадыст падкрэсліваў, што розныя віды памяці патрабуюць выкарыстання адпаведных метадаў завучвання. Для таго каб прынцыпы навучання былі рэалізаваны найбольш плённа, настаўніку неабходна ведаць інтарэсы і магчымасці кожнага дзіцяці.

У 1930 годзе выйшла другое выданне дапаможніка «Методыка роднай мовы» (у сааўтарстве з В. Тэпіным), у якім асноўная ўвага надаецца вывучэнню граматыкі, навучанню правапісу, развіццю маўлення вучняў у васьмігадовай школе. У параўнанні з першым выданнем у кнізе разглядаюцца не толькі пытанні навучання грамаце (пачатковая школа), але і дэтальна аналізуецца працэс выкладання сістэматычнага курса беларускай мовы у васьмігадовай школе (фанетыка, арфаграфія, словаўтварэнне, марфалогія, сінтаксіс, пунктуацыя). Гэта выданне ў пэўнай ступені арыентавана на сістэмна-апісальны і камунікатыўна-дзейнасны падыходы ў лінгваметодыцы, а таму не страціла актуальнасці і для сучаснай школы [2, с. 16—17].

Канстанцін Міцкевіч — аўтар артыкулаў па праблемах навучання і выхавання: «Беларуская мова ў казённай школе», «Аб народным вучыцелю», «Задачи савецкай школы», «Шануйце і любіце сваю родную мову», «Нашы савецкія дзеці», «Савецкі гуманізм», «Быць грамадзянінам» і інш., у якіх выказваецца клопат пра беларускую мову, стан школы і працы настаўніка, разглядаюцца праблемы маральна-патрыятычнага выхавання моладзі.

Заклучэнне. Вялікай заслугай Я. Коласа з'яўляецца тое, што ў перыяд станаўлення і развіцця беларускай школы ён на канкрэтных прыкладах раскрыў сутнасць дыдактычных прынцыпаў, паказваючы настаўнікам, як трэба іх прымяняць з улікам новых патрабаванняў да зместу адукацыі і навучання на роднай мове.

Спіс цытаваных крыніц

1. Колас, Я. Збор твораў : у 14 т. / Я. Колас. — Мінск : Маст. літ., 1973. — Т. 12. — С. 317.
2. Сянкевіч, М. І. Метадычная спадчына К. Міцкевіча (Я. Коласа) / М. І. Сянкевіч // Пачатк. шк. — 2007. — № 5. — С. 16—17.

ЛЕКСІЧНЫЯ ПАЎТОРЫ Ў МОВЕ ПАЭЗІІ ЯЎГЕНІІ ЯНІШЧЫЦ

Уводзіны. У тэкстах Яўгеніі Янішчыц лексічны паўтор валодае статусам аднаго з найбольш характэрных стылістычных прыёмаў. Тым не менш вывучэнне паўтору неабходнае ў даследаванні ідыялекту і ідыястылю, паколькі гэты спосаб рэалізацыі адзінак лексічнага ўзроўню мовы дазваляе прасачыць заканамернасці аўтарскага словаўжывання, а таксама высветліць асноўныя ідэі аўтара. Акрамя таго, лексічны паўтор «з'яўляецца не толькі важным структурным сродкам, які арганізуе мастацкі твор, але і сэнсавым, што садзейнічае ўзнікненню новых магчымасцей інтэрпрэтацыі слова ці словазлучэння» [2, с. 37]. Фігуры, заснаваныя на паўторах, безумоўна, больш прадуктыўныя, асабліва ў мове паэзіі, бо сам паўтор «падтрымлівае пэўныя сэнсавыя асацыяцыі», «незаўважна ўплывае на падсвядомасць дзякуючы менавіта вылучэнням ключавых паняццяў тэкстаў» [1, с. 43].

Асноўная частка. Лексічны паўтор у мове паэтычных твораў Я. Янішчыц засяроджвае ўвагу на слове, абвастрае думку, павышае эмацыянальнасць паэтычнага радка, напрыклад: — *Знікаю. / Знікаю з усмешкай на тварах ліслівых, / Няверных. / Знікаю. Хай будзе на момант ішчаслівым / Той бераг* [4, с. 42].

Паэтэса выкарыстоўвае паўторы лексічных адзінак кантактна і дыстантна, у адным радку, у адной страфе або на працягу ўсяго твора. Пры кантактным паўторы дзеясловаў, напрыклад, перадаецца працягласць дзеяння, яго аднастайнасць: *Помню, помню праз гады, / Спеўная ваколіца: / «Выці, золата, вады, / Сэрца супакоіцца»* [5, с. 83]; *Глядзіш: расце, расце узгорак / Наскрозь лядовы з-пад павет* [5, с. 143].

Дыстантны паўтор акцэнтуюе ўвагу на прадмеце, прымеце або дзеянні, вылучае іх сэнсава і эмацыянальна: *Я бласлаўляю дождж абложны / І навалнічны спорны дождж* [5, с. 134]; *Шуміць базар, кіпіць базар сталічны, / А на прылаўках дышае зямля* [5, с. 289]; *Ты душыны, свет. І сто разоў — дзівосны! / І неспазнаны — тысячу разоў* [4, с. 149]; *І ўсё, што знікла, быццам дым, / Што ў цішыні наспела, — / Цяплом тваім, святлом тваім / Перанісаць набела!* [5, с. 113]; *Чакае шлях... Чакае золак дальні* [5, с. 296]; *Зоры лясныя і зоры азёрныя!* [5, с. 309]; *Чакаю — скрозь! Чакаю — назаўжды / Таго, каго пазбыла. І кахаю!* [5, с. 330].

Адным з самых шырокаўжывальных стылістычных прыёмаў, «які будуюцца на паўтарэнні асобных слоў, выразаў, гукавых спалучэнняў у пачатку вершаваных радкоў, строф, перыядаў, абзацаў», з'яўляецца ў мове паэтычных твораў Я. Янішчыц **анафара** (грэч. *anaphora* вынясенне, аднясенне). «Аб'ядноўваючы ў адно цэлае разнастайныя паводле сінтаксічных асаблівасцей канструкцыі, анафара дапамагае аўтару сэнсава і лагічна выдзяляць найбольш важныя думкі, акцэнтаваць увагу на асобных прадметах, асобах, дзеяннях, з'явах, прыметах, эмацыянальна ўзмацняць выказванне» [2, с. 37]: *Сенакосная глуш. / Сенакосная ціш паміж намі. / Сенакоснае слова / Яшчэ засталася пры мне* [4, с. 67]; *Сярод зімы сняжыстай, / Сярод вясны вятрыстай* [4, с. 89]; *Доўгія ночы — на ўздых. / Доўгія косы тугія, / Ой, на плячах маладых* [4, с. 90]; *Столькі дзіўнай вяселосці! / Столькі роднага цяпла!* [4, с. 106]; *Песня — бурай, песня — лістам, / Песня — сонцам у акно* [4, с. 106]; *«Нядаўна пад стол гэты пешкам...» / «Нядаўна...» — маланкаю час* [5, с. 122]; *Польмем зыркні душу апаліла. / Польмем белым ўзняло з небяцця. / ...Ой жа зімой закіпае каліна, / Гронка яе — як надзея жыцця* [5, с. 322]; *Фартысіма — расколатая ціша. / Фартысіма — які глабальны лёд!* [5, с. 375]; *Шукаю песню, як іголку ў стоце. / Шукаю кроплю праўды у мане* [5, с. 346]; *Тае тоўшча календара — / Новы з'явіцца скоры. / «Учора» — шалее за вокнамі град. / «Учора» — не сцішыцца мора. / «Учора» — надрывіста вецер пые, / «Учора!» — агеньчык сігнальны. / Учора — памылкі мае і твае / Аднесла дзевяцібальным! / Учора? Ды як зразумець, аднак, / Блудлівыя цені навокал?* [5, с. 360] і інш.

Аўтар В. А. Ляшчынская называе групу сэнсава значных слоў-паўтараў, размешчаных у паэтычным творы анафарычна, пульсарамі [3]. Такія пульсары робяць мову паэтычных твораў Я. Янішчыц надзвычай экспрэсіўнай і эмацыянальнай. Яны ўзмацняюць гучанне верша, выдзяляюць прыналежнасць, зацікаўляюць зместам, абвастраюць пачуцці чытача: *Ён тут жыве — сярод снягоў і пушчаў. / Ён не са сцэны любіць і пые. / Ён сам, як гэты свет сляпы і відушчы, / На гук, на смак зямельку пазнае* [4, с. 132].

Нярэдка паэтэса выкарыстоўвае **эпіфару** (грэч. *epiphora* паўтарэнне) — «стылістычны прыём, які будуюцца на паўтарэнні асобных слоў, выразаў, маўленчых канструкцый у канцы вершаваных радкоў, строф, перыядаў, абзацаў» [2, с. 37]. Віды фігуры тыя самыя, што і ў анафары (лексічная, сінтаксічная). Відам лексічнай эпіфары таксама з'яўляецца «таўталагічная яе разнавіднасць, паўтор роднасных слоў ці ў сумежных радках, ці праз радок заўсёды экспрэсіўны — роднасныя словы ўзмацняюць сэнс сказанага, а таксама ствараюць арыгінальную рыфму» [1, с. 44]: *Ды зазвіняць вясельныя цымбалы / І жаркім вокам гляне ў сэрца конь. / Пые віхор, пые лісток апалы, / Пые зямля курганяў і удоў. / Любоў мая, ты скрыпка, і цымбалы, / І шаргункі — над грывамі гадоў* [4, с. 159]; *Сніцца і мроіцца Бэз! / Божа, як ломіцца ў вокны і ў сэрца / Сэрцам раскрылены Бэз!* [4, с. 164]; *А час — дзівак. / І лёс — дзівак* [4, с. 181].

У вершы «Будзе слоту абвяшчаць прагноз...» паэтэса ўжывае страфічную эпіфару *па-беларуску* [5, с. 390], якая дазваляе ёй выказаць свае патрыятычныя пачуцці, выказаць заклапочанасць лёсам роднай мовы.

Часта ў мове паэзіі Я. Янішчыц сустракаецца **паліптот** (грэч. *polyptoton* шматсклонаваць) — «стылістычная фігура, якая будзеца на паўторы аднаго і таго ж слова ў розных граматычных формах» [2, с. 38]: *Ты ідзі стараною, старонкай, / Мой, да кропелькі мой, і — чужы [4, с. 81]; Чужога і далёкага мужчыну / Шкадую, як нязбытнага свайго. / А ён маўчыць, далёкі той мужчына, / Яму на скроні снегу намяло. / Яго кахала дзіўная жанчына, / Яму дарыла дзіўнае святло... [4, с. 83]; Будуць вёсны і пралескі, / Будзе радасць і туга [4, с. 25]; Няма ў сястры сардэчнае сястрыцы, / Ёсць толькі брат. Названы мною — брат [4, с. 268]; Позняя ягадка позняй спакусы [4, с. 256]; Сыннок, як і ўчора, / Паслужы няўцешным суседзям, / Адзіны сын у каторых / Нечакана загінуў ад кулі / На суровым полі заслоны! / Сыночак, чэсна, бы ўчора, / Прынось грашовую здачу [4, с. 312]; І траўкай кожнай, кожным лістам / Натхнёна дыхала зямля [5, с. 142]; Позняя ягадка позняй спакусы [5, с. 322]; І прагне, і шукае слова — слова [5, с. 352]; Жыццё, / жыцця ты іншага не мысліш / На катарзе любові і святла [5, с. 352]; ...Светла як ад ранишняга снегу, / Толькі ад вячэрняга — святлей [5, с. 268]. Гэты прыём дазваляе паэтэсе больш глыбока перадаць пачуцці, звярнуць увагу на розныя сэнсавыя нюансы, узмацніць выказванне.*

Выкарыстоўваючы **анадыпловіс** (грэч. *anadiplosis* падваенне), або **акраманagramу** (*akros* крайні, верхні, *topos* адзін, *gramma* літара, запіс) — «лексіка-кампазіцыйны прыём, які складаецца з кантактнага паўтору слова (слоў), што заканчвае адзін паэтычны радок і пачынае другі» [2, с. 37], Я. Янішчыц дабіваецца сэнсавай пераемнасці аднаго вершаванага радка з другім, іх выразнасці, эмацыянальнасці, падкрэслівае важнасць паняццяў, прадметаў, дзеянняў, працэсаў: *О, так не марозіла сэрца даўно! / Даўно не канала ад гордай самоты!.. [4, с. 193]; Удавец-браток надзеў каптан. / А каптан — зялёны ўвесь і горкі [4, с. 235]; Не прад'явіць віны пасля — / Пасля крушэння і гаркоты [4, с. 243]; Жэўжыкі гукаюць: «Калалева!» / Каралева? А чаму ж і не! [5, с. 402].*

Радзей сустракаюцца кальцо, антанаклаза, гемінацыя, хіязм.

Кальцо — «стылістычны прыём, які будзеца на паўторы слова, словаспалучэння, аднатыпных гукаў у пачатку і канцы якой-небудзь маўленчай канструкцыі» [2, с. 38]: *Табе, мой боль табе — / і больш нікому! [4, с. 188]; Бар'ер. Які бар'ер [4, с. 258]; ...Капытамі на снезе сляды / І на волі маёй — капытамі [5, с. 62]; Мінём крутаяр, а журбы не мінём [5, с. 351].*

Гемінацыя (лац. *geminare* падвойваць) — «стылістычны прыём, які будзеца на шматразовым, пераважна кантактным, паўторы якога-небудзь слова або спалучэння слоў» [2, с. 38]: *...Партрэты, партрэты, партрэты! / І кожны да рысачкі свой. <...> ...Партрэты, партрэты, партрэты. / Васкоўцы. Радня. Землякі... [4, с. 96].*

Антанаклаза, або **антанакласіс** (грэч. *antanaklasis* адлюстраванне, праламленне) — «стылістычная фігура, якая будзеца на паўторы слова ў адной і той жа граматычнай форме, але з рознымі лексічнымі значэннямі і сэнсавымі адценнямі» [2, с. 38]. У паэме «Акно ў дождж», напрыклад, назоўнік *лёд* ужываецца з рознымі метафарычнымі значэннямі ('раўнадушша', 'холаднасць у размове', 'холаднасць, нацягнутасць у адносінах' і інш.):

Ліў за сцяною дождж няспынны,

Пакутна гутарка цякла.

Лёд у вачах у гаспадыні,

Лёд у акне замест шкла.

Лёд паміж слоў і паміж гукаў,

Лёд паглынаў утульны быт.

Драбочкі лёду замест цукру

І ледзяной тахты іспыт [5, с. 138].

Такі паўтор назоўніка *лёд* валодае высокай экспрэсіяй і, акрамя таго, сведчыць аб цяжкім псіхалагічным стане лірычнага героя, стварае рэдкую па сіле карціну безвыходнасці, абстрае пачуцці.

Антанаклаза нярэдка выкарыстоўваецца і ў іншых творах паэта: *Заваліла, засыпала ганак / Белай памяццю белых вачэй [5, с. 307]; Глыбы думак. Праху глыбы — / За сіваю даўніной... [5, с. 302].*

Хіязм (грэч. *chiasmus* крыжападобны; размяшчэнне чаго-небудзь ў выглядзе грэчаскай літары х) — стылістычная фігура, якая будзеца на паўторы адных і тых жа слоў першай часткі сінтаксічнай канструкцыі ў адваротным парадку ў другой частцы: *Дзень добры, на добры дзень [4, с. 98]; Жывыя ўсё ж звяртаюцца да мёртвых / І мёртвыя адказваюць жывым! [4, с. 37].*

У вершах паэтэсы таксама паўтараюцца пары антонімаў, утвараючы паралельныя канструкцыі з супрацьлеглым, кантрастным зместам. Яны надаюць вершам выразнасць і дынамічнасць, эмацыянальную афарбоўку: *Лёгка слалася дарога, / Не скупілася надвор'е, / І ўзляталі нашы думы / Вышай роднага парога. / Вышай коміна над хатай, / Вышай пёрыстых аблок!.. / Ці ж дарэмна зрок і сіла / Перайшлі ў нас з самых мудрых, / Нескаронных і ласкавых, / Мужных вояў, шчыраўніц? / Але ж ёсць: лятаем ніжай! / Ніжай праўды і сумлення, / Ніжай ласкі і даверу, / Ніжай розуму свайго [4, с. 275].*

Заклучэнне. Лексічны паўтор — адзін з найбольш характэрных стылістычных прыёмаў у мове паэзіі Яўгеніі Янішчыц. Паэтэса ўжывае яго кантактна і дыстантна, у адным радку, у адной строфе або на працягу ўсяго твора. Часцей за ўсё лексічны паўтор выяўляецца ў анафары, эпіфары, паліптоце, анадыпловісе, радзей — у кальцы, антанаклазе, гемінацыі, хіязме і іншых стылістычных фігурах. Лексічны паўтор у вершах паэтэсы дапамагае вылучыць найбольш важныя думкі, акцэнтаваць увагу на асобных прадметах, асобах, дзеяннях, з'явах, эмацыянальна ўзмацніць выказванне.

Спіс цытаваных крыніц

1. Багамолава, А. Стылістычныя фігуры, заснаваныя на паўторах, як сродак рэалізацыі эстэтычнай функцыі мовы / А. Багамолава // Род. слова. — 2012. — № 5. — С. 43—47.
2. Губко, В. М. Лексічныя паўторы ў мове паэзіі Анатоля Вярцінскага / В. М. Губко, А. В. Солахаў // Текст. Язык. Человек : сб. науч. тр. : в 2 ч. / УО МГПУ им. Шамякина ; редкол.: С. Б. Кураш (отв. ред.) [и др.]. — Мозырь, 2013. — Ч. 2. — С. 37—39.
3. Ляшчынская, В. А. Слова ў паэзіі Янкі Купалы / В. А. Ляшчынская ; навук. рэд. А. І. Падлужны. — Мінск : Беларус. навука, 2004. — 272 с.
4. Янішчыц, Я. І. Пачынаецца ўсё з любові... : вершы, паэмы / Я. І. Янішчыц. — Мінск : Маст. літ., 2008. — 339 с.
5. Янішчыц, Я. І. У шуме жытця святла : вершы, паэмы / Я. І. Янішчыц. — Мінск : Маст. літ., 1988. — 414 с.

УДК 821.161.3-3*Б.Пятровіч:159.963.2

В. А. Каменюкова

Установа адукацыі «Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Францыска Скарыны», Гомель

МАТЫЎ СНУ Ў ТВОРАХ БАРЫСА ПЯТРОВІЧА

Уводзіны. Сон, які ў мастацкім тэксце выступае ўніверсальным літаратурным прыёмам, нярэдка поліфункцыянальны. Ён можа служыць і адметнай кампазіцыйнай часткай, і сродкам паказу псіхалагічнага стану героя або ўласнааўтарскіх поглядаў. Анейрасфера дапамагае арганічна ўвесці ў тэкст містычныя матывы, «размыцц» мяжу паміж рэальным і ірэальным, стварыць эфект раздваення свету. Так, В. Шынкярэнка слухна зазначае: «Дзіўнае пачуццё лёгкасці, што даруецца сном, надзяляе летуценніка багатымі магчымасцямі, дазваляе бесперашкодна пераадоляваць прастору і іншыя вымярэнні, угледзецца ў сябе, убачыць збоку» [1, с. 147]. Уводзячы сон як эпізодны сюжэт, пісьменнік накіроўвае ўвагу чытача на найбольш істотныя моманты ў творы. Па словах М. Дынікі, «звычайна ў падобным сне аўтар адлюстроўвае, як ва ўвагнутым люстэрку, у павялічаным выглядзе тое, што для яго асабліва важна, асабліва дорага, а для чытача, на яго думку, значна» [2]. Сон уяўляе сабой якасна новую рэальнасць, у якой чалавеку лягчэй знайсці адказы на хвалюючыя яго пытанні. Аўтар С. Ханеня прыводзіць цікавую думку: «Самае нелагічнае, невытлумачальнае для таго, хто спіць, выступае не столькі дзіўным і неверагодным, колькі, наадварот, у асноўным зразумелым і праўдзівым» [3, с. 98].

Асноўная частка. У Барыса Пятровіча сон становіцца скразным матывам многіх мастацкіх твораў. Пісьменнік сцвярджае, што «сны — працяг жыцця» [4, с. 583]. Аднак з яго прозы вынікае, што сон — гэта хутчэй адбітак жыцця ў «крывым» люстэрку, які дапамагае стварыць сітуацыю абсурду, дзе, на думку В. Шыльке, «чалавек дамагаецца згоды са светам, але той, у сваю чаргу, праяўляе або поўную абьякавасць, або варожасць» [5]. Літаратура абсурду звязана з філасофіяй экзістэнцыялізму, спецыфіка якой увасобілася ў тэрміне «абсурд». Згодна з В. Шыльке, «гэта нейкі індэкс расколу чалавечага існавання (ці экзістэнцыі) з быццём» [5]. Барыс Пятровіч Сачанка таксама нярэдка даследуе праблемы чалавечага існавання, робячы акцэнт на яго абсурднасці. У той жа час праявіліся ўпэўнены: «Усё абсурднае — звышлагічнае» [4, с. 23]. Гэтая думка неаднаразова сустракаецца ў яго творах. Напрыклад, у «Жыццяхнах» з вялікай псіхалагічнай дакладнасцю пісьменніку ўдалося перадаць неразуменне героем непрыстойнасці паказу такой натуральнай для дыназаўра часткі цела, як хвост: «Аднак ён не разумеў аднаго: чаму ён павінен саромецца свайго хваста? Што ў гэтым непрыстойнага або смешнага?» [4, с. 587]. Дзіўнае патрабаванне — з'яўляцца ў грамадскіх месцах толькі з прыхаваным пад спецыяльнай накідкай хвостом — гэта праекцыя-алегорыя на паўсядзённае сучаснае жыццё.

Звернемся да праявічнага трыпціха «Стах». Ён складаецца з трох частак, у кожнай з якіх герой вядзе напружаны роздум над праблемамі рэчаіснасці. Цікава, што ў кожным раздзеле кардынальна мяняюцца спосабы падачы інфармацыі. У першай частцы рэальнасць перадаецца праз успрыняцце студэнта, які вяртаецца ва ўспамінах у дзяцінства. Перад чытачом паўстаюць нібыта два персанажы, якія існуюць у розныя часавыя прамежкі, але знаходзяцца ў блізкіх сітуацыях, за кошт чаго матэрыяльна выражаюцца праз адну асобу. Атрымліваецца сітуацыя раздваення свядомасці, выкліканая немагчымасцю (у дзяцінстве) і нежаданнем (у юнацтве) зразумець і прыняць рэаліі акаляючага свету.

Другая частка — гэта дзіўны сон Стаха. Своеасаблівае гульня «кшталту кампутарных. Віртуальная рэчаіснасць... Толькі ў гульні ён мог націснуць “Ctrl + Alt + Delete”, альбо на іншую пэўную клавішу і “выйсці” ў любы момант... А тут... Хто ім гуляе? Хто гуляе ў яго? І навошта...» [4, с. 55]. Сон у тэксце — гэта не ілюзія гульні, а створаная аўтарам мадэль жыцця, якая нагадвае чысцец (у творы назіраецца выразная алюзія на «Боскую камедыю» Дантэ Аліг'еры). Кожны ўзровень, які праходзіць герой, — гэта адбітак у «крывым» люстэрку канкрэтнай жыццёвай сітуацыі, што патрабуе мужнасці, сілы волі, умення зрабіць выбар. Так, М. Бахцін пісаў: «Жыццё, якое чалавек пабачыў у сне, адсоўвае звычайнае жыццё, прымушае зразумець і ацаніць яго па-новаму (у святле ўбачанай іншай магчымасці)»

[6, с. 252]. Ва ўмовах «іншага жыцця», паводле Барыса Пятровіча, герой пазбаўляецца слабасці «перад сістэмай, моц якой здавалася непарушнай, як законы прыроды» [4, с. 55]. Такім чынам, сон з'яўляецца значным эпізодам у развіцці асноўнага дзеяння, якое змешчана ў апошняй, трэцяй, частцы твора. Яе сюжэт сканцэнтраваны вакол спробы героя спасцігнуць сэнс жыцця праз працэс стварэння карціны, якая, падобна да сну, з'яўляецца нагляднай мадэллю існавання сучаснага чалавека: «Там былі людзі. Там былі фарбы. І людзі, і фарбы змагаліся між сабою, як добро змагаецца са злом. Карціна была сном ня сном, явай ня явай, як, уласна, і само жыццё» [4, с. 84]. Стах адначасова выступае і марыянеткай, пасіўным героем, і актыўным стваральнікам жыцця.

Неабходна ўгадаць і кнігу «Фрэскі», у якой сон становіцца лейтматывам. Так, С. Ханеня адзначае: «У “Фрэсках” ёсць і пошукі духоўных вышынь, і крайнія эксперыменты над “ідэяй” і над формай. Але стрыжнёвай асновай кнігі стаў упарта-навязлівы сон» [3, с. 104]. Анейрасфера — яскравая праява прысутнасці матыву раздваення свету ў мастацкім тэксце. Такі від двайніцтва, як дуальная рэчаіснасць, з'яўляецца вызначальным момантам у прозе Барыса Пятровіча. Паказальна, што ў адной з фрэсак пад назвай «Сына сустрэць» галоўны герой у сне сустракае свайго сына, які загінуў у Афганістане. У анейрасферы вырашаецца і лёс мужчыны: даючы згоду на рэальную сустрэчу, ён тым самым згаджаецца пайсці са свету: «Сын мне сустрэчу прызначыў. Ня “Бярэсця”, ага. Сказаў — будзь сёння роўна ў восем гадзінаў раніцы... І так ясна прысніўся, так папрасіў, што не магу аслухацца...» [7, с. 164]. Такім чынам, праз існаванне матэрыяльнага і іншага, невядомага, свету, які можа ўздзейнічаць на першы, выяўляецца бінарнасць свету. Сон з'яўляецца гранню судакранання ірэальнага з рэальным, што прымушае чытача задумацца над каштоўнасцю кожнага моманту жыцця, паглядзець на смерць як на нешта прадвызначанае. Па такім жа прынцыпе ў фрэсцы «Сябра згадаць» сустракаюцца праз трыццаць год сябры: жывы і забіты, усё «такі малады!!!» [7, с. 104]. Але калі ў фрэсцы «Сына сустрэць» менавіта сон становіцца пасярэднікам паміж рэальным і ірэальным, то ў творы «Сябра згадаць» згадкі пра анейрасферу няма. Сустрэча жывога з забітым адбываецца ў трыццатую гадавіну смерці. Чытачу застаецца самому вырашаць, сон гэта ці нейкая іншая грань рэальнасці.

Заклучэнне. Барыс Пятровіч актыўна ўводзіць у свае творы матыў сну, вырашаючы такія складаныя праблемы, як процістаянне паміж унутраным светам чалавека і акаляючай рэчаіснасцю, бездапаможнасць чалавека перад наканаванасцю, неабходнасць разумення чалавекам самога сябе і інш. Даволі часта сон становіцца спосабам адлюстравання бінарнасці, падваення свету, што з'яўляецца адным з асноўных матываў у творчасці аўтара і робіць яго пісьменніцкую манеру пазнавальнай.

Спіс цытаваных крыніц

1. Шынкарэнка, В. К. З верай у чалавечнасць : адметнасці вобразна-паэтычнай сістэмы сучаснай беларускай літаратуры / В. К. Шынкарэнка. — Гомель : РАТОН, 2001. — 200 с.
2. Дынник, М. Сон как литературный приём [Электронный ресурс] / М. Дынник. — Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/slu/abc/lt2/lt2-6416.htm?cmd=r&istext=1>. — Дата доступа: 09.09.2017.
3. Ханеня, С. І. Амплітуда мастацкасці. Умоўнасць у беларускай прозе канца ХХ стагоддзя : навук. выд. / С. І. Ханеня. — Гомель : ГДУ ім. Ф. Скарыны, 2001. — 117 с.
4. Пятровіч, Б. Шчасце быць... : трыпціх, аповесці, апавяданні, мроі / Б. Пятровіч. — Мінск : Тэхнапрынт, 2004. — 576 с.
5. Шильке, В. В. Мироззренческие основы литературы абсурда [Электронный ресурс] / В. В. Шильке. — Режим доступа: http://www.rusnauka.com/27_NNM_2011/Philologia/8_92829.doc.htm. — Дата доступа: 04.03.2017.
6. Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин. — 3-е изд. — М. : Худ. лит., 1972. — 472 с.
7. Пятровіч, Б. Жыць не страшна : фрэскі / Б. Пятровіч. — Мінск : Медисонт, 2008. — 256 с.

УДК 371.388:811.161.1

Е. Е. Липская

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

ОРГАНИЗАЦИЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК УСЛОВИЕ РАЗВИТИЯ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

Введение. В современном обществе особенно остро ощущается потребность в людях инициативных, творческих, готовых самостоятельно найти новые способы решения насущных социально-экономических и культурных задач, способных быть полезными обществу. В связи с этим особую актуальность сегодня приобретает проблема организации самостоятельной работы младших школьников в процессе обучения. Одна из основных задач современной начальной школы — развитие у школьника желания самостоятельно выполнять каждое задание и упражнение, формирование стремления к познанию, умения управлять собственной познавательной деятельностью. Сформированные у школьников умения помогут самостоятельно получать новые знания, ориентироваться в стремительном потоке информации, будут способствовать дальнейшему развитию успешности.

Анализ психолого-педагогической, научно-методической литературы по проблеме исследования позволил определить, что многие ученые рассматривают самостоятельную деятельность как неперенное соединение самостоятельной мысли учащихся с самостоятельным выполнением ими умственных действий [1; 3; 4]. Поэтому самостоятельная работа должна быть организована как выполнение определенных заданий, над которыми учащиеся работают без непосредственного участия учителя. Так, исследователь Т. И. Шамова, считая самостоятельную работу формой организации познавательной деятельности учащихся, называет следующие признаки: наличие цели, наличие конкретного задания, четкая форма выражения результата работы, определение формы проверки результата, обязательное выполнение работы каждым учеником [2, с. 15]. Все виды самостоятельной работы, применяемые в учебном процессе, как отмечают исследователи, можно классифицировать по различным признакам: дидактической цели, характеру учебной деятельности учащихся, содержанию, степени самостоятельности и элементу творчества учащихся [3, с. 24]. Самостоятельная деятельность часто используется в начальной школе на уроках русского языка, так как является средством формирования коммуникативных навыков и направлена в первую очередь на развитие речевой культуры учащихся, на обогащение словарного запаса детей, развитие познавательной активности младших школьников.

Основная часть. Цель нашего исследования — оценить уровень сформированности самостоятельной деятельности учащихся 4-го класса на уроках русского языка. При проведении исследования были использованы следующие методы: анализ научной литературы по проблеме исследования, анкетирование, анализ письменных работ учащихся, методы статистической обработки данных. В исследовании принимали участие 23 ученика 4-го класса ГУО «Гимназия № 3 г. Барановичи».

В ходе исследования была использована диагностика параметров самостоятельной деятельности младших школьников, разработанная ученым Н. В. Калининой [4, с. 19]. Учащимся предлагалась анкета, вопросы которой были направлены на изучение таких параметров учебной самостоятельности, как успеваемость, мотивация, активность, организованность, ответственность и самостоятельность. Каждый вопрос имел три варианта ответа, учащимся необходимо было выбрать один ответ и отметить его знаком «+».

Анализ результатов анкетирования показал, что большинство учащихся 4-го класса (9 учеников, 39,1%) не проявляют интереса к самостоятельной работе, выполняют самостоятельно без помощи учителя только задания репродуктивного характера, не могут организовать свое рабочее место, планировать время и способы действия при выполнении самостоятельной работы. В свою очередь 34,8% учащихся показали средний уровень сформированности самостоятельной учебной деятельности на уроках русского языка. Лишь 6 учеников (26,1%) продемонстрировали достаточно высокий уровень самостоятельной учебной деятельности. Эти школьники проявляют устойчивый учебно-познавательный интерес к самостоятельной работе, инициативу, особенно если требуется выполнить нестандартное упражнение, выполняют самостоятельную работу без помощи учителя, могут организовать свое рабочее место, планировать время и способы действия при выполнении самостоятельной работы. Таким образом, анализ результатов анкетирования, собственные наблюдения в ходе прохождения производственной (педагогической) практики, а также опыт учителя начальных классов ГУО «Гимназия № 3 г. Барановичи» Т. Н. Лабковской позволили сформулировать вывод о недостаточно высоком уровне самостоятельной деятельности учащихся 4-го класса.

В связи с выявленными недостатками была разработана и апробирована самостоятельная работа, которая состояла из трех заданий. Каждое задание имело три уровня сложности. За правильно выполненный уровень учащийся получал один балл. После суммирования баллов, полученных каждым учеником, определялись уровни самостоятельной учебной деятельности на уроках русского языка: I уровень (воспроизводящий) — 1 балл; II уровень (реконструктивно-вариативный) — 2 балла; III уровень (частично-поисковый) — 3 балла [4, с. 35]. Проиллюстрируем содержание одного из заданий на примере изучения темы «Имя существительное».

I уровень. Образуй от имен прилагательных имена существительные и определи их род: *храбрый, мудрый, бедный*.

II уровень. 1. Подбери к данным именам существительным антонимы: *радость, плач, добро, друг*.

2. Подбери к данным прилагательным подходящие по смыслу синонимы: *хороший, узкий, белый*.

III уровень. Составь синквейн, посвященный маме.

Подобные задания использовались в процессе изучения таких грамматических тем, как «Глагол», «Местоимение», «Предлог». Задания I уровня сложности, имеющие репродуктивный характер, включались в самостоятельную деятельность на уроках изучения нового материала. Задания II уровня сложности использовались в самостоятельных работах в связи с повторением и закреплением изученного материала. Задания частично-поискового характера (III уровня сложности) включались в самостоятельные работы по завершению изучения определенной темы. Задания были составлены таким образом, что их можно было предложить индивидуально ученику, группе учащихся или всему классу. Это позволяло реализовывать дифференцированный подход в обучении и своевременно определять качество усвоения материала на обязательном и более высоком уровне.

Выполнение данных заданий давало возможность школьникам отработать полученные навыки, а также побуждало их к осуществлению различных мыслительных операций: сравнения, обобщения, абстракции, конкретизации, классификации и систематизации.

Анализ результатов, полученных на конечном этапе эксперимента, позволил выявить положительную динамику. Те учащиеся, у которых изначально был низкий уровень самостоятельности, смогли выполнить задания не только I, но и II уровня сложности, а учащиеся со средним уровнем самостоятельности выполняли задания частично-поискового характера. Представим сравнительный анализ результатов начального и контрольного этапов диагностики (таблица 1).

Т а б л и ц а 1 — Сравнение данных результатов начального и контрольного этапов эксперимента, %

Уровень самостоятельности учащихся	Этап диагностики	
	начальный	контрольный
Высокий	26,1	39,1
Средний	34,8	47,8
Низкий	39,1	13,1

Заключение. Анализ результатов проведенного исследования показал, что процесс организации и осуществления самостоятельной деятельности младших школьников на уроках русского языка будет более успешным, если он будет целенаправленным, постоянным и систематическим. Задания и упражнения, предлагаемые для самостоятельного выполнения, должны быть разнообразными по уровню сложности.

Очевидно, что самостоятельная работа школьников в реализации новых целей образования занимает одно из ведущих мест. Именно такой вид учебной деятельности сегодня является существенным условием развития познавательной активности и самостоятельности учащихся начальных классов в обучении.

Список цитируемых источников

1. Пакулина, С. А. Психолого-педагогические особенности обучения формам самостоятельной работы младших школьников / С. А. Пакулина, Т. П. Савушкина // Нач. шк. — 2009. — № 3. — С. 10—12.
2. Шамова, Т. И. Активизация учения школьников : пособие / Т. И. Шамова. — М. : НИИ шк. МП РСФСР, 1976. — 100 с.
3. Оценка достижения планируемых результатов в начальной школе : система заданий: в 3 ч. / М. Ю. Демидова [и др.] ; под общ. ред. Г. С. Ковалевой, О. Б. Логиновой. — М. : Просвещение, 2011. — Ч. 1. — 215 с.
4. Калинина, Н. В. Учебная самостоятельность младшего школьника: диагностика и развитие : практ. пособие / Н. В. Калинина, С. Ю. Прохорова. — М. : АРКТИ, 2008. — 80 с.

УДК 811.161.3:81'23

Г. В. Мінько

Установа адукацыі «Баранавіцкі дзяржаўны ўніверсітэт», Баранавічы

РЫТМІЧНА-ГУКАВАЯ І ВОБРАЗНА-ВЫЯЎЛЕНЧАЯ АРГАНІЗАЦЫЯ МОВЫ БЕЛАРУСКІХ ВЯСЕЛЬНЫХ ЗЫЧЭННЯЎ (НА МАТЭРЫЯЛЕ ЗЫЧЭННЯЎ, ЗАПІСАНых У ГАНЦАВІЦКІМ РАЁНЕ)

Уводзіны. Слова *зычэнне* ўтворана ад дзеяслова *зычыць* ‘жадаць, выказаць, выражаць каму-небудзь пажаданні’ [4, с. 313]. Зычэнні — слоўныя выразы, у якіх заключаюцца добрыя, дружалюбныя пажаданні людзям падчас розных бытавых сітуацый; від выслоўяў [1, с. 553]. Найчасцей зычылі здароўя, сіл, доўгага веку, дабрабыту, шчасця [1, с. 553].

Лінгвіста зычэнні (пажаданні) прыцягваюць, перш за ўсё, асаблівасцю арганізацыі тэксту: яго дасканаласцю, рытміка-інтанацыйнай пабудовай фразы, выкарыстаннем у іх вобразна-выяўленчых сродкаў мовы і інш.

Разгледзім рытмічна-гукавую і вобразна-выяўленчую арганізацыю вясельных зычэнняў, запісаных ад вясковых жыхароў Ганцавіцкага раёна.

Асноўная частка. Вясельнае зычэнне — гэта своеасаблівы маленькі мастацкі твор. Уручаючы маладым падарункі, госці звычайна зычылі ім шчасця, долі, кахання, шмат дзяцей. Бацькі маладых, жадаючы дзецям усяго найлепшага, у той жа час давалі ім наказы не губляць сувязі з бацькоўскім домам, не ганьбіць імя роду. Не абыходзілі госці і праблему наладжвання ўзаемаадносін паміж зяцем і цёсччай, нявесткай і свекрывёю. Яркая вобразнасць, дасціпнасць, цікавае параўнанне, гучная нечаканая рыфма — яго найбольш характэрныя рысы [2, с. 25].

Усе гэтыя зычэнні, як правіла, выступаюць у форме кароткага выслоўя:

Дару каўбаску,

Жэлаю, кеб былі поўныя кваскі (в. Люсіна, 2017, 2 снежня).

Выключна важная роля ў будове зычэнняў належыць рыфме:

Дару грошы,

Каб вашы дзеці былі хорошы (в. Хатынічы, 2017, 18 лістапада);

Дару полотно,

Каб молодой ні стукалі чужыя хлопцы ў окно (в. Хатынічы, 2017, 11 лістапада);

Дару вам мыло,

Каб молодая заўсёды са свакроўю гаворыла міло (в. Хатынічы, 2017, 18 лістапада);

Дару вам сало,

Кеб молодая рано ўставала (в. Люсіна, 2017, 2 снежня);

Дару вас хлебом і соляю,

Шчасцем і доляю (в. Хатынічы, 2017, 6 лістапада).

Рыфма ў зычэннях бывае жаночая (*грошы — хорошы, мыло — міло, сала — уставала*), мужчынская (*полотно — окно*), дактылічная (*соляю — доляю*) і характарызуецца дакладнасцю. Яна цэментуе вершаваныя радкі, служыць сродкам выразнасці і экспрэсіўнасці. У сваю чаргу экспрэсіўнасць цесна звязана з эмацыянальнасцю. Эмацыянальнасць адлюстроўвае сэнсавыя адценні слоў і граматычных форм, якія характарызуюцца выражэннем пачуццяў, эмоцый у працэсе стварэння і ўспрымання тэксту [5, с. 7]. У апошнім з пададзеных зычэнняў звяртае на сябе ўвагу неўласцівы літаратурнай мове канчатак *-яю* для назоўнікаў трэцяга скланення (*соляю — доляю*), які ўжываецца не толькі для сугучнасці слоў у канцы радкоў, але і адлюстроўвае дыялектную асаблівасць формазмянення назоўнікаў.

Многія зычэнні маюць выразную рытмічную структуру. Нярэдка рытм выступае адзіным для ўсяго зычэння. З рытмічных памераў часцей за ўсё ўжываецца ямб — чаргаванне ненаціскага і націскага складоў:

Дару табе бурак,

Каб твой мужык не быў дурак (в. Хатынічы, 2017, 11 лістапада);

Дару капусту,

Каб молодая не была распушта (в. Хатынічы, 2017, 11 лістапада);

Дару тарэлкі,

Кеб малыды ні піў гарэлкі (в. Люсіна, 2017, 02 снежня);

Дару мэлісу,

Кеб у гаспадарцы пчолы і мёд вэліса (в. Люсіна, 2017, 2 снежня).

Іншы раз аснову зычэнняў складае амфібрахій — трохскладовая стапа з рытмічным націскам на сярэднім складзе:

Дару вас дугою,

Каб малыды не хадзіў за другою (в. Хатынічы, 2017, 11 лістапада).

Рытм надае ўсяму выказванню мілагучнасць, пывучасць.

Мастацкая выразнасць пажаданняў дасягаецца і праз выкарыстанне разнастайных тропай і стылістычных фігур.

Нярэдка ў пажаданнях выкарыстоўваюцца параўнанні, выражаныя словазлучэннямі і звязаныя са сказам параўнальным злучнікам *як*:

Дару тры капейкі медзі,

каб дзеці былі як мядзведзі (в. Хатынічы, 2017, 11 лістапада).

Такое параўнанне, нягледзячы на кароткі змест, мае глыбокі сэнс, таму што характэрная рыса беларускага фальклору — наяўнасць татэмістычных вераванняў і культураў (у прыватнасці мядзведзя). Вобраз мядзведзя звязаны з ідэямі здароўя, сілы, плоднасці і багацця [1, с. 305].

У іншых вёсках Палесся параўнанні выражаюцца разгорнутым параўнаннем-вобразам:

Скулько в лісы пыньков,

Коб стулько було в молодых сынков! [3, с. 518];

Скулько в хаті столов,

Скулько в столах дошчэчэк,

Коб стулько було сынов і дочэчок! [3, с. 518].

Гэтыя і іншыя зычэнні змяшчаюць **гіпербалы** — троп, заснаваны на рэзкім перабольшанні якіх-небудзь уласцівасцей чалавека, прадмета або з'явы з мэтай звярнуць на гэтыя ўласцівасці асаблівую ўвагу. У гіпербале, якую нельга разумець літаральна, выяўляюцца эмацыянальныя (станоўчыя або адмоўныя) адносіны таго, хто зычыць, да таго, што адлюстроўваецца:

Дару вам барозаву рошчу,

Каб малыды любіў сваю цёшчу (в. Хатынічы, 2017, 18 лістапада).

Розныя стылістычныя фігуры сэнсава і эмацыянальна ўзмацняюць зычэнні, надаюць ім экспрэсіўнасць.

У пажаданнях шырока выкарыстоўваецца **градацыя** (лац. *gradatio* паступовае ўзмацненне) — стылістычная фігура, якая заключаецца ў выкарыстанні аднародных слоў (словазлучэнняў, частак складанага сказа), што, размяшчаючыся паслядоўна, нагнаваюць або паслабляюць сілу эмацыянальна-сэнсавай

выразнасці мастацкага маўлення. За кошт градацыі дасягаецца эфект найбольшай выразнасці зычэння, узмацняецца яго сэнсавае і эмацыянальна-экспрэсіўнае значэнне:

*Каб жылося, валосо,
Быдло рогатэ, вэчка камната.
Каб пілоса, еласо,
І яшчэ хоцеласо* (в. Люсіна, 2017, 2 снежня).

У гэтым пажаданні эфект яркай выразнасці дасягаецца за кошт паслядоўнага выкарыстання аднародных дзеясловаў, ужытых у дыялектнай форме: *жылося, валосо, пілоса, еласо, хоцеласо*. Апошні дзеяслоў падводзіць вынік сказанаму: каб не проста *жылося, валосо, пілоса, еласо*, а каб жыццё задавальняла ўсімі названымі дзеяннямі і таму *хоцеласо* б яго паўтарыць.

У зычэннях можа выкарыстоўвацца **анафара** (грэч. *anaphora* вынясенне, аднясенне) — стылістычная фігура, што будзецца на паўтарэнні асобных слоў, выказаў, гукавых спалучэнняў у пачатку вершаваных радкоў, строф, сказаў, перыядаў, абзацаў:

*Няхай свакроў нявестку шануе,
Бо яна ў нас одна.*

Будзе другая, да не такая.

Будзе трэцяя, шчэ і горшая (в. Хатынічы, 2017, 11 лістапада).

Дзякуючы гэтай анафары, як экспрэсіўнай сінтаксічнай фігуры, тэксту надаецца яркасць, жвавасць, з дапамогай паўтору слова *будзе* падкрэсліваецца неабходнасць у нявестцы.

У некаторых зычэннях шырока выкарыстоўваюцца займеннікі:

Дару табе наматку,

На добру наматку (в. Хатынічы, 2017, 11 лістапада);

Дару вам жыта,

Каб вашым дзецям была жытка добра (в. Хатынічы, 2017, 6 лістапада).

У сваю чаргу гэтыя займеннікі з'яўляюцца і звароткамі да маладых, але ў некаторых зычэннях назіраецца зварот да маладых па імёнах, але зварот гэты не прамы, а ўскосны, выражаны праз займеннік *вам*:

Дару вам лёну,

Кеб малыды Іван любіў сваю Алёну (в. Люсіна, 2017, 2 снежня).

Аснову асобных зычэнняў складае **метанімія** — перанос назвы з аднаго прадмета на іншы на аснове іх сумежнасці. Метанімія, нараўне з метафарай, адносіцца да ліку найважнейшых і найбольш ужывальных сродкаў мовы. Выкарыстанне метаніміі дазваляе зрабіць думку больш яркай, лаканічнай, выразнай, надае адлюстраванай з'яве ці вобразу прадметную нагляднасць. Напрыклад:

Дару молодым медзякі,

Каб не слухалі чужыя языкі (в. Хатынічы, 2017, 18 лістапада).

У гэтым зычэнні сустракаецца асобны від метаніміі — сінекдаха: *чужыя языкі*. Такі сродак выразнасці дазваляе сцісла перадаць думку, «зэканоміць словы», зрабіць гутарку інтымнай, зразумелай толькі сваім.

Аснову асобных пажаданняў складае **рытарычны вокліч** — эмацыянальна афарбаваны сказ, у якім эмоцыі, нават не выражаныя лексічнымі і сінтаксічнымі сродкамі, абавязкова выражаны інтанацыйна [5, с. 42]:

Дару цыбулю,

Каб молодая не показвала свакрыве дулю! (в. Хатынічы, 2017, 11 лістапада);

Дару вам капусту

Кеб на вашам сталі ніколі

Не было пусто! (в. Люсіна, 2017, 2 снежня);

Дару палатняну сарочку

Кеб молодая ўрадзіла

Харошу дочку! (в. Люсіна, 2017, 2 снежня).

Заклучэнне. Мастацкая выразнасць беларускіх вясельных зычэнняў у значнай меры дасягаецца іх рытмічнай і гукавой арганізацыяй. Рыфма — жаночая (*грошы — хорошы*), мужчынская (*полотно — окно*), дактылічная (*соляю — доляю*) — характарызуецца дакладнасцю і цэментуе вершаваныя радкі, служыць сродкам выразнасці і экспрэсіўнасці. Рытм (часцей ужываецца ямб) надае ўсяму выказанню мілагучнасць, пывучасць. Выразнасці і эмацыянальнасці зычэнняў служаць таксама разнастайныя тропы і стылістычныя фігуры: гіпербалы, параўнанні, градацыі, анафары і інш.

Спіс цытаваных крыніц

1. Беларускі фальклор : энцыклапедыя : у 2 т. — Мінск : БелЭн, 2005. — Т. 1 : А—К / рэдкал. : Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. — 766 с.
2. Вяселле: абрад / рэдкал.: В. К. Бандарчык [і інш.]; уклад, уступ. арт. і камент. К. А. Цвіркі; муз. дадат. З. Я. Мажэйка; рэд. тома: В. К. Бандарчык, А. С. Фядосік; НАН Беларусі, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя К. Крапівы. — 2-е выд. — Мінск : Беларус. навука, 2004. — 683 с.
3. Песенны фальклор Палесся : у 3 т. / У. І. Раговіч. — Мінск : Чатыры чвэрці, 2002. — Т. 2 : Вяселле. — 590 с.
4. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы : больш за 65 000 слоў / пад рэд. І. К. Капылова; НАН Беларусі, Цэнтр даследаванняў беларус. культуры, мовы і літаратуры, Ін-т мовазнаўства імя Якуба Коласа. — Мінск : БелЭн імя Петруся Броўкі, 2016. — 967 с.
5. Шандроха, Н. Э. Экспрэсіўны сінтаксіс : вучэб.-метад. дапам. / Н. Э. Шандроха. — Гродна : ГрДУ, 2002. — 62 с.

ЯЗЫК И НАЦИОНАЛЬНОЕ МИРОВОСПРИЯТИЕ

Введение. Язык как система знаков любой физической природы служит средством осуществления человеческого общения и мышления. Это явление общественно необходимое и исторически обусловленное. Представители разных наук изучают язык как феномен, однако по сей день остается много неисследованных вопросов (возникновение, развитие и т. д.). Важность языка и речи как средств овладения знаниями, формирования сознания и самосознания (индивидуального, общественного, этнического), механизма мышления бесспорна.

Основная часть. Язык и слово, как его основная лексическая единица, лежат в основе мышления. Исходя из того, что этот вид мышления представляет собой оперирование понятиями, которые обозначены словами, исследователи Э. Сепир, В. Гумбольдт, А. Потебня, А. Братко-Кутинский, И. Каганец и другие обосновывают систему взглядов, согласно которым в случае отсутствия в том или ином языке слов, обозначающих определенные понятия, эти понятия для представителя соответствующего этноса часто становятся недоступными [1—3; 5—8]. Кроме того, Э. Сепир выдвинул утверждение, что сознание человека, его восприятие, мышление обусловлены структурами языка; вместе с языком, который человек усваивает, он получает и определенную языковую картину мира. Подобные взгляды в свое время высказывал немецкий филолог, философ, языковед и дипломат Вильгельм Гумбольдт. Ученый указывал, что язык формирует мысль, имеет внутреннюю форму как выражение индивидуального мировосприятия народа. Разные языки — это не просто разные оболочки общечеловеческого сознания, но и разное видение мира. «В каждом языке заложено самобытное мировосприятие, — писал ученый. — Как отдельный звук стоит между предметом и человеком, так и весь язык в целом выступает между человеком и природой, что влияет на него изнутри и извне. Человек окружает себя миром звуков, чтобы воспринять и усвоить мир предметов. Из-за того, что восприятие и деятельность человека целиком зависит от его представлений, то его отношение к предметам целиком обусловлено его языком. Тем самым актом, которым он творит язык, человек отдает себя в его власть: каждый язык описывает вокруг народа, которому принадлежит, круг, откуда человеку дано выйти только постольку, поскольку он тут же вступает в круг другого языка» [1, с. 80].

Язык воспринимается как соединительный элемент между отдельным человеком и ментальностью нации, к которой он принадлежит, причем благодаря языку возможно не только отыскать эту связь на современном этапе, но и проследить ее развитие в ходе всей истории нации и общества. Все элементы народной культуры находят отражение в языке определенного народа, который отличает их от других именно в силу специфики отражения в нем мира и человека. Менталитет народа, его мировоззрение, характер влияют на своеобразие языка. Отсюда различие языков — прежде всего различия мирозерцания. Как справедливо заметил митрополит Илларион (Иван Огиенко), «язык — это наш национальный признак, в языке — наша культура, степень нашего сознания... Язык — душа каждой национальности, его самое ценное сокровище... Язык — это не только простой символ понимания, потому что он создается в определенной культуре, в определенной традиции. В таком случае язык — это самое светлое выражение нашей психики, это самый первый страж нашего психического «я».

Каждый народ эксплицирует в языковые формулы особенности своего мировосприятия. Он не только «фотографирует», интерпретирует мир средствами языковой символики, но и создает свой ментальный портрет мира. В национальном языке есть неисчерпаемый арсенал языковых артефактов — образов, символов, знаков, которые воплощают в себе результаты познавательной деятельности всей этнокультурной общности. Национальный язык своим неповторимым образом интерпретирует различные явления, традиции, обычаи, обряды, образ жизни, кодирует опыт коллективно-исторической группы. Например, для образной характеристики упорного храброго человека или вообще парня, юноши украинцы употребляют лексику *казак*. Вербальное мышление зафиксировало фрагмент исторического опыта национальной картины мира. Казаками в Украине XV—XVIII веков называли свободных людей из крестьян или городской бедноты, которые бежали на южные земли и участвовали в освободительной борьбе против татаро-турецких и польских захватчиков. А на выборе объекта для придания ему женского рода, как отмечает Н. Холодный, отразилось отношение в обществе к самой женщине: рус. *тополь* — укр. *тополя*, рус. *лошадь* — укр. *кінь*. Конь для казака — верный товарищ, который никогда не предаст и понимает радости и печали своего хозяина. С другой стороны, «лошадь» и «женщина» покорно сносили все издевательства. Одним из ярких примеров преобразования законов врожденного (украинского) языкового архетипа на ничем другим не обусловленную теоретическую конструкцию известна идея тотальной омонимии (однозначности) слов, которая принадлежит харьковскому лингвисту А. Потебне.

Проиллюстрировать этот механизм омонимизации можно следующим примером. Носители украинского языка достаточно свободно употребляют одни и те же слова то как существительные, то как предлоги (*кінець, коло, край, круг* и т. д.). В русском языке такое «предложное» употребление аналогов до перечисленных украинских слов фактически не случается, поскольку носители этого языка, как отмечают исследователи, во-первых, лишены архаического чувства парадигматического единства существительных и прилагательных, а во-вторых, в отличие от украинцев воспринимают семантику каждого подобного слова только как вариант, а не как инвариант.

Итак, истинная и объективная картина мира отражена в различных языках неодинаково. Структура лексико-семантических полей различных языков не совпадает. Благодаря языку, как отмечает Оксана Забужко, уроженец Борнео видит 37 оттенков зеленого цвета, чего не видим мы, а нам *хата* (женщина) бессознательно кажется теплее, уютнее, чем *дом* (мужчина), и этого не поймет англоязычный человек, в чьем сознании не существует рода для неодушевленных предметов [4, с. 103]. Например, и немцам, и украинцам знакомы такие виды растительного мира, как *дуб* (дерево) и *калина* (куст). Однако видение их разное. У украинцев слово *дуб* кроме своего основного значения имеет еще много дополнительных, конотативных оттенков. Это — символ мужества, человеческого достоинства, силы могущества, стойкости (но могут быть и некоторые негативные конотации); калина символизирует нежность, красоту, чистоту девушки, любовь, Украину. У немцев такие образы невозможны прежде всего потому, что существительное *дуб* женского рода, а слово *калина* — мужского.

Некоторые явления, как отмечает А. Потебня, язык игнорирует (для отдельных цветов, например, полностью нет названий), а другие — нет. Поэтому язык настраивает весь механизм мысли особым, так сказать, индивидуальным образом. Итак, носители разных языков могут видеть мир сквозь призму своих языков. Различия в мировосприятии и мировоззрении проявляются и в действиях, поступках, индивидуальных стилях деятельности, особенностях поведения и т. п. Для подтверждения проследим этимологию и психосемантическое значение некоторых украинских и российских понятий, рассмотрим варианты возможных различий в мировосприятии. Например: *безделица* ‘без дела, не пригодна к делу’ — *дрібниця* ‘дрібне’; *внушительный* (мужчина) ‘способный внушить что-то’, *внушение* ‘воздействие на психику’ — *поважний* ‘заслуживающий уважения’; *больница, терпеть боль, болеть, страдать, пагуба, зло* (основная сема ‘боль’ — *лікарня, вилікування, одужання, лікувальний, вилікувати, виліковий* (основная сема ‘давать здоровье’); *жена* от *женщина*, ‘дружина’ от *друг, дружити, ‘супруга’* — ‘спутник, товарищ’; *супруги* ‘упряжка’, *спряжитися* ‘состоять в половой связи’ — *подружжся* от *подружній, по дружбі*.

Наряду со словами, которые при переводе не меняют или почти не меняют своего смыслового значения, выявлены определенные различия в особенностях психологической перцепции. Эти особенности отразились в языковых единицах — словах, а затем и в смысле тех или иных понятий.

Заключение. Язык существенно влияет на формирование сознания и самосознания, систему представлений человека о мире, а это значит, что и на поступки, поведение и т. д. Чем больше разница между словами, тем больше разница между особенностями мировосприятия среди носителей этих языков. Познавая родной язык, мы познаем правду о самих себе. А изучение нового языка равнозначно приобретению нового взгляда на предварительное мировосприятие, потому что каждому народу присущ свой уникальный способ мышления и видения мира.

Список цитируемых источников

1. Гумбольдт, В. Избранные труды по языкознанию / В. Гумбольдт. — М. : Прогресс, 1984. — 400 с.
2. Большой психологический словарь / сост. и общ. ред. Б. Мещеряков, В. Зинченко. — СПб. : Прайм-ЕВРОЗНАК, 2005. — 632 с.
3. Етимологічний словник української мови : у 7 т. / АН УРСР, Ін-т мовознавства ім. О. О. Потебні ; редкол.: О. С. Мельничук (гол. ред.) [та ін.]. — Київ : Наук. думка, 1983.
4. Забужко, О. Хроніки від Фортінброса. Вибрана есеїстика 90-х / О. Забужко. — Київ, 1999.
5. Каганець, І. Нація золотих комірців. Психоінформаційна концепція України / І. Каганець. — Тернопіль : Мандрівець, 2005.
6. Потебня, А. Основы поэтики : хрестоматия по истории рус. языкознания / А. Потебня. — М., 1973.
7. Сепир, Э. Положение лингвистики как науки / Э. Сепир // История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях / В. А. Звегинцев. — М. : Просвещение, 1964. — Т. 1. — 450 с.
8. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер. — М. : Прогресс, 1979. — 576 с.

ИМИДЖ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДЕЯТЕЛЯ В МАТЕРИАЛАХ РУССКОЯЗЫЧНЫХ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Введение. Во всех странах мира во главе государства стоит лидер, которого особенно интересует свой облик в глазах потенциальных избирателей, то впечатление, которое он оказывает на них. В кризисных ситуациях, когда партийные программы и лозунги не оказывают должного воздействия на народ, имидж политика, создаваемый посредством СМИ, начинает играть первоочередную роль.

Исследователь Т. Ю. Давыдова представляет образ политического деятеля как «совокупность имиджевой и содержательной стороны, когда политический имидж может создаваться как усилиями самого политического лидера, так и усилиями печатных и электронных СМИ» [1, с. 37]. С позиции исследователя, современный политик «помимо характера, биографии, стиля и манеры поведения должен располагать безупречным внешним видом, от которого во многом зависит его успех. Вместе с тем успешность политика во многом зависит и от личностных качеств, к которым можно отнести ораторские способности, мыслительные возможности, кругозор, образованность, коммуникабельность, убежденность, решительность, требовательность и компетентность. Немаловажную роль в успехе политической деятельности лидера играют также харизма и обаяние, гендерный тип и выраженность индивидуальных черт, манер» [1, с. 98].

Основная часть. Данное исследование направлено на определение способов создания политического имиджа А. Меркель в русскоязычных СМИ на основе анализа текстов интернет-изданий: www.politrussia.com, www.vesti.ru, www.pravda-tv.ru, www.lenta.ru, www.izvestia.ru, www.ria.ru, www.news-front.info, www.bbc.com, www.compromat.ru, www.newsland.com, www.ru.euronews.com, www.gazeta.ru общим объемом 97 статей.

Следует отметить, что в трудах Ф. Гуцалы и С. Л. Недбаевского политический имидж рассматривается как «целенаправленный образ политика, который способен осуществить эмоционально-психологическое влияние на определенных людей или социальную общность. Имидж — это специально создаваемый, преднамеренно формируемый политический образ для достижения поставленных целей. Другими словами, образ политика — это публичная сторона его личности, обращенная непосредственно к народу» [2, с. 26].

В ходе анализа эмпирического материала нами установлено, что как русскоязычные, так и зарубежные журналисты и политики подвергают анализу политическую деятельность и стиль правления канцлера, а также делают прогнозы политического будущего А. Меркель. Для русскоязычных журналистов А. Меркель — политик, который обрёл славу благодаря своей губительной миграционной политике, который поддался влиянию США и ведёт свою политику так, как удобно заокеанским соседям. С одной стороны, немцы любят и уважают своего канцлера, а с другой — давно устали от её правления. По мнению журналистов, электорату ФРГ надоел политический курс канцлера, её политика наобум. Народ стесняется канцлера и хочет видеть у власти достойного политика. Например: *стиль правления Ангелы Меркель можно описать как «доверьтесь нам, мы знаем, как лучше»*. В наш век референдумов и господства соцсетей это не самый модный подход. Но она не следует за модой, она выступает в роли лидера. Не все с ней согласны, и такой подход не лишен рисков. Но Меркель не привыкла менять свою позицию. И не намерена этого делать и на этот раз.

Что касается русских политиков, то они критикуют миграционную политику, обвиняют А. Меркель в неверности своему народу и упрекают в наложении санкций на Россию. А лидер партии ЛДПР сравнил политику канцлера в отношении Украины с политикой Гитлера. Например: *скандальный российский политик, лидер ЛДПР Владимир Жириновский сравнил федерального канцлера Германии Ангелу Меркель с Адольфом Гитлером, которой удалось «оторвать» Украину*.

Всё вышеизложенное свидетельствует о том, что русскоязычные политики подвергают большей частью критике политические действия и политический стиль А. Меркель.

Психологические аспекты деятельности тех, кто «делает» политику, всегда вызывают неослабевающий интерес исследователей. Этот интерес невозможно удовлетворить без изучения личностных качеств политических деятелей и побудительных мотивов их действий. Как самим политикам, так и общественности целесообразно иметь развернутые представления о характере и объеме влияния личности на политику государства. Именно поэтому в русскоязычных СМИ можно часто встретить упоминание *характера* канцлера (42 единицы, 12%). Так, А. Меркель, как и любой человек, имеет положительные и отрицательные черты характера. К положительным чертам журналисты относят работоспособность, крепкие нервы, сдержанность, а к отрицательным — упрямство, предательство, трусость. Она верна старым устоям, консервативна и традиционна. Например: Меркель обладает обостренным чувством справедливости и *живёт по принципу «жить не по лжи»?* Не исключено. *Ждала момента, пока старик (Коль) просчитается?* Возможно.

Любой известный политик, и А. Меркель не исключение, 24 часа в сутки находится под пристальным вниманием журналистов. Все сферы её жизнедеятельности освещаются в СМИ, даже *личная жизнь*

(15 контекстов, 4%). И хотя личная жизнь канцлера не относится прямо к её профессиональной деятельности, она может как помочь построить карьеру, так и провалить её. Личная жизнь А. Меркель не насыщена пикантными подробностями. На католическое Рождество журналисты выследили и выяснили, что и где канцлер покупает к празднику. А народ давно уже знает марку автомобиля и адрес дачи канцлера. Например: зато ей (Меркель) присуще скромное обаяние «обыкновенной немецкой женщины», *которая в свободное время ездит по магазинам на автомобиле “Volkswagen Golf” и выращивает за городом овощи.*

Развитие средств массовой информации и политического рынка предъявляют новые требования к субъектам власти и их деятельности. Одним из основных требований к их деятельности становится завоевание доверия электората — объекта власти, так как власть ассоциируется с конкретной личностью. А завоевание доверия возможно только благодаря лаконичной и убедительной *речи* политика (15 единиц, 4%). Речь канцлера зависит от ситуации: то она логичная, сухая, жёсткая, ироничная, то говорит без резких выпадов и выражений. Журналисты отмечают, что госпожа Меркель никогда не была выдающимся оратором, чем сложнее ситуация с миграционным кризисом, тем более растерянно и неуверенно произносит канцлер даже свою знаменитую фразу “Wir schaffen das”. Например: на все альтернативы европейских коллег Меркель отвечает *ледяным отказом.*

Поведение — качественная характеристика того, как поведёт себя человек в той или иной ситуации. **Поведение** А. Меркель (10 единиц, 3%) нельзя назвать прилежным. Она жестоко и расчётливо обошлась не только со своим бывшим сторонником и экс-канцлером Г. Колем, написав пару статей в известные немецкие издания и тем самым разоблачив его денежные махинации, но и со своими одноклассниками. В свою очередь Г. Коль спустя много лет обвинил госпожу Меркель в неумении пользоваться столовыми приборами и отсутствии знаний столового этикета. А когда канцлер не находит слов, она прибегает к языку тела. Например: в своё время расчётливый Коль был замешан в неприятностях с так называемой «черной кассой» и отмывом партийных средств. *Угадайте, чьи ножки застучали по немецкой брусчатке быстрее всех в гонке с доносами на Коля? Правильно, милая и скромная Ангела первой кинулась во влиятельную немецкую газету со статьей о просьбе отстранить Коля от занимаемой должности.*

За четверть века пребывания в политике А. Меркель предстаёт в русскоязычных СМИ не просто как защитник интересов своей страны. Она стала главным архитектором европейского интеграционного проекта, его гарантом. Феноменальная работоспособность помогла ей приобрести знания, умения, навыки, необходимые для политических и государственных деятелей её уровня. Создав в начальный период нахождения у власти впечатление о себе как о слишком жёстком политике и даже заслужив звание «тевтонской Маргарет Тэтчер», А. Меркель со временем стала действовать в соответствии с выражением классика «Иди в открытый мир». Сегодня её называют самой влиятельной женщиной планеты.

Заключение. Имидж политического деятеля, в частности А. Меркель, включает те человеческие характеристики, которые соответствовали представлению о лидере в рамках норм, сложившихся в немецком сообществе. Всё это способствует закреплению информации о могуществе канцлера и определённых успехах в её политической жизни.

Список цитируемых источников

1. Давыдова, Т. Ю. Коммуникативные стратегии, используемые при формировании политического имиджа / Т. Ю. Давыдова // Вестн. Моск. ун-та. Полит. науки. — М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2006. — Вып. 3. — С. 96—106.
2. Гуцал, А. Ф. Имиджология / А. Ф. Гуцал, С. Л. Недбаевский. — М., 2002. — 280 с.

УДК 882.6-1Купала

В. А. Сянчыла

Установа адукацыі «Баранавіцкі дзяржаўны ўніверсітэт», Баранавічы

ПАЭТЫКА ЗАМОВЫ Ў ТВОРАХ ЯНКІ КУПАЛЫ

Уводзіны. Фальклорная традыцыя ва ўсіх яе формах паўплывала на мастацкую свядомасць беларускіх твораў. Асабліва выразна гэта праявілася ў пачатку ХХ стагоддзя, калі нацыянальнае слоўнае мастацтва стваралі Янка Купала, Якуб Колас, Максім Гарэцкі, Максім Багдановіч і інш. Уладзімір Гніламёдаў сцвяржаў, што «ранняя творчасць Янкі Купалы — гэта ўзор міфатворчага мыслення ранняга Купалы, пераймання ім не толькі паэтычных матываў Ф. Багушэвіча, але і традыцыйнага фальклору» [3, с. 9].

Асноўная частка. Замовы (у народзе іх яшчэ называюць заговарамі, нагаварамі, шэптамі) — гэта славесныя формулы, якім надавалася магічнае значэнне. Замовы — жанр вуснай народнай творчасці, які ў сучасны момант у жывым бытаванні амаль не сустракаецца [5, с. 205]. Разам з тым І. І. Крук, Л. М. Салавей, В. Д. Ліцвінка і іншыя сучасныя збіральнікі і даследчыкі беларускага фальклору

падкрэсліваюць: «Пры больш шчыльным уліку беларускага матэрыялу беларускія замовы склалі б дзве трэці часткі ўсяго фонду замоўных тэкстаў усходніх і паўднёвых славян. Ва ўсякім разе можна ўпэўнена гаварыць пра незвычайнае пашырэнне замоўнай практыкі і багацце жанру замоў на беларускай этнічнай прасторы» [5, с. 321].

Сучасны фалькларыст Л. М. Салавей ва ўступным артыкуле «Традыцыйная магія ў нашы дні» да тэкстаў замоў, сабраных студэнтамі БДПУ падчас палявой практыкі, адзначае: «У мінулым замовы былі шырока распаўсюджаны ў быццё і мелі чыста ўтылітарнае значэнне: з дапамогай слова, магічнага дзеяння ператвараць жаданае ў рэальнасць, падобным выклікаць падобнае. Нягледзячы на пашыранасць сярод сялянства, замовы больш за ўсё знаходзіліся на ўзбраенні вузкай групы людзей — “прафесіяналаў”, так званых шаптуноў, чараўнікоў, ведзьмароў, якія з мэтай замацавання ў насельніцтва веры ў магічную сілу слова нярэдка выкарыстоўвалі рацыянальныя сродкі народнай медыцыны, чым забяспечвалі больш устойлівае месца гэтаму віду творчасці ў народзе» [2, с. 4].

У творах беларускіх пісьменнікаў часта паэт малюецца як маг, чараўнік, які ведае слова і верыць у яго сілу. Так, Я. Купала сцвярджаў бясмерце, сілу роднага слова, пра што сведчыць аднайменны верш:

Магутнае слова, ты, роднае слова!
Са мной ты наяве і ў сне;
Душу ты мне затрэсла пагудкаю новай,
Ты песень наўчыла мяне [4, с. 109].

Эпітэты «магутнае», «бясмертнае», «свабоднае», якімі надзялае паэт беларускае слова, сцвярджаюць думку пра сілу ўздзеяння роднай мовы на чалавека, каштоўнасць яе старажытнай гісторыі, заканамернасць права на вольнае бытаванне нацыянальнага слова. Эпіфара «роднае слова» ўзмацняе эпічнасць, маштабнасць, гімнаграфічнасць мастацкага тэксту. Для беларускага класіка вобраз чараўніка мае станоўчае значэнне. У Я. Купалы ён з’яўляецца носьбітам памяці аб слаўнай мінуўшчыне, дзе процак жыў свабодна і чэсна. Чараўнік — галоўны герой аднайменнага твора, вершаванай казкі:

Трох сыноў чараўнік на свет белы выводзіў,
Трох сыноў, што хаваў узаперці;
Шэпты-чары тварыў ён над імі на ўсходзе, —
Як жыць лепей, як лепей памерці [3, с. 56].

Магія слова чараўніка збылася, бо кожны з сыноў атрымаў тую долю, аб якой папярэдзваў бацька. Першы сын выбраў ўсходні напрамак: «Як сам цар-Грамавік, чую ў жылах пажары: // Сонцы б новыя сеяў па небе, // Абвярнуў бы сялібныя ў полым абшары // І свет цэлы спаліў бы ў патрэбе» [3, с. 61]. Другі — аддаў перавагу заходняму шляху: «Прыпадаў к мёртвым краскам грудзьмі і душою, Саграваў сэрца лозы і шышкі, Выцвітаў, аж і стаў — чым быў — чорнай зямлёю —, // Звесць не звёў недахваткі і лішкі» [3, с. 61]. Трэці сын выбірае шлях, долю бацькі, становіцца чараўніком у родным забраным краі: «Трэці брат загаловы здымаў з папялішча, // Знаць даваў моц іх спячым народам; // На вяліве новых прыпеваў ігрышча // Выступаў — адступаў верхаводам» [3, с. 61].

Функцыя замоў — уздзеянне менавіта словам — вызначае асаблівасці мовы паэтычных прыёмаў, рытмічнай, гукавой арганізацыі тэкстаў, іх інтанацыйнага, эмацыянальнага ладу. Багацце і разнастайнасць эпітэтаў (скразны, таўталагічны, паясняльны, метафарычны, пастаянны), розныя паўторы, багацце суфіксальных утварэнняў, спалучэнне праявічнай і рытмізаванай мовы — усё падпарадкавана мэце ўзмацніць сілу слова і адначасова надаць замовам эстэтычную каштоўнасць [1, с. 237]. Янка Купала — майстар выкарыстання народнай паэтычнай лексікі: сталых эпітэтаў, параўнанняў, якія замацаваліся ў народзе і маюць вытокі ў замовах. У вершы-пажаданні «Беларускай выдавецкай суполцы “Загляне сонца і ў наша аконца”» шмат такіх сродкаў: «зоркаю яснай», «сцежкі цямот», «яснеючы зоркай», «шчаслівасці час».

Як вядома, магічныя дзеянні амаль заўсёды суправаджаліся заклінаннямі. Слова наогул з’яўляецца адным з асноўных сродкаў магіі. Вера ў магутную сілу слова заўсёды была моцнай, бо трэба было паўплываць на наваколны свет, выклікаць неабходную з’яву. Слова ўспрымалася як дзеянне, яно арганічна злівалася з дзеяннем, тлумачыла і як бы замацоўвала яго. Замовам уласціва ўстойлівасць формы, наяўнасць стэрэатыпных прыёмаў і формул, з якіх яны складаюцца. Побач з замовамі-параўнаннямі («Як у гэтай кучы мурашак вядзецца, хай і грошы ў мяне водзяцца. Амін») існуе мноства форм без прыёму параўнання: замовы-звароты («Варона-сарока, вынь парушынку з вока»); замовы-просьбы, замовы-малітвы («Ва імя Айца і Сына і Святога Духа. Амін. Памоліся, паклоніся Госпаду Богу і Духу Святому, усім святым святочкам, гадавым празднічкам, большым і меншым, Прычыстае Маці на помач стаці, у каровы ўрокі, прыгаворы вымаўляці»); замовы-пажаданні («Соль табе ў вочы, дзярках у зубы, цёрла ў горла, голкі ў пяты, каб не зайшоў да хаты! Што благое думаеш, забірай усё сабе»); замовы — лекавыя парады, замовы эпічныя і інш. Назвы многіх вершаў Янкі Купалы сведчаць аб прадаўжэнні фальклорнай традыцыі — «Чаго б я хацеў», «Не клянціце мяне», «Мая малітва», «Не чапайся, панічок», «Маладым на вяселлі», «Пакахай мяне, дзяўчынка», «Цару і неба і зямлі», «Паўстань», «Беларускім партызанам».

Аналізуючы жанр замовы, Л. М. Салавей паглыбляецца ў гісторыю даследавання пытання, якое цікавіла яшчэ Адама Кіркора, Еўдакіма Раманава, Паўла Шэйна, Міхаіла Федароўскага, Адама Багдановіча, Яфіма Карскага, і прадстаўляе сваю класіфікацыю жанру: падбор шлюбных пар, адносіны ў сям’і; цяжарнасць, роды, гадаванне дзіцяці; ахоўныя, засцерагальныя замовы і дзеянні; ахоўныя папераджальныя,

супраціўныя і загойваючыя замовы і чыннасці ад шкадлівага ўздзеяння на псіхіку; ахоўныя і прадудыруючыя магію дзеля поспеху ў гаспадарцы, ахоўныя, ад хвароб і на добрую прадуктыўнасць каровы [2, с. 517]. Замова, як і любы магічны сродак, была ў нашых продкаў універсальным, ахоўным, папераджальным сродкам, які мог адхіліць ці адмяніць нават будучыя нежаданыя падзеі на ўзроўні вестак аб іх [2, с. 10].

Адным з частых спосабаў узмацнення замовы з'яўляецца зварот да цудоўных памочнікаў, прыродных і надпрыродных сіл. Замова — гэта своеасаблівая славесная формула, якая паводле прымхлівых уяўленняў мае магічную сілу — здольна абавязкова ўздзейнічаць у пажаданым кірунку на знешні свет. Да нябеснага свяціла Я. Купала звяртаецца ў вершы «Песня сонцу», дзе маг-заклінальнік просіць аб сонечнай, яснай долі свайму крывіцкаму народу з «туманых нізін»:

Аднаві славу нашай старонцы,

Аднаві яе сумны народ! [4, с. 138].

Заклучэнне. Янка Купала — народны, нацыянальны паэт. Яго творчасць увасабляе ўяўленні беларускага народа пра шчасце, свабоду, гісторыю і будучыню. Шляхі да раскрыцця глабальных мастацкіх ідэй мастак слова бачыў у звароце да вуснай народнай творчасці, плённа выкарыстоўваючы вобразна-персанажны і жанрава-паэтычны аспекты. Паэтыка замовы паўплывала на мастацкае аблічча лірычнага героя, на выбар паэтычных прыёмаў, рытмічнай, гукавой арганізацыі тэкстаў, іх інтанацыйнага, эмацыянальнага ладу.

Спіс цытаваных крыніц

1. Беларускі фальклор : энцыклапедыя : у 2 т. / рэдкал.: Г. П. Пашкоў [і інш.]. — Мінск : БелЭН, 2005. — Т. 1. — 768 с.
2. Замовы / уклад.: У. А. Васілевіч, Л. М. Салавей. — Мінск : Беларусь, 2009. — 519 с.
3. *Купала, Я.* Поўны збор твораў : вершы, пераклады 1904—1907 : у 9 т. / Я. Купала. — Мінск : Маст. літ., 1995. — Т. 1. — 462 с.
4. *Купала, Я.* Выбраныя творы / Я. Купала. — Мінск : Беларус. кнігазбор, 2002. — 640 с.
5. Міфалогія. Духоўныя вершы / А. М. Ненадавец [і інш.]; навук. рэд. А. С. Фядосік. — Мінск : Беларус. навука, 2003. — 471 с.

УДК 821.161.3:82-31Купрэў

В. М. Яромліч

Установа адукацыі «Баранавіцкі дзяржаўны ўніверсітэт», Баранавічы

АДМЕТНАСЦЬ ТВОРЧАЙ АСОБЫ МІКОЛЫ КУПРЭВА

Уводзіны. Хто такі Мікола Купрэў? Далёка не ўсім беларускім чытачам вядома імя гэтага вандроўнага творцы, паэта, празаіка. Пакуль што яго творчасць не заняла належнага месца ні ў школьнай, ні ва ўніверсітэцкай праграмах па айчыннай літаратуры. Ёй прысвечана не вельмі значная колькасць навуковых даследаванняў. Аднак знаёмства з творамі М. Купрэва і тымі мемуарна-біяграфічнымі і літаратурна-крытычнымі крыніцамі, што ёсць у сучасным культурным набытку, выявіла яго як неардынарнага пісьменніка з драматычным лёсам, вартага больш пільнай увагі і дасканаллага вывучэння.

Асноўная частка. Мікола Сымонавіч Купрэў нарадзіўся 25 мая 1937 года на Гомельшчыне, у вёсцы Ямнае Рагачоўскага раёна. У 1943 годзе пры арышце бацьку фашысты паранілі, а пасля жывой закапалі яго маці. «... Яе забілі ў вайну, калі мне было пяць гадоў», — узгадвае Мікола Сымонавіч у гутарцы з Леанідам Галубовічам [1, с. 9]. Пазней гэтая трагедыя неаднойчы адгукнецца рэхам у яго творах...

Адразу пасля вайны сям'я пераехала з Рагачоўшчыны на Брэстчыну. Спачатку жылі ў вёсцы Пескі Бярозаўскага раёна, а затым, у 1953 годзе, пераехалі ў вёску Міхнавічы Івацэвіцкага раёна, дзе хлопец выхоўваўся бацькам і мачыхай. У ціхай палескай вёсцы Пескі і выявіліся літаратурныя здольнасці Міколы, што не засталася па-за ўвагай настаўнікаў. У дзявятым класе ён выступае на абласной нарадзе перад Янкам Брылём, які станоўча ацаніў, а таксама заахоціў таленавітага юнака да творчасці. Пасля заканчэння Івацэвіцкай сярэдняй школы Мікола паступае на факультэт беларускай і рускай мовы і літаратуры Брэсцкага педагагічнага інстытута. У шасцідзясятыя гады настаўнічае ў Чудзінскай сярэдняй школе Ганцавіцкага раёна. У «Палескім дзённіку» Міколы Сымонавіча чытаем: «Вось і ўсё. Пачынаецца новае. Дык дзе ж гэты Чудзін? <...> Дастаў карту раёна: ад майго стала да Чудзіна 105 кіламетраў. Цудоўна. “Чудны” Чудзін. Яшчэ не ўбачыўшы яго, я ўжо, здэцца, жыву там, іду па беразе Лані, прыемна моршчуся ад журавін, рукамі выпцягваю ногі свае з балота, потым на змярканні іду вуліцай і ўсім цёткам, што сядзяць і гамоняць ля хат, кажу “Добры вечар”» [4, с. 74]. Пасля былі іншыя месцы працы: вёска Сташаны Пінскага, Малькавічы Ганцавіцкага, Папялёва Пружанскага раёнаў.

Адным з вучняў Міколы Сымонавіча Купрэва ў Чудзінскай школе падчас яго працы на пасадзе завуча і настаўніка літаратуры быў Алесь Каско, а ў Сташанах — Мікола Антанойскі і Анатоль Шушко, якія таксама мелі літаратурныя здольнасці. Вось як успамінае пра гэта настаўнік і пісьменнік:

«У шасцідзесятых гады <...> я ўжо лічыўся маладым паэтам, друкаваўся ў “Малодосці” і мясцовых газетах. Мае вучні ведалі пра гэта. Адзін з іх — Алесь Каско — усур’ез заняўся паэзіяй і з цягам часу стаў вядомым паэтам...<...> Потым я працаваў у Сташанах Пінскага раёна, таксама ў школе. Тут мае вучні ведалі, што ў мяне ёсць кніжачка вершаў. Гэта некаторых інтрыгавала і “падбівала” на свае вершы. Сярод гэтых некаторых былі Мікола Антанюскі і Анатоль Шушко. ...Усе тое, калі былі вучнямі, вершаў мне сваіх не паказвалі. <...> Толя Шушко прызнаваўся нават у тым, што цікаваў за мною з-за дрэва, з-за куста, калі летам я прыходзіў да сажалкі, і ён глядзеў, ці пішу я там што. А потым ён прыбягаў дахаты і пісаў сам» [1, с. 7].

Васіль Сахарчук так напісаў у сваім артыкуле «Вяртанне вечнага вандроўніка»: «Мікола Купрэў усе робіць надзіва рэдка. Рэдка каму звоніць і піша. Рэдка бывае дома (дый ці ёсць у яго той дом?!). Рэдка натхняецца на вершы, рэдка друкуе іх, рэдка выдае. Рэдка папярэджвае пра сваё з’яўленне і яшчэ радзей — пра знікненне» [3, с. 254]. І гэта на самай справе так: з 1967 па 1986 год Мікола Купрэў знікае і з літаратурнай дзейнасці, і як бы з самога сябе. Аб прычынах гэтага знікнення гаварыць цяжка. «Пра іх Мікола мала каму расказваў, і ўвогуле ён не любіў скардзіцца. Ягонья пуцявіны пралеглі праз усю Беларусь, а ў большасці праз Палескі край. Лягчэй сказаць, у якіх населеных пунктах Мікола не пабываў. Час ад часу ён уладкоўваўся на працу, але доўга там не затрымліваўся — ехаў ці ішоў далей па нязведаных сцежках і дарогах» [5, с. 297]. Па ўсім відаць, што ў жыцці і ў творчасці Мікола Купрэў увесь час знаходзіцца ў дарозе. Таму становіцца зразумелым захапленне пісьменніка вандроўкамі і цягнікамі. Натуральна, што гэта гэма становіцца дамінуючай у творах Міколы Сымонавіча (верш «Сцежка», балада «Вяртанне аблудных сыноў (1772—1992)»).

Можна сказаць, што Мікола Купрэў — творчы вандроўнік, таленавіты мастак без прыстанішча.

А ўседзець не мог

І за тлумным сталом,

У хаце ці недзе ў іншым прыстанішчы...

<...> З гадамі прывык

Жыць лясным бабылём.

Хадзіў пад руку са сцяжынамі босымі.

Была табе спальняй паляна з быллём,

А полагам — шаты лясныя

З нябёсамі [2, с. 14].

Вось такой уяўляецца постаць Міколы Купрэва Васілю Макарэвічу.

Пасля выдання аповесцяў «Дзіцячыя гульні пасля вайны» (1995) і «На вуліцы Карла Маркса з паэтам» (1997), якія вызначаліся надзвычайнай шчырасцю ў адносінах да сябе і сваіх родных, Купрэў стаў для іх нязручным чалавекам. Некалі бацька вельмі ганарыўся здольнасцямі і поспехамі сына, а цяпер, падчас рэдкіх візітаў Міколы, адмаўляецца пусіца яго ў родную хату. Да таго ж не ўсе звычкі, якія набыў дарослы сын, бацьку радуюць. Мікола Купрэў вымушаны быў начаваць у кацельнях, дзе працаваў яго школьны сябар.

З цягам часу вандраваць па Палесці стала значна цяжэй: сухоты і хворыя ногі не давалі супакою. Мікола Сымонавіч знаходзіць прытулак у вёсцы Папялёва на Пружаншчыне. У 1994 годзе яго прымаюць у Саюз беларускіх пісьменнікаў, а праз два гады за зборнік вершаў «Правінцыйныя фантазіі» ён атрымлівае прэмію імя Аркадзя Куляшова і аднапакаёвую кватэру ў Пружанах. Аднак яго вандроўная натура не можа прывыкнуць да абмежаванасці гарадскога жыцця. «У Папялёве быў прастор, воля, пушча, паэзія... А ў Пружанах — тратуар, асфальт, лесвіца, блочны пакой — сярмяжная проза...», — гаворыць Купрэў.

Свае апошнія гады Мікола Сымонавіч у поўнай адзіноце правёў у Пружанах, перыядычна праходзячы лячэнне ў Вярховіцкім тубдыспансеры (Камянецкі раён). Памёр ён у доме састарэлых у вёсцы Лясная Баранавіцкага раёна, быў пахаваны ў вёсцы Міхнавічы (каля Івацэвіч). На надмагіллі выбіты словы яго ўласнага верша «О, я многа хацеў вам сказаць...».

Заклучэнне. Сапраўды, талент Міколы Купрэва адметны: дзякуючы вандроўнаму лёсу, ён змог уабраць усю прытоеную тугу беларускіх краявідаў, пазней пакладзеную ў аснову сваіх твораў. Паэтычныя творы пісьменніка меладзючыя, эмацыянальна насычаныя, а ў яго прозе знайшоў адбітак няпросты жыццёвы шлях, які давялося прайсці гэтаму таленавітаму чалавеку. І хоць пры жыцці выйшлі толькі два зборнікі М. Купрэва, жыццё яго нявыдадзеных твораў толькі пачынаецца.

Спіс цытаваных крыніц

1. Купрэў, М. С. Палеская элегія : аповесці / М. С. Купрэў. — Мінск : Лит. и Искусство, 2007. — 311 с.
2. Макарэвіч, В. Зорным шляхам. Размова з Міколам Купрэвым / В. Макарэвіч // Новы час. — 2017. — № 20. — 26 мая. — С. 14.
3. Сахарчук, В. Вяртанне вечнага вандроўніка / В. Сахарчук // Польшыя. — 1998. — № 1. — С. 244—262.
4. Чарнякевіч, Ц. З неапублікаванай спадчыны : да 75-годдзя М. С. Купрэва / Ц. Чарнякевіч // Малодосць. — 2012. — № 5. — С. 74—75.
5. Я хацеў вам сказаць... : вершы і паэмы / уклад. В. Шніпа. — Мінск : Маст. літ., 2008. — 302 с.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

УДК 373

Е. Н. Бородавка

*Горловская общеобразовательная школа I—III ступеней № 53 с углубленным изучением отдельных предметов,
Образовательная организация высшего профессионального образования «Горловский институт иностранных языков»,
Горловка, Украина*

КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОДХОД К ОБУЧЕНИЮ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Введение. Коммуникативный подход к обучению иностранному языку — актуальная тема, потому что «главная цель обучения иностранному языку состоит в формировании у учащихся коммуникативной компетенции, формировании навыков и умений пользоваться языком», развитии способностей и готовности к общению на уровне диалога культур, т. е. готовить учащихся к потенциальному общению с носителем языка. Развитие коммуникативной компетенции зависит от социокультурных и социолингвистических знаний, умений и навыков, которые обеспечивают вхождение личности в другой социум [1, с. 3]. Для этого необходимо создание условий коммуникации, благоприятного психологического климата, обеспечение мотивации учащихся путем раскрытия перед ними практической направленности курса.

Основная часть. Коммуникативный подход возник в 70-е годы прошлого столетия как результат работы экспертов Совета Европы и стал одним из главных методов в обучении иностранным языкам. Его главная цель — коммуникативная компетенция учащихся.

На сегодня в методике накоплен богатый опыт организации коммуникативноориентированного обучения иностранному языку. Это методические работы и исследования И. Л. Бим, И. А. Зимней, Е. И. Пасова, В. Л. Скалкина.

Современная методика позволяет максимально эффективно организовать процесс обучения, разработать теорию урока, выбрать виды контроля навыков и умений; уделяет внимание организации активной деятельности учащихся в процессе усвоения знаний, стимулирует их к познавательной деятельности, привлекает к планированию своей работы, самоорганизации и самоконтролю.

Но на пути к достижению положительного результата в овладении иностранным языком как способом общения возникают проблемы, которые связаны с развитием коммуникативных умений, творческих способностей, мотивацией к изучению немецкого языка.

В последнее время сложилось так, что большинство учащихся под влиянием своих родителей не желают изучать немецкий язык. Естественно, что при разделении класса на группы в «немецкую» группу попадают учащиеся с низким и средним уровнем, которые меньше всего заинтересованы в изучении иностранного языка. Однако есть дети, которые изучают язык с удовольствием, заинтересованы не только в получении высоких оценок, но и в знаниях. Они составляют «ядро» группы, на них ориентируются другие учащиеся. Много зависит от учителя, его творческого подхода к планированию урока, поскольку преподавание — это искусство, а не ремесло, вот в чем суть учительской работы.

Задача учителя состоит в том, чтобы привлечь всех учащихся в процесс общения на немецком языке. Дифференцированные задания для учеников, максимальная нагрузка сильных учащихся на уроке помогают создать доброжелательный психологический климат между учащимися.

Для решения этих проблем и развития у учащихся коммуникативной компетенции на протяжении многих лет мы используем ассоциативную методику обучения, которую разработали специалисты Института имени Гёте. Она мотивирует учащихся к познавательной деятельности, способствует самооценке своих действий, расширяет словарный запас, стимулирует развитие творческого воображения. Сначала учитель совместно с учащимися составляет ассоциогамму, или «Wortigel», далее они делают это самостоятельно дома, работая со словарем. Затем задание проверяется в классе: ассоциогамма дополняется новыми словами. Например, «ein Zeichentrickfilm» — ein Cartoon, ein Film, ein Bild — ein Lied — ein Text.

Сегодня очень актуально и эффективно использование на среднем и старшем этапах обучения интерактивных технологий и личностно ориентированного подхода. Суть интерактивного обучения состоит в том, что учебный процесс происходит в условиях активного взаимодействия всех его участников. Учитель выступает в роли лидера. Организация процесса интерактивного обучения предусматривает моделирование жизненных ситуаций, использование ролевых игр, совместное решение проблем. Таким образом, учащиеся могут обогатить свой словарный запас, работая с аутентичным материалом.

Урок включает следующие этапы: 1) проводится работа с аутентичным материалом (аудио- и видеоматериалами, газетами, журналами); 2) учащиеся делают сообщения, высказывают собственные мнения; 3) учащиеся готовят презентации, доклады; 4) организуется интерактивная игра, которая активизирует психические процессы, развивает речевые способности; 5) школьники пишут стихи, проводится конкурс «переводчиков» немецкой поэзии.

Использование интерактивных методик требует определенной структуры урока: 1) мотивация. Цель этого этапа — сфокусировать внимание учащихся на проблему (проблемные вопросы и небольшие задания); 2) объявление темы. Цель — обеспечить понимание учащимися содержания их деятельности; 3) обеспечение необходимой информацией. Цель — формирование знаний, чтобы на их основе выполнять практическое задание; 4) интерактивное упражнение. Цель — практическое усвоение материала, достижение поставленных целей урока; 5) подведение итогов, оценивание результатов урока. Цель — осмысление того, что было сделано на уроке.

Выделим виды интерактивного обучения в зависимости от цели и формы урока: интерактивные технологии кооперативного обучения, интерактивные технологии коллективно-группового обучения, технологии ситуативного моделирования, технологии отработки дискуссионных вопросов [2, с. 9—12].

Интерактивные технологии кооперативного обучения предусматривают работу в парах друг напротив друга, по принципу «один — вдвоем — все вместе» при обсуждении текста, интервью. Эти технологии способствуют развитию навыков общения, умения высказываться, критического мышления. Варианты работы: «Карусель», «Аквариум».

Интерактивные технологии коллективно-группового обучения предусматривают одновременно совместную работу всего класса. Цель — обратить внимание учащихся на решение проблемы. Это и мотивация познавательной деятельности, и активизация учебного материала. Основные приемы — «Микрофон», «Мозговой штурм», «Броуновское движение», «Ажурная пилка».

Интерактивные технологии ситуативного моделирования предусматривают включение учащихся в игру (имитационную, ситуативную, ролевою). Игровая модель обучения таким образом реализовывает не только основную дидактическую цель, но и комплекс задач: обеспечение контроля проявления эмоций, развитие творческого воображения, самоопределение ребенка, даёт возможность высказывать свои мысли. Приемы работы: «Ролевая игра», «Инсценировка сценки», «Драматизация».

Технологии отработки дискуссионных вопросов предполагают проведение дискуссий, которые являются важным средством познавательной деятельности учащихся старших классов. Они способствуют развитию критического мышления, дают возможность определить собственную позицию, формируют навыки отстаивать свое мнение, а также способствуют углублению знаний. Основные приемы: «Дебаты», «Метод ПРЕС».

Интерактивные технологии соответствуют задачам современной школы, но их использование не самоцель, а способ реализации лично ориентированного обучения. Они способствуют учебной мотивации учащихся, дают им возможность использовать свои знания, адаптироваться в разных ситуациях, устанавливать контакты, активизировать навыки и умения говорения.

Рассмотрим этап урока с использованием интерактивных технологий на уроке немецкого языка в 11-м классе. Тема «Человек и окружающая среда», подтема «Влияние изменения климата на человека».

Технология кооперативного обучения «Аквариум» — вариант кооперативного обучения, который является одной из форм деятельности учащихся в группах, эффективный для развития навыков общения, совершенствования умений дискутировать и аргументировать свое мнение. Этот прием предлагается, когда учащиеся имеют навыки групповой работы и соответствующую базу лексических единиц.

Организация работы предполагает объединение учащихся в группы по 3—4 человека и ознакомление с заданием. Одна из групп садится в центре класса. Это необходимо для того, чтобы отделить действующую группу от остальных участников. Эта группа получает задание для проведения групповой дискуссии, которое звучит следующим образом: прочитайте задание вслух „Wie beeinflusst der Klimawandel den Menschen? Die Folgen“; обсудите его в группе; за 3—5 минут найдите общее решение и подведите итоги дискуссии.

Когда действующая группа занимает свое место, остальная часть класса знакомится с заданиями. Группе предлагается вслух на протяжении 3—5 минут обсудить возможные варианты решения проблемной ситуации. Учащиеся, которые находятся «за пределами группы», слушают, но не вмешиваются в процесс обсуждения.

По окончании дискуссии ученики возвращаются на свои места. Далее весь класс обсуждает следующие вопросы: согласны ли вы с мнением группы? Было ли это мнение достаточно аргументированным? Какой из аргументов вы считаете наиболее убедительным? На такую беседу отводится 2—3 минуты. Далее место в «Аквариуме» занимает другая группа и обсуждает другую ситуацию.

Использование интерактивных технологий дает учащимся определенную информацию, развивает коммуникативные навыки и умения, развивает критический способ мышления.

В целом интерактивные формы обучения: а) способствуют формированию учебной мотивации, навыков общения; б) дают возможность ученикам использовать свои знания; в) формируют положительные качества.

Заключение. Коммуникативный подход к обучению, развитие коммуникативных навыков и умений путем использования интерактивных технологий — это деятельный тип обучения, который способствует снятию языкового барьера, гармоничному объединению разных форм обучения.

Список цитируемых источников

1. Немецкий язык: 5—9 классы : программа для общеобразоват. организаций : первый иностранный язык / сост. : Л. В. Старшинова, И. Б. Колос, М. В. Беседина ; ДИППО. — Донецк : Истоки, 2015. — 20 с.
2. Голодкевич, Л. Интерактивные технологии / Л. Голодкевич // Завуч. — 2004. — № 6. — С. 9—12.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРОЕКТНОЙ МЕТОДИКИ НА УРОКАХ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА КАК ВОЗМОЖНОСТЬ РАЗВИТИЯ ТВОРЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ УЧАЩИХСЯ

Введение. В настоящее время в практике обучения иностранным языкам (далее — ИЯ) широко используется метод проектов, который приобщает учащихся к исследовательской деятельности, развивает их творчество, самостоятельность, независимость, оригинальность мышления. Традиционная связь «учитель—ученик» изменяется на «ученик—учитель». Во время работы над проектом учитель выполняет функции консультанта. Он помогает ученикам в поиске информации, координирует процесс работы над проектом, поддерживает, поощряет учеников. Метод проектов формирует у учеников коммуникативные навыки, культуру общения, умения коротко и доступно формулировать мысли, терпимо относиться к мнению собеседников, развивать умение добывать информацию из разных источников, обрабатывать ее с помощью современных компьютерных технологий, создает языковую среду, которая способствует возникновению естественной потребности в общении на иностранном языке [2].

Основная часть. Учитель ИЯ учит детей способам речевой деятельности, и мы говорим о коммуникативной компетенции как одной из основных целей обучения ИЯ, принимая к сведению то, что коммуникативная компетенция может быть сформирована лишь на основе лингвистической компетенции определенного уровня.

Основной идеей такого подхода учителя ИЯ является то, что надо перенести акцент на активную мыслительную деятельность учеников, которая нуждается в определенных языковых средствах. Поэтому мы обратились к методу проектов на этапе творческого применения языкового материала. Метод проектов может позволить решить эту дидактичную задачу и, соответственно, превратить уроки ИЯ в дискуссионный, поисковый клуб, где разрешаются действительно интересные, практически значимые и доступные ученикам проблемы, изучаются особенности культуры страны. В основе проекта лежит какая-то проблема. Чтобы ее решить, ученики должны не только знать язык, но и владеть большим объемом разнообразных предметных знаний.

Основной проблемой изучения немецкого языка является то, что вне школы ученики практически не имеют возможности общаться на языке. Использование проектной методики позволяет в большей мере применять языковые знания и речевые навыки. Выполнение заданий по проекту выходит за пределы урока и требует много времени для решения ряда задач: ученики получают возможность осуществлять творческую работу по теме, самостоятельно добывать необходимую информацию не только из учебников, но и из других источников; ученики взаимодействуют друг с другом и с учителем [1, с. 132—133].

Элемент творчества делает проектную работу очень индивидуальной. Работая над проектом, ученики проводят исследовательскую работу: ищут информацию в книгах, общаются с другими людьми, находят иллюстрации, фотографируют. Ученики разного уровня речевого развития могут сделать свой собственный оригинальный проект в соответствии с уровнем своих знаний, возможностей. Примеры тем: „Mein Traumhaus“, „Die Stadt der Zukunft“, „Das Essen“, „Sehenswürdigkeiten in Berlin“, „Deutsche Wissenschaftler“, „Sport“, „Natur und wir“ и „Meine Familie“. Такие уроки-проекты можно проводить как итоговые уроки: для этого надо выучить необходимую лексику и проработать учебные тексты. Ученики получают дополнительные задания, ответы на которые они ищут в энциклопедиях, дополнительных источниках, в сети Интернет, а учитель помогает и координирует работу. Например, при создании проекта „Das Essen“ учащиеся ищут информацию о национальных блюдах Германии, Австрии и Швейцарии; знакомят одноклассников с рецептами блюд. При защите проектов учащиеся пользуются разными средствами: иллюстрациями, презентациями, музыкальным сопровождением. Учащиеся демонстрируют не только знания лексики, умения читать, говорить, но и свои таланты: пение, декламирование поэзии, актерские способности.

Заключение. Проекты можно организовывать по любой теме, которая содержит проблему. Метод проектов является демократическим видом педагогики сотрудничества, доверия и личной ориентации. Этот метод содействует развитию творческой одаренности.

Проектные технологии способствуют всестороннему развитию учащихся. Проектная работа не поможет решению всех проблем в изучении иностранного языка — это эффективное средство от однообразия, реальная возможность использовать знания, полученные на других уроках, средствами иностранного языка.

Список цитируемых источников

1. Рогова, Г. В. Методика обучения иностранным языкам в средней школе / Г. В. Рогова, Ф. М. Рабинович. — М. : Просвещение, 1991. — 165 с.
2. Саушкина, Н. К. Метод проектов на уроках иностранного языка [Электронный ресурс] / Н. К. Саушкина // СибАК : Научно-практические конференции ученых и студентов. — Режим доступа: <https://sibac.info/studconf/hum/xxii/38718> . — Дата доступа: 05.09.2017.

ФОРМИРОВАНИЕ УЧЕБНОЙ МОТИВАЦИИ КУРСАНТОВ ВОЕННОЙ АКАДЕМИИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Введение. Расширение международных контактов, политика интеграции Республики Беларусь в мировое сообщество, условия современной жизни ставят задачу организации высшего образования такого уровня, при котором студенты будут способны участвовать в межкультурной коммуникации на иностранном языке. Все это предъявляет высокие требования к уровню владения иностранным языком студентами учреждений высшего образования. Возникает установка готовить конкурентоспособного специалиста, способного к профессиональному росту, мобильности в условиях развития информационных технологий. Повышение эффективности военно-учебной деятельности военнослужащих имеет большое значение для системы военного образования и отвечает реальным потребностям обеспечения национальной безопасности страны.

Основная часть. Молодые люди, которые призываются на срочную службу в вооруженные силы или поступают в военную академию, испытывают резкую смену образа жизни. Тяжелым испытанием становятся режим, физическая нагрузка, подчинение старшим по званию.

Курсанты Военной академии Республики Беларусь занимаются изучением иностранного языка в основном на I курсе (два года изучают иностранный язык курсанты факультетов противовоздушной обороны; связи и автоматизированных систем управления). В старшем юношеском возрасте (17—19 лет) складываются основные предпосылки для развития творческого мышления. Ведущее место занимают мотивы, связанные с самоопределением и подготовкой к самостоятельной жизни, дальнейшим образованием и самообразованием. К ним относятся определившаяся иерархия ценностей, зрелость эмоциональной сферы, развитая потребностно-мотивационная сфера, сложившийся познавательный стиль деятельности. Широкие социальные мотивы определяют их непосредственный интерес к самой учебной деятельности [2].

Понятие «мотивация» употребляется в двух смыслах: 1) «система факторов, вызывающих активность организма и определяющих направленность поведения человека»; 2) «характеристика процесса, обеспечивающего поведенческую активность на определенном уровне» [7, с. 194]. Исследователи рассматривают такие проблемы, связанные с мотивацией изучения иностранного языка, как устойчивость учебной мотивации, поддержание и развитие положительных мотивов, выявление основных видов мотивации; межпредметные связи как один из стимулов повышения интереса к иностранному языку [5]. Теоретические и экспериментальные исследования проблемы показывают, что при обучении иностранному языку мотивации принадлежит ведущая роль, и эффективность овладения иностранным языком находится в зависимости от уровня развития мотивации к предмету.

Одним из важнейших психологических условий эффективности обучения курсантов является формирование, активизация и поддержание в активном состоянии системы мотивов, обеспечивающих эффективность учебной деятельности [1].

Многие педагоги отмечают, что в начале обучения мотивация к изучению иностранного языка высока практически у всех студентов. Они планируют говорить на иностранном языке с будущими коллегами, читать специальную и художественную литературу, слушать песни, общаться в сети Интернет, смотреть фильмы, путешествовать по стране изучаемого языка без помощи переводчика.

Однако все это приходит не сразу, ведь изучение иностранного языка — долгий, кропотливый труд. Поэтому, когда в начале обучения студенты сталкиваются с трудностями овладения языковым материалом, работой по заучиванию грамматических правил и лексических единиц, многие испытывают разочарование, уменьшается их активность и снижается их мотивация. Для достижения эффективности образовательного процесса, в частности развития мотивации, исследователи разрабатывают различные средства. Так, Л. М. Фридман выделяет два основных пути формирования у обучаемых учебной мотивации [6]. Первый путь состоит в создании таких объективных условий, такой организации деятельности, которые ведут к формированию у них нужной мотивации. Преподаватель, опираясь на уже имеющиеся у обучающихся потребности, так организует учебную деятельность, чтобы она вызвала у них положительные эмоции удовлетворения и радости. Если эти чувства учащиеся испытывают достаточно долго, то у них возникает новая потребность в самой этой деятельности, вызывающей у них приятные эмоциональные переживания. К примеру, курсанты начинают изучение иностранного языка с тем «Страницы биографии. Моя семья», «Мой рабочий/выходной день», где есть тексты об известных военнослужащих, их биографиях, семьях, что вызывает у них реальный интерес. Актуальным является изучение такой темы, как «Карьера военнослужащего», где курсанты узнают о жизни и карьере знаменитых полководцев и военачальников.

Второй путь заключается в усвоении готовых форм побуждений, целей, идеалов, содержания направленности личности, которые обучаемый должен постепенно превратить из внешне понимаемых во внутренне принятые и реально действующие. Так курсанты учат предлагаемые тексты и на их базе составляют сообщение о себе.

Исследователь Е. П. Ильин утверждает, что воздействие педагога на мотивационный процесс обучающихся также играет значимую роль [4]. Педагог может иметь авторитет или даже обладать даром внушения, а его личностные свойства могут способствовать или препятствовать эффективному процессу обучения.

При изучении иностранного языка коммуникативная мотивация является основной, так как потребность в общении естественна. Однако отсутствие так называемых естественных ситуаций общения является большим препятствием. Ведь между собой курсанты общаются на родном языке, а встреча с иностранцем — это редкость, и общение на иностранном языке во время занятия носит условный характер.

Преподавателю стоит обратиться к воображению курсантов, использовать игровые моменты, побуждать их перевоплощаться в различные характеры или персонажи, тем самым поддерживая их активность и положительный эмоциональный фон, что в конечном итоге скажется на усилении коммуникативной мотивации. Таких заданий много, например: «представьте, что вам 40—45 лет, расскажите, какую военную карьеру вы сделали»; «представьте, что вы — восемнадцатилетний Н. Бонапарт, артиллерийский лейтенант, выпускник Парижской военной школы, расскажите о своем распорядке дня» и т. д.

При этом преподаватель должен проявить известную чуткость. Нужно учитывать индивидуальные особенности курсантов, их интересы и взаимоотношения. Поскольку при выполнении многих заданий курсанты работают в паре или микрогруппе, необходимо учитывать желание курсанта, с кем бы он хотел работать.

Чтобы сделать содержание занятия более привлекательным, преподавателю стоит использовать тексты, темы высказываний, в которых они имеют личную заинтересованность, обсуждать факты и события, касающиеся их самих. Когда курсанты начинают изучение специализированных тем, некоторые из них узнают новые факты. Это стимулирует изучать лексику, тексты, чтобы овладеть информацией, связанной с их будущей специальностью.

Заключение. Использование мотивации позволяет выявить внутренние резервы личности для ее развития, обучения и воспитания, так как через мотивацию можно влиять как на продуктивность деятельности, так и на развитие самой личности [3]. Актуальность данной проблемы обусловлена тем, что мотивация является центральной в психологии обучения в целом и в процессе овладения иностранным языком в частности.

Список цитируемых источников

1. Психология и педагогика высшей военной школы : учеб. пособие / А. В. Барабанщиков [и др.]; под ред. А. В. Барабанщикова. — М. : Воениздат, 1989. — 365 с.
2. Божович, Л. И. Проблемы развития мотивационной сферы ребенка. Изучение мотивации поведения детей и подростков / Л. И. Божович ; под ред. Л. И. Божович, Л. В. Благонадежиной. — М. : Педагогика, 1972. — С. 7—44.
3. Емельянова, Н. А. Формирование оптимальной мотивации овладения иностранным языком студентами неязыкового вуза : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.07 / Н. А. Емельянова. — Н. Новгород, 1997. — 229 л.
4. Ильин, Е. П. Мотивация и мотивы / Е. П. Ильин. — СПб. : Питер, 2000. — 502 с.
5. Костюк, М. А. Формирование учебной мотивации студентов в процессе изучения иностранного языка / М. А. Костюк // Вестн. Моск. гос. лингв. ун-та. — М., 2010. — Вып. 16 (595). — С. 85—97.
6. Фридман, Л. М. Психопедагогика общего образования : пособие для студентов и учителей / Л. М. Фридман. — М. : Ин-т практ. психологии, 1997. — 288 с.
7. Шевандрин, Н. И. Психодиагностика, коррекция и развитие личности : учеб. для студентов высш. учеб. заведений / Н. И. Шевандрин. — 2-е изд. — М. : ВЛАДОС, 2001. — 512 с. : ил.

УДК 372.881.111.1

А. С. Кочукова

Учреждение образования «Минский государственный лингвистический университет», Минск

РАЗВИТИЕ У УЧАЩИХСЯ I СТУПЕНИ ОБЩЕГО СРЕДНЕГО ОБРАЗОВАНИЯ УМЕНИЙ ДИАЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ВИДЕОТЕХНОЛОГИИ

Введение. В методике преподавания иностранных языков разработаны и усовершенствованы способы и пути обучения диалогической речи на иностранном языке. Тем не менее этот факт не исключает необходимости более детального изучения вопроса об оптимизации процесса обучения данному виду речевой деятельности. В качестве решения этого вопроса выступает использование видеотехнологии на уроках английского языка.

Основная часть. Видеотехнология широко используется в обучении диалогической речи в целях развития умений диалогической речи, усвоения социокультурных знаний, повышения уровня мотивации к изучению иностранного языка, наглядного предъявления и дальнейшего использования учащимися в процессе коммуникации пара- и экстралингвистических компонентов общения.

При обучении диалогической речи с использованием видеотехнологии необходимо учитывать основные принципы ее применения. В соответствии с принципом учета способов предъявления видеоматериалов, работа с видеофрагментом осуществляется посредством следующих приемов предъявления видеоматериала: работа с изображением без звука, работа со звуком без изображения, работа с изображением и звуком одновременно, работа с неподвижным кадром, работа с отдельным фрагментом видеоматериала вне контекста и с углубленным анализом происходящего в видеофрагменте.

Прием работы с изображением видеофрагмента без звука является одним из самых распространенных. Используя лишь движущееся изображение, учащиеся восстанавливают почти в полной мере ситуацию происходящего в видеофрагменте. Данный прием работы с видеоматериалами помогает совершенствовать навыки логического мышления и прогнозирования.

Учителя также могут использовать прием работы со звуком без изображения, который предполагает работу лишь с аудио. Учащиеся во время прослушивания восстанавливают полную картину происходящего с помощью логики и воображения.

Работа с изображением и звуком одновременно широко используется в методике преподавания иностранных языков. Преимущество данного приема работы с видеоматериалом заключается в том, что учащиеся могут воспринимать полностью контекст ситуации. Это экономит время на уроке, а также помогает учащимся направить свои мысли в одном конкретном направлении и не отвлекаться на восстановление картины происходящего. Тем не менее недостаток данного приема заключается в том, что у учащихся не задействуются в полной мере умения прогнозирования, а также воображение. Для компенсации этого недостатка можно предложить учащимся продумать дальнейший или восстановить предшествующий ход событий в видеофрагменте.

Во время работы с неподвижным кадром видеоматериала учащимся предлагается стоп-кадр видеофрагмента, на основании которого они пытаются предположить, восстановить или развить ход событий. Этот прием развивает воображение учащихся, а также служит совершенствованию умений прогнозирования. Особенно сильный эмоциональный отклик и эффективный результат этот прием будет иметь, когда учащимся будет предложен стоп-кадр ключевого момента видеоэпизода. Используя данный прием предъявления видеоматериала, учитель может дать такие установки, как распознать и обсудить чувства, состояние, профессию героев видеофрагмента, а также восстановить контекст определенной ситуации.

Принцип поэтапности работы с видеоматериалами предполагает работу на три этапах: преддемонстрационном, демонстрационном и последедемонстрационном. На преддемонстрационном этапе учитель вводит учащихся в ситуацию/тему, которая будет представлена в видеофрагменте. Учащимся может быть предложен небольшой сюжет, содержащий необходимую информацию о тематике занятия, отрывок видеофрагмента или его начало с использованием стоп-кадра, стимулируя учащихся на прогнозирование темы/ситуации и событий, которые будут происходить в видеосюжете. На данном этапе учащимся также предлагаются упражнения, направленные на работу со структурными частями диалога: отдельными репликами и диалогическими единствами.

Примером может послужить следующее упражнение:

Complete the dialogue with the words and phrases given in the Help Box.

- ..., Mike!
- Hi, Kate! I'm glad to see you!
- ...too! How are you?
- I'm fine, ... And...?
- Great! Goodbye, Mike!
- ..., Kate!

Help Box

Hello I'm glad to see you thank you Goodbye how are you

Также учащимся может быть предложена работа с распечатанными изображениями или словами, преднамеренно расположенными хаотично в целях их размещения в нужном порядке: так, чтобы получилась связная история. Учитель также может предложить учащимся музыкальную композицию, создающую определенный настрой, для стимулирования у них навыка прогнозирования общей атмосферы происходящего в видеофрагменте, который будет предложен им позднее. Учащиеся должны догадаться, о чем пойдет речь в видеофрагменте; сказать, о чем они думают, слушая такую музыку, изменятся ли общий тон музыкального произведения во время проигрывания музыкальной композиции и т. д. Затем к музыкальному сопровождению можно добавить просмотр короткого видеофрагмента. Необходимо обратить внимание учащихся на то, соответствует ли музыкальное сопровождение видеофрагмента общему настрою и действиям, происходящим в видеоэпизоде [1, с. 24—26; 2]. На данном этапе работы с видеоматериалом учащимся предлагаются лексические опоры для того, чтобы они могли вербально в полной мере выразить настрой музыкальной композиции.

Демонстрационный этап работы с видеоматериалом предполагает работу непосредственно с самим видеофрагментом. Вопросы по содержанию видеоматериала, заполнение таблиц и разработка схем помогут учителю оценить общее понимание учащимися содержания видеофрагмента.

Например, упражнение на соотнесение реплик диалога по признаку их принадлежности к персонажам видеофрагмента. Для этого учащиеся получают наборы реплик персонажей видеофрагмента. Работая в парах, они соотносят реплики по признаку их принадлежности к персонажам.

Match the lines with the characters of the video.

- Great! Goodbye, Mike!
- I'm fine, thank you. And how are you?
- Hi, Kate! I'm glad to see you!
- I'm glad to see you too! How are you?
- Goodbye, Kate!
- Hello, Mike!

<i>Mike</i>	<i>Kate</i>

На последемонстрационном этапе работы с видеоматериалом учащимся предлагаются упражнения, направленные на развитие умений диалогической речи. Например, продумать дальнейшее развитие событий, происходящих в видеоэпизоде. Это упражнение можно провести в форме ролевой игры: проиграть по ролям сюжет видеофрагмента и придумать дальнейший ход событий посредством импровизации. Таким образом, у учащихся будут развиваться дополнительные качества, необходимые для ведения диалога: спонтанность, экспрессивность и воображение.

Например, проигрывается по ролям сюжет видеофрагмента, затем следует упражнение на продумывание дальнейшего хода событий посредством воображения и импровизации.

Результаты пробного обучения диалогической речи с использованием видеотехнологии в 3—4-х классах показали, что ее применение на уроках английского языка обеспечивает эффективность учебного процесса: количество учащихся с высоким уровнем сформированности умений диалогической речи возрос. Также был замечен рост интереса учащихся к предмету.

Заключение. Применение видеотехнологии в обучении диалогической речи в 3—4-х классах является одним из наиболее эффективных способов оптимизации процесса обучения данному виду речевой деятельности.

Список используемых источников

1. Brandi, M.-L. Video im Fremdsprachenunterricht / M.-L. Brandi, D. Arnsdorf. — Berlin : Druckhaus Langenscheidt, 1993. — 185 S.
2. Методика преподавания иностранного языка : учеб. пособие / Т. П. Леонтьева [и др.] ; под общ. ред. Т. П. Леонтьевой. — Минск : Выш. шк., 2015. — 239 с.

УДК 378:811.111

Д. И. Лащевская, Н. В. Ткачук

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИИ BYOD В УЧРЕЖДЕНИИ ОБЩЕГО СРЕДНЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Введение. Развитие современного образования, которое предусматривает использование различных технологий в учебном процессе, требует изменения методов и форм работы учителей. В учреждениях общего среднего образования учителя начинают использовать мобильные технологии в образовательном процессе. Ученики приносят в школу мобильные устройства и применяют их для решения образовательных целей. Например, учащиеся используют смартфоны для работы на уроках, чтобы получить информацию из Википедии, перевести слова или фразы, используя электронные словари или программу-переводчик, прочитать реферат с мобильных устройств. В этом случае естественным для педагога действием является использование некоторых возможностей мобильных устройств школьников для организации работы на уроке и целенаправленное применение мобильных устройств учеников в образовательном процессе. Таким образом, становится понятно, что технология BYOD, предполагающая применение своих мобильных устройств и использование их для выполнения заданий, продуманных учителем, является одной из актуальных технологий в образовательном процессе [1].

Основная часть. Согласно последнему социологическому опросу, около 60% учащихся признают, что они используют мобильные телефоны во время уроков для отправки смс-сообщений, несмотря на запреты своих учителей. Очевидно, что в будущем мобильные устройства будут меньше по размерам и мощнее по возможностям. Технология BYOD — это путь к их «легализации» и превращению из врагов в союзников в обучении.

BYOD расшифровывается как Bring Your Own Device («принеси свое устройство»). BYOD — это особый подход к организации рабочего места ученика, при котором он использует принадлежащее ему устройство для доступа к информационным ресурсам. При использовании данной технологии ученики смогут получать доступ к различным учебным материалам в любом месте с помощью мобильного устройства и выполнять те же задачи, что и в проводной сети [2]. Технология BYOD позволяет:

- 1) обогатить пределы учебного процесса — ученики могут приобрести доступ к учебным данным из любой удобной для них места. При желании урок можно провести вне аудитории, а также учитель и ученик прекращают зависеть от временных рамок урока;
- 2) организовать обучение людей с ограниченными возможностями;
- 3) экономить средства, так как не требуется приобретение персональных компьютеров и традиционной учебной литературы;
- 4) легко и быстро распространять обучающие материалы среди пользователей благодаря беспроводным сетям;
- 5) мультимедийный формат информации позволяет усовершенствовать процесс усвоения и запоминания учебного материала урока, а также повысить интерес к предмету [3].

Необходимо выделить следующие преимущества технологии BYOD:

- 1) удобство и гибкость. Учебный процесс, в котором активно используются мобильные устройства, независим от места и времени нахождения преподавателя и учащегося;
- 2) при использовании личного устройства ученик самостоятельно следит за его состоянием, техническим обслуживанием и программным обеспечением;
- 3) упрощение работы с сетевыми сервисами, требующими обязательную регистрацию пользователя. Мобильное устройство позволяет сохранить данные для получения доступа к нужному ресурсу Сети;
- 4) основные операции выполняются в режиме интерактивной познавательной деятельности, что свидетельствует о высокой интерактивности обучения;
- 5) самостоятельный выбор обучающимися инструмента для решения поставленной задачи. Каждый решает индивидуально, каким устройством, программой и сервисом пользоваться;
- 6) оперативная работа с информацией и представление результатов выполненной работы [4].

Рассматриваемая технология актуальна на современном этапе развития образования и имеет перспективы развития. Ее достоинства позволяют внести преобразования в образовательный процесс и мотивировать школьников.

Заключение. Сущность технологии BYOD заключается в том, что учителя стимулируют использование учащимися мобильных устройств в целях реализации учебных целей. Для эффективного использования данной технологии необходимо, чтобы в школе использовались сетевые ресурсы, ученики были оснащены мобильными устройствами, не было возражений родителей. Мобильные устройства могут быть использованы в целях осуществления контроля, организации коллективной деятельности учеников, самостоятельной работы с сетевыми сервисами и мобильными приложениями, реализации обратной связи между учениками и учителями.

Список цитируемых источников

1. Голицына, И. Н. Мобильное обучение как новая технология в образовании / И. Н. Голицына, Н. Л. Половникова // Образовательные технологии и общество (Educational Technology & Society) : междунар. электрон. журн. — 2011. — Т. 14. — № 1. — С. 241—252.
2. Титова, С. В. Мобильное обучение сегодня: стратегии и перспективы / С. В. Титова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 16. Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2012. — № 1. — С. 57—71.
3. Горбушин, А. Г. Использование мобильных технологий (технологии BYOD) в образовательном процессе / А. Г. Горбушин // Теоретические и практические аспекты психологии и педагогики : коллектив. моногр. / под ред. Е. В. Гришиной. — Уфа : Аэтерна, 2014. — С. 31—37.
4. Ярмахов, Б. Б. 1 ученик: 1 компьютер — образовательная модель обучения в школе / Б. Б. Ярмахов. — М. : АМИПринт, 2012. — С. 48—64.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РЕЗЕРВОВ ОБУЧЕНИЯ: АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК В ВОЕННОМ УЧРЕЖДЕНИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Если в жизни нет цели, к которой стремишься
и которую хочешь реализовать, тогда нет повода прилагать усилия.

Э. Фромм

Введение. В наше время очень важно знать иностранные языки. Одни люди изучают иностранные языки, потому что они им нужны для работы, путешествия за границу, для других это просто хобби. Люди хотят знать языки, писать друзьям по переписке или общаться с людьми из разных стран, встречать больше новых людей и заводить друзей. Они хотят читать книги известных писателей, газеты и журналы в оригинале. Языки помогают узнавать больше о разных событиях, жизни людей, обычаях и традициях.

Изучение иностранных языков расширяет наш кругозор, люди становятся более образованными. На наш взгляд, языки особенно важны для тех, кто работает в разных сферах науки, экономики и политики. Иностранный язык помогает узнать родной язык лучше. Так, Й. Гёте сказал: «Тот, кто не знает иностранных языков, не знает ничего про свой родной язык» [6, с. 37].

В наши дни английский язык стал международным. Около 300 миллионов людей говорят на нем, как на родном языке.

Основная часть. Знать иностранные языки сегодня абсолютно необходимо для каждого высококвалифицированного офицера, способного эффективно решать служебно-боевые задачи в постоянно изменяющихся условиях, применять, пополнять, творчески осмысливать полученные в процессе учебы в Военной академии Республики Беларусь и служебно-боевой деятельности знания, умения и навыки.

В полной мере это относится и к организации иноязычной подготовки курсантов. Иностранный язык открывает возможность будущим офицерам получать необходимую информацию не только из отечественных, но и из зарубежных источников; формирует у курсантов патриотическое мировоззрение, понятие долга, чести и личного достоинства, навыков и умений высококультурного и дисциплинированного поведения. Значительными возможностями обладает иностранный язык и для развития процессов восприятия, внимания, памяти, воли, мышления, речи и др. Реализация этих качеств выступает одним из факторов успешной подготовки курсантов к будущей профессиональной деятельности [5].

Нельзя стать компетентным специалистом без соответствующего образования и опыта. Наряду со знаниями необходимы еще мотивация и способность реализовать свой потенциал, трансформировать его в успешную деятельность.

Изучение дисциплины «Иностранный язык» направлено на формирование у курсанта следующих компетенций:

1) общекультурных:

– способности понимать движущие силы и закономерности исторического процесса, уважительно и бережно относиться к историческому наследию и культурным традициям, толерантно воспринимать социально-культурные различия;

– способности ориентироваться в политических и социальных процессах, использовать знания и методы гуманитарных и социальных наук при решении профессиональных задач;

– способности к толерантному поведению, к социальному и профессиональному взаимодействию с учетом этнокультурных и конфессиональных различий, к работе в коллективе, кооперации с коллегами, к предупреждению и конструктивному разрешению конфликтных ситуаций в процессе профессиональной деятельности;

– способности к деловому общению, профессиональной коммуникации на одном из иностранных языков;

2) профессиональных:

– способности обрабатывать, анализировать и систематизировать научно-психологическую информацию, отечественный и зарубежный опыт по теме исследования;

– способности готовить научные отчеты, обзоры, публикации и рекомендации по результатам выполненных исследований;

3) военно-профессиональных:

– постоянно работать над совершенствованием своего профессионального, интеллектуального, духовного, нравственного и физического уровня развития, поддерживать образцовый внешний вид и строевую выправку, владеть культурой мышления и речи;

- проявлять патриотизм, способствовать укреплению мира и дружбы между народами, предотвращению национальных и религиозных конфликтов;
- соблюдать нормы международного гуманитарного права, правила обращения с ранеными, больными, лицами, потерпевшими кораблекрушение, медицинским персоналом, духовными лицами, гражданским населением в районе боевых действий, а также с военнопленными;
- осуществлять информирование личного состава подразделения о событиях в мире и в стране, о жизни и служебно-боевой деятельности войск [3, с. 32—35; 4].

Курсанты осваивают гражданские специальности, военную специализацию, которая напрямую связана с их гражданской профессией. Немаловажное значение в профессиональном становлении будущего специалиста отводится иностранному языку, поскольку специальность и военная специализация требуют реализации способности к общению, в частности, на международном языке, которым является английский язык. В связи с этим профессиональная подготовка будущих специалистов приобретает комплексный характер, а применение иностранного языка в этой подготовке становится одной из педагогических моделей в профессиональном образовании [1; 2, с. 57—61].

При обучении на таких специальностях, как «Управление мотострелковыми подразделениями», «Управление танковыми подразделениями», «Тыловое обеспечение», «Идеологическая работа в подразделениях Вооруженных Сил», «Управление воздушно-десантными подразделениями», «Радио- и радиотехническая разведка», «Радиоэлектронная борьба», курсанты уделяют много времени изучению военных и специальных предметов (цикл общепрофессиональных и специальных дисциплин), на которые отводится 3 068 учебных часов. Иностранному языку уделяется только 4,4%. Кроме того, у курсантов помимо учебы еще и несение службы в различных видах нарядов, полигонные практики. В связи с этим занятия проводятся нерегулярно. Как следствие, информация, полученная на занятиях, может не усваиваться, не запоминаться и со временем забываться. Поэтому на момент окончания учреждения высшего образования курсанты овладевают иностранным языком в объеме, недостаточном для профессионального общения, и утрачивают ранее приобретенные коммуникативные навыки (без постоянной языковой практики), что препятствует успешному профессиональному становлению специалистов. Следовательно, кроме желания выучить иностранный язык в неязыковом, военном учреждении высшего образования, нужна мотивация, что во многом зависит от преподавателя, его умения подать материал (презентации, сопровождающиеся аудио- и видеоматериалами на изучаемом языке), заинтересовать курсанта, привлечь его к участию в олимпиадах, конкурсах и конференциях на изучаемом языке.

На кафедре иностранных языков существует практика проведения военно-исторического и историко-патриотического Республиканского конкурса «Парад взводов», в котором принимают участие курсанты I—II курсов Военной академии Республики Беларусь и учащиеся кадетских и суворовских училищ. Целью проведения конкурса является повышение мотивации курсантов к изучению иностранных языков, развитие способности обучаемых к коллективным творческим деятельности в гуманитарной сфере. В ходе конкурса команды рассказывают о себе и исполняют песню военных лет на изучаемом иностранном языке.

Мы также приняли участие в данном конкурсе на английском языке. Во втором (республиканском) туре среди 13 команд (8 — кадетских и суворовских училищ, 5 — команд военной академии), мы заняли 2-е место (изучение иностранного языка проходило в течение одного года в объеме 136 часов). Участие в «Параде взводов» помогло нам не только более углубленно изучить тему «Страницы биографии. Моя семья», но и интересно рассказать о себе со сцены, исполнить гимн ВДВ «Синева» на английском языке в переводе Ю. В. Маслова.

Заключение. Для изучения иностранного языка, необходимого в рамках профессиональной деятельности, важно не только посещать занятия, но и заниматься внеклассной работой по предмету.

Список цитируемых источников

1. *Вербицкий, А. А.* Развивают ли деловые игры: к проблеме классификации игровых процедур / А. А. Вербицкий // Проблемы психологии образования. — М.: Исслед. центр проблем качества подготовки специалистов, 1994. — Вып. 2. — С. 12—14.
2. *Волкова, А. Ю.* Практическое значение профессионально-ориентированного обучения иностранному языку студентов неязыковых факультетов / А. Ю. Волкова // Содержание профессиональной подготовки по иностранным языкам в неязыковом вузе: материалы III Междунар. науч.-практ. конф., Химки, 25 марта 2015 г. — Химки, 2015. — С. 57—61.
3. *Добрыдина, Т. И.* Формирование профессиональных компетенций будущих педагогов в процессе обучения иностранному языку / Т. И. Добрыдина // Вестн. ТГПУ. — 2010. — Вып. 1 (91). — С. 32—35.
4. *Исаева, О. Н.* Сущность профессионально ориентированного обучения студентов-нефилологов иностранному языку [Электронный ресурс] / О. Н. Исаева // Вестн. СамГУ. — 2007. — № 1 (51). — С. 127—135. — Режим доступа: <http://vestnik-samgu.samsu.ru/gum.pdf>. — Дата доступа: 04.10.2017.
5. *Макар, Л. В.* Обучение профессионально ориентированному общению на английском языке студентов неязыкового вуза: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02 / Л. В. Макар. — СПб., 2000. — 21 с.
6. *Шалагинов, Б. Б.* Путь Гёте. Жизнь. Философия. Творчество / Б. Б. Шалагинов. — Харьков: Ранок, 2003. — 287 с.

CROSS-CULTURAL RESEARCH: THE BRITISH NATIONAL PRIDE

Introduction. Teaching the issues of intercultural communication has gained significant attention in recent years due to the need for communication skills that provide successful international encounters and eliminate the risk of cultural barriers. Developing these skills is unimaginable without learning different aspects of culture. In order to avoid frustration in intercultural communication one must follow the rules of etiquette, escape taboo topics and take into account the values that conversational partners are proud of. To choose a common topic in an intercultural conversation is a good start to making intercultural communication successful. But what is the topic choice based on? For example, what can we talk about with the British? We suggest that one of the most preferable ways is to touch upon something that is part of their national pride. The above explains the topicality of this research.

Our study will help future foreign language teachers meet the demands of intercultural communication in terms of deepening understanding of the core British national values, which are reflected in verbal interaction with them. The subject of the research is British national pride. Pride is seen as “a feeling that you are proud of something that you or someone connected with you has achieved” [1]. Another definition runs that “the national pride is a feeling of devotion to one’s own country and concern for its defence” [2]. The necessity of researching the indicated subject is determined by insufficient studies of the modern British views on it. It is also determined by certain misunderstanding of the British national pride by Belarusians on the one hand, and the importance of taking into consideration different aspects of the British national pride in interpersonal intercultural encounters on the other hand. It is marked that student English course books that are used in the Belarusian schools contain a lot of topics about the UK, and this research will help to reveal whether they match the widespread opinions about the British national pride or, rather, create some stereotypes which influence on the topic choice.

Main part. Our research is based on the theory of intercultural communication. One of its peculiarities is the need to avoid stereotypes for successful intercultural communication. The study of stereotyping first was published by Katz and Braly in 1933 when they reported the results of a questionnaire completed by students at Princeton University in the USA [3]. They concluded that ethnic stereotypes are widespread and shared by members of a particular social group. Recent research proves that stereotypes are the way of categorizing and processing information people receive about others in their daily life. They may be harmful because they create barriers in intercultural communication [4, p. 34].

The goal of the research is to determine the aspects of the modern British socio-cultural portrait that should be taught in foreign language classrooms in Belarus. This will help learners understand what the British are proud of and, in perspective, to promote successful intercultural interactions. The objectives of the study include:

- to find out the British people’s views on their national pride;
- to determine the topics about the British covered in the student English course books that are used in the Belarusian schools;
- to do a comparative analysis of the British and Belarusian people’s views on the British national pride and finding out the common and distinctive features;
- to suggest topics about the UK to be discussed in foreign language classroom in Belarusian schools.

The above objectives determined the implementation of the following research methods:

- 1) the completion of the sentence “The British are proud of...”;
- 2) the content analysis of English course books used in Belarusian schools;
- 3) the comparison of the areas of the British national pride with the topics about British culture in English course books.

It was hypothesized that if the comparative analysis of the British opinions about the British national pride and the topics about the British in the textbooks shows that there are some new areas which are not touched upon in the course books, it will presumably lead to some limitations in pupils’ future intercultural communication.

The present research was organized in 3 stages. The goal of the first stage was to find out the typical subjects of the British national pride by processing the data obtained via the social net “Facebook”. 55 people were asked to complete the sentence “The British are proud of...”. Having analyzed the answers we found that, in spite of the fact that about 35% of the responders admitted that they were ashamed of being the British, there were 13 areas which they named to be part of their national pride. The results are shown in Table 1.

As one can see, the above areas have different values. The most important values that represent pride for them constitute: the role of the English language in the world, institutions, monarchy, industrial revolution, respect among people and history (50—29%). Less significance include food, inventions and famous people (25—22%). Lastly, they are proud of sport, humour, traditions, and landmarks (19—10%).

T a b l e 1 — The contemporary views on the British national pride

Area	Number of the responders, %
1. Role of the English language in the world	50,07
2. British institutions	40,08
3. Monarchy	37,06
4. Industrial revolution	34,01
5. Respect among people	31,43
6. History	29,01
7. Food	25,05
8. Inventions	25,03
9. Famous people	22,02
10. Sport	19,08
11. Humour	17,03
12. Traditions	15,04
13. Landmarks	10,01

In the second stage of the research, the goal was to analyze the topics of the texts about the UK that are written in the English course books that are used in Belarus [5—8]. We chose the course books for 8—11 forms, because the pupils' level of language competence is sufficient for intercultural communication. The results of our study are as follows: (a) symbols; (b) monarchy; (c) holidays; (d) traditions; (e) universities; (f) schools; (g) sport; (h) landmarks; (i) famous people and (j) the English language.

Some features of the content analysis of the texts are worthy to mention. We noticed that they provide the information only about the Queen Elizabeth II, but other British kings or queens are not mentioned. Meanwhile the Queen Victoria and Elizabeth I are a very important part of the British national pride. In the course books there are many texts about sport and conventional traditions (e. g., 5 o'clock tea). But only 15% of the British people said they are proud of traditions and follow them. Additionally, we admit that the topics about the sights in the course books are very useful to motivate children to teach English, but they are not so much helpful regarding the topic choice with the British, and it is doubtful that they promote intercultural communication.

The goal of the third stage of the study was to suggest new topics, which are not reflected in the course books, to discuss in English classes. The representation of the topics, that reflect the responders' opinions about the British national pride, in English course books that are used in Belarusian schools are presented in Table 2.

T a b l e 2 — Representation of the topics about the British national pride in English course books

Topics about the UK	British views	English course books that are used in Belarusian schools
1. Language	+	+
2. British institutions	+	–
3. Monarchy	+	+
4. Industrial revolution	+	–
5. Respect among people	+	–
6. History	+	+
7. Food	+	+
8. Inventions	+	–
9. Famous people	+	+
10. Sport	+	+
11. Humour	+	–
12. Traditions	+	+
13. Landmarks	+	+
14. Holidays	–	+
15. Symbols	–	+
16. Universities and schools	–	+

We see that the British and Belarusian views on the British national pride do not coincide fully. The English course books do not reflect the information about the British institutions, industrial revolution and inventions. On the contrary, the British are not that proud about their holidays, symbols, universities and schools: the topics which are studied in Belarusian schools. It means that foreign language teachers can underestimate transformations of the social processes that happen in the modern British society. Therefore, we proved the main hypothesis is true: there are some new areas which are not reflected in the course books that it will presumably lead to some limitations in pupils' future intercultural communication.

We assume that it would be logical to discuss in the English classroom the topics which at least 30% of the British responders classified as part of their national pride. The list of them may include:

1. The top British inventions as their national pride (e. g., WWW, steam engine, the theory of evolution, etc.).
2. Queen Elizabeth I and Queen Victoria.
3. The role of the English language in the world.
4. The British historical events (Waterloo, World War I, World War II).
5. The values of the British (democracy, individualism, privacy, equality, etc.).
6. The rules of the British etiquette (politeness, addressing people, etc.).

Conclusion. We suggest the students and future foreign language teachers, to consider the following recommendations.

1. In order to prepare schoolchildren for intercultural communication, it is logical to discuss, in English classes, the authentic texts about the role of the English language in the world, the relationships in the modern British society, British history and the monarchy.

2. To eliminate stereotypes concerning the topic choice in intercultural communication, it's worthy to use texts about British landmarks, traditions, sports and holidays for motivating students to learn English rather than using them to teach intercultural communication.

References

1. Longman dictionary [Electronic resource]. — Mode of access: <https://www.ldoceonline.com/dictionary/pride> . — Date of access: 10.11.2017.
2. The free dictionary [Electronic resource]. — Mode of access: <https://www.thefreedictionary.com/National+pride> . — Date of access: 10.11.2017.
3. Katz, D. Basic Stereotypes of One Hundred College Students / D. Katz, K. Braly // *Abnormal and Social Psychology*. — 1933. — P. 280—290.
4. *Martin, J. Experiencing Intercultural Communication* / J. Martin, T. Nakayama. — 2nd ed. — New York : Mc Graw Hill, 2005. — 315 p.
5. Английский язык : учеб. пособие для 10-го класса учреждений общ. сред. образования с рус. и белорус. яз. обучения / Н. В. Демченко [и др.]. — Минск : Издат. центр БГУ, 2014. — 310 с.
6. Английский язык : учеб. пособие для 9-го класса учреждений общ. сред. образования с рус. яз. обучения / Л. М. Лапицкая [и др.]. — Минск : Выш. шк., 2011. — 294 с.
7. Английский язык : учеб. пособие для 8-го класса учреждений общ. сред. образования с рус. яз. обучения / Л. М. Лапицкая [и др.]. — Минск : Выш. шк., 2010. — 221 с.
8. Английский язык : учеб. пособие для 11-го класса учреждений общ. сред. образования с рус. яз. обучения / Н. В. Юхнель [и др.]. — Минск : Выш. шк., 2012. — 358 с.

UDC 378.147.227

K. Y. Fotin, N. A. Shibanov

The Military Academy of the Republic of Belarus, Minsk

LANGUAGE TRAINING OF THE AMERICAN SPECIAL FORCES

Introduction. The Special Forces of the United States Army, or Green Berets, as they are known, are an elite military force that supports various American goals overseas. The motto of the US Army Special Forces is “De Oppresso Liber,” which means to liberate the oppressed. Like other special operations units, Special Forces perform direct action, special reconnaissance, counterterrorism and unconventional warfare.

However, what sets the Special Forces from other special operations units is their use of Foreign Internal Defense, or training indigenous troops to fight for freedom.

Main part. The mission of the Special Forces is quite complex and very wide in scope. They support movements that the United States believe will be beneficial to its goals, and they also offersadvice and diplomatic support during American missions overseas. That's why most members are bilingual and college-educated, and they receive additional diplomatic and cultural training once they are accepted into training.

The United States Army Special Forces Command (USASFC) has set the ambitious goal of having at least one Soldier qualified at levels 2 and 3 in each deploying twelve-man Operational Detachment Alpha (ODA).

Active duty Special Forces qualified Soldiers are assigned to one of five regionally oriented Special Forces groups where the individual language and cultural skills of these Soldiers are leveraged to execute the regional specific missions of each Special Forces group. As an example, Special Forces qualified Soldier initially assigned to the 1st Special Forces Group would receive language training in an Asian language such as Chinese, Korean, Thai, Tagalog or Indonesian.

Languages include French, Indonesian-Bahasa, Spanish, Arabic, Chinese-Mandarin, Czech, Dari, Hungarian, Korean, Pashto, Persian-Farsi, Polish, Russian, Tagalog, Thai, Turkish and Urdu.

The years of operational experience have reinforced what Special Operations Forces leaders have understood: that foreign language skills are essential for conducting the unique missions of Army Special Forces. Going back to their World War II roots in the OSS, Special Forces have long been distinguished by their foreign language skills. In recent years, these skills have only become more important. In the foreword to the Army's most recent doctrinal publication involving Special Forces, ADP 3-05, Special Operations, USASOC commanding general LTG Charles T. Cleveland writes that success for SOF in future conflicts requires "a profound understanding of foreign culture and fluency in local languages."

Becoming a special forces soldier is a long, difficult process, but it can be accomplished with dedication, commitment and proper preparation. To become part of the Army's Green Berets, along with Physical Fitness Tests, you need to take Defense Language Aptitude Battery or Defense Language Proficiency Test.

The Defense Language Aptitude Battery (DLAB) is a test used by the United States Department of Defense to test an individual's potential for learning a foreign language. The defense language aptitude battery consists of two major sets of the aptitude tests; audio and visual. It consists of 126 multiple-choice questions and the test is scored out of a possible 176 points.

Phonetic coding, foreign language syntax and structures are tested to see your acquired skill or aptitude for foreign languages.

The Defense Language Proficiency Test (or DLPT) is a battery of foreign language tests produced by the Defense Language Institute and used by the United States Department of Defense. They are intended to assess the general language proficiency of native English speakers in a specific foreign language, in the skills of reading and listening. The tests are meant to measure how well a person can function in real-life situations in a foreign language. The tests are used to assess the skill level of DoD linguists. Linguists are tested once a year in the skills of reading and listening.

The tests rate you as 0, 1, 1+, 2, 2+, or 3. The highest number 3 is considered the best competitive score.

Training and selection course of the Green Beret includes 6 phases, language course is the 5th one and is 26 weeks for all students regardless of the difficulty of the language studied and students are required to achieve level 1 before they can earn their Green Beret. Foreign languages are grouped into four categories based on their difficulty. Category I languages, such as French or Spanish, and Category II languages, such as Indonesian, are the easiest to learn, while Category III languages, such as Russian, and Category IV languages, such as Chinese, are the most difficult. Special Forces students are assigned their target language based on their aptitude for learning foreign languages as demonstrated through scores on the Defense Language Aptitude Battery.

After graduation, Special Forces Soldiers continue to receive sustainment training and are expected to maintain a 1/1 in their designated target language. Soldiers who fail to maintain a 1/1 are not eligible for advanced skills training and are less competitive for promotion. Special Forces Soldiers who are assigned a Category I or II language must have, at a minimum, 80 hours of annual foreign language sustainment training while Soldiers who have a Category III or IV language must have 120 hours. In all cases only 40 hours of this annual training can be independent study, the remainder must be instructor led in some form. Based on operational needs and availability, soldiers also have access to alternative training venues to include distance education through video conferencing, resident courses at DLI and participating universities, intermediate level courses specifically designed for Special Operations Forces and short-term overseas programs.

Conclusion. Depending on the Language tested on and the score achieved (must be a 2, 2+, or 3), soldiers may receive Foreign Language Proficiency Pay (FLPP) added to their pay check each month. The amount of pay varies based on the category (payment list) of the language, the level of demonstrated proficiency, and possibly the member's occupation (MOS). The lowest payment is \$100 per month. By law, the services are authorized to pay up to \$1,000 per month per member for FLPP, depending on the number of languages proficient at. However, the individual services are each making their own plans for implementation. Soldiers receiving FLPP pay must retest annually in order to continue to receive the extra pay.